

Сборникъ „Нивы“ за 1903 г.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

Изданіе третье

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Н. С. ЛѢскова, гравиров. на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛИОТЕКУ НИВЫ“ на 1903-й Г.,

въ составъ которой входитъ 2-е стереотипное роскошно-иллюстрированное изданіе:

„Исторія Русской Словесности“

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,

полная, подробная, въ общедоступномъ изложении, составленная

П. Н. ПОЛЕВЫМЪ.

„Исторія Русской Словесности“ выйдетъ въ свѣтъ въ теченіе 1903 г. въ видѣ 12-ти ежемѣсячныхъ выпусковъ, которые составятъ **три большихъ тома** in quarto, заключающихъ въ себѣ болѣе **2000 страницъ**, около **1000 гравюръ** на деревѣ и автотипій (рисунки, снимки, портреты, автографы и проч.), **19 хромолитографій**, отпечатанныхъ многими красками и золотомъ, и **38 отдѣльныхъ приложений**, воспроизведенныхъ разными техническими способами.

Цѣль настоящаго изданія нашего — дать русской публикѣ такую „Исторію Русской Словесности“, которая, при всемъ своемъ обширномъ объемѣ, при всей подробности изложенія отдѣльныхъ эпохъ и разсмотрѣнія отдѣльныхъ произведеній, — была бы всею одинаково доступна, вразумительна и понятна, была бы для всѣхъ одинаково открытою книгою, при посредствѣ которой каждый русскій человѣкъ могъ бы свободно заглянуть въ историческое прошлое русской мысли и чувства. Подробно изображая исторію русской словесности въ ея постепенномъ и послѣдовательномъ развитіи, авторъ старательно отмѣчаетъ, на всемъ ея длинномъ пути, тѣсную связь, существующую между исторіей русской словесности и исторіей происшествій въ Россіи, а равно и тѣ историческія условія, которыя способствовали или препятствовали успѣхамъ русскаго просвѣщенія и литературы въ ту или другую эпоху. Также въ видахъ всесторонняго выясненія и возможно болѣе нагляднаго представленія предмета, мы въ нашемъ изданіи „Исторіи Русской Словесности“ украсили ея богатое содержаніе многочисленными художественными иллюстраціями и приложениями, живо

характеризующими тотъ или другой историческій періодъ русской словесности, ея болѣе или менѣе выдающихся дѣятелей и представителей, тѣ или другія замѣчательныя произведенія литературы; такъ, въ иллюстраціяхъ этихъ воспроизведены: портреты русскихъ писателей, поэтовъ и журналистовъ, ихъ письма, автографы, собственноручныя рисунки и наброски, снимки съ памятниковъ древней письменности, заставокъ и виьетокъ первопечатныхъ книгъ; фронтисписы, титульныя листы и заглавныя страницы книгъ и журналовъ, составляющихъ нынѣ библиографическую рѣдкость, и т. д.

Благодаря богатому содержанію, ясности и простотѣ изложенія, обилію и разнообразію иллюстрацій и роскошной внѣшности въ отношеніи бумаги и шрифта, при весьма умѣренной цѣнѣ и очень льготныхъ условіяхъ разсрочки, — „Исторія Русской Словесности“ въ нашемъ изданіи должна занять видное мѣсто въ числѣ любимыхъ настольныхъ книгъ русской семьи, въ которую она можетъ внести такъ много важныхъ и поучительныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для каждаго образованнаго человѣка.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе, выходящее въ 12-ти выпускахъ

по одному выпуску въ мѣсяцъ: **Безъ доставки:** 1) въ С.-Петербургѣ — 12 р., 2) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи) и въ Одессѣ, въ книжки. магазинѣ «Образованіе» (Ришельевская, № 12) — 13 р. **Съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой во всѣ города и мѣстности Россіи** — 14 р., съ пересылкой за границу — 16 руб.

Разрочка платежа въ 2, 3, 4 и 6 сроковъ.

Для ознакомленія съ изданіемъ, **ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ** „Исторіи Русской Словесности“ **ПРОДАЕТСЯ ОТДѢЛЬНО** въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, а изъ конторы изданій А. Ф. Маркса, СПб., улица Гоголя (бывш. М. Морская), № 22, высылается иногороднымъ за **ОДИНЪ РУБЛЬ** (можно **ПОЧТОВЫМИ МАРКАМИ** въ заказномъ письмѣ). Лица, выплавившія первый выпускъ „Исторіи Русской Словесности“, могутъ подписаться на все изданіе съ второго выпуска, уплачивая, понятно, въ этомъ случаѣ однимъ рублемъ меньше.

Желающіе могутъ получить сразу все изданіе въ 12-ти выпускахъ, уплативъ одновременно его стоимость — 12 р., съ перес. 14 р.; въ 3-хъ коленкор. переплет. — 16 р., съ перес. въ Европ. Россіи — 19 р., а въ Азіатскую — по разстоянію за 30 фунтовъ.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ, украшенное многими образцами иллюстрацій, съ подробными условіями подписки и разсрочки, высылается бесплатно.

Требованія и деньги адресовать: въ контору изд. А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, улица Гоголя (бывш. Малая Морская), № 22.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета ЛѢскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1903.

INSTITUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
W BIBLIOTEKA
<http://tcm.org.pl>
00-330 Warszawa, ul. Nowy Swiat 77
Tel. 26-68-63

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

24.124/14

ОВЦЕБЫКЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Питается травюю, а при недостаткѣ
ея и лишаями.

Изъ зоологій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Когда я познакомился съ Василиемъ Петровичемъ, его уже звали «Овцебыкомъ». Кличку эту ему дали потому, что его наружность необыкновенно напоминала овцебыка, котораго можно видѣть въ иллюстрированномъ руководствѣ къ зоологій Юліана Симанки. Ему было 28 лѣтъ, а на видъ казалось гораздо болѣе. Это былъ не атлетъ, не богатырь, но человѣкъ очень сильный и здоровый, небольшого роста, коренастый и широкоплечій. Лицо у Василя Петровича было сѣрое и круглое, но круглое было только одно лицо, а черепъ представлялъ странную уродливость. Съ перваго взгляда онъ какъ будто напоминалъ нѣсколько кафрекой черепъ, но, всматриваясь и изучая эту голову ближе, вы не могли бы подвести ее ни подъ одну френологическую систему. Прическу онъ носилъ такую, какъ будто нарочно хотѣлъ ввести всѣхъ въ заблужденіе о фигурѣ своего «верхняго этажа». Сзади онъ очень коротко выстригалъ весь затылокъ, а напередѣ отъ ушей его темно-каштановые волосы шли двумя длинными и густыми косицами. Василий Петровичъ обыкновенно крутилъ эти косицы, и онѣ постоянно лежали свернутыми валиками на его вискахъ, а на щекахъ загинались, напоминая собою рога того животнаго, въ честь котораго онъ получилъ свою кличку. Этимъ косицамъ Ва-

силій Петровицъ болѣе всего былъ обязанъ своимъ сходствомъ съ овцебыкомъ. Въ фигурѣ Василя Петровича, однако, не было ничего смѣшного. Человѣкъ, который встрѣчался съ нимъ въ первый разъ, видѣлъ только, что Василій Петровицъ, какъ говорится, «плохо скроенъ, да крѣпко сшитъ», а взглянувъ въ его каріе, широко разставленные глаза, нельзя было не видать въ нихъ здороваго ума, воли и рѣшительности. Характеръ Василя Петровича имѣлъ много оригинальнаго. Отличительною его чертою была евангельская беззаботливость о себѣ. Сынъ сельскаго дьячка, выросшій въ горькой нуждѣ и, вдобавокъ еще, рано осиротѣвшій, онъ никогда не заботился не только о прочномъ улучшеніи своего существованія, но даже никогда, кажется, не подумалъ о завтрашнемъ днѣ. Ему отдавать было нечего, но онъ способенъ былъ снять съ себя послѣднюю рубашку и предполагалъ такую же способность въ каждомъ изъ людей, съ которыми сходился; а всѣхъ остальныхъ обыкновенно называлъ кратко и ясно «свиньями». Когда у Василя Петровича не было сапоговъ, то-есть если сапоги его, какъ онъ выражался, «совсѣмъ разѣвали ротъ», то онъ шелъ ко мнѣ или къ вамъ, безъ всякой церемоніи бралъ ваши запасные сапоги, если они ему кое-какъ всходили на ногу, а свои осметки оставлялъ вамъ на память. Дома ли вы, или нѣтъ, Василю Петровичу это было все равно: онъ располагался у васъ по-домашнему, бралъ что ему нужно, всегда въ возможно маломъ количествѣ, и иногда при встрѣчѣ говорилъ, что онъ взялъ у васъ табаку или чаю, или сапоги, а чаще случалось, что и ничего не говорилъ о такихъ мелочахъ. Новой литературы онъ терпѣть не могъ и читалъ только евангеліе да древнихъ классиковъ; о женщинахъ не могъ слышать никакого разговора, почиталъ ихъ всѣхъ поголовно *дурами* и очень серьезно жалѣлъ, что его старуха-мать—женщина, а не какое-нибудь безполое существо. Самоотверженіе Василя Петровича не имѣло границъ. Онъ никогда не показывалъ кому-нибудь изъ насъ, что онъ кого-нибудь любитъ; но всѣ очень хорошо знали, что нѣтъ жертвы, которой бы Овцебыкъ не принесъ для cadaго изъ своихъ присныхъ и знаемыхъ. Въ готовности же его жертвовать собою за избранную идею никому и въ голову не приходило сомнѣваться, но идею эту не легко было отыскать подъ черепомъ нашего Овцебыка. Онъ не смѣялся надъ многими

теоріями, въ которыя мы тогда жарко вѣрили, но глубоко и искренно презирали ихъ.

Разговоры Овцебыкъ не любилъ, дѣлалъ все молча, и дѣлалъ именно то, чего въ данную минуту менѣ всего могли отъ него ожидать.

Какъ и почему онъ сошелся съ маленькимъ кружкомъ, къ которому принадлежалъ и я во время моего непродолжительнаго житія въ нашемъ губернскомъ городѣ—я не знаю. Овцебыкъ года за три передъ моимъ прїѣздомъ окончилъ курсъ въ курской семинаріи. Мать, кормившая его крохами, собираемыми ради Христа, съ нетерпѣніемъ ждала, когда сынъ сдѣлается попомъ и заживетъ на приходѣ съ молодою женою. Но у сына и мысли не было о молодой женѣ. Жениться Василій Петровичъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія. Курсъ былъ оконченъ; мать все освѣдомилась о невѣстахъ, а Василій Петровичъ молчалъ и въ одно прекрасное утро исчезъ неизвѣстно куда. Только черезъ полгода прислалъ онъ матери 25 рублей и письмо, въ которомъ увѣдомлялъ нищенствовавшую старуху, что онъ пришелъ въ Казань и поступилъ въ тамошнюю духовную академію. Какъ онъ дошелъ до Казани, отломавъ болѣе тысячи верстъ, и какимъ образомъ досталъ 25 рублей—это осталось неизвѣстнымъ. Овцебыкъ ни слова не написалъ объ этомъ матери. Но не успѣла старуха порадоваться, что ея Вася будетъ когда-нибудь архіереемъ и она будетъ тогда жить у него въ свѣтлой комнаткѣ съ бѣлой печкою и всякій день по два раза пить чай съ изюмомъ, Вася какъ будто съ неба упалъ—нежданно-негаданно снова явился въ Курскъ. Много его разспрашивали: что такое? какъ? отчего онъ вернулся? но узнали немного. «Не поладилъ», коротко отвѣчалъ Овцебыкъ, и больше отъ него ничего не могли добиться. Только одному человѣку онъ сказалъ немножко болѣе: «Не хочу я быть монахомъ», а больше ужъ никто отъ него ничего не добился.

Человѣкъ, которому Овцебыкъ сказалъ болѣе, чѣмъ всѣмъ прочимъ, былъ Яковъ Челновскій, добрый, хорошій малый, неспособный обидѣть мухи и готовый на всякую службу ближнему. Челновскій доводился мнѣ родственникомъ въ какомъ-то далекомъ колѣнѣ. У Челновскаго я и познакомился съ коренастымъ героемъ моего разсказа.

Это было лѣтомъ 1854 года. Мнѣ нужно было хлопотать

по процессу, производившемуся въ курскихъ присутственныхъ мѣстахъ.

Въ Курскъ я пріѣхалъ въ 7 часовъ утра въ маѣ мѣсяцѣ, прямо къ Челновскому. Онъ въ это время занимался приготовленіемъ молодыхъ людей въ университетъ, давалъ уроки русскаго языка и исторіи въ двухъ женскихъ пансіонахъ и жилъ не худо; имѣлъ порядочную квартиру въ три комнаты съ передней, изрядную библіотеку, мягкую мебель, нѣсколько горшковъ экзотическихъ растений и бульдога «Бокса», съ оскаленными зубами, весьма неприличной турнюрой и походкой, которая слегка смахивала на канканъ.

Челновскій чрезвычайно обрадовался моему пріѣзду и взялъ съ меня слово непременно остаться у него на все время моего пребыванія въ Курскѣ. Самъ онъ обыкновенно бѣгалъ цѣлый день по урокамъ, а я то навѣщалъ гражданскую палату, то бродилъ безъ цѣли около Тускари или Сейма. Первую изъ этихъ рѣкъ вы совѣмъ не встрѣтите на многихъ картахъ Россіи, а вторая славится особенно вкусными раками, но еще большую извѣстность она приобрѣла черезъ устроенную на ней шлюзовую систему, которая поглотила огромные капиталы, не освободивъ Сейма отъ репутаціи рѣки, «неудобной къ судоходству».

Прошло недѣли двѣ со дня пріѣзда въ Курскъ. Объ Овцебыкѣ никогда не заходило никакой рѣчи, я и не подозревалъ вовсе существованія такого страннаго звѣря въ предѣлахъ нашей черноземной полосы, изобилующей хлѣбомъ, нищими и ворами.

Однажды, усталый и измученный, возвратился я домой часу во второмъ пополудни. Въ передней меня встрѣтилъ Боксъ, сторожившій наше жилище гораздо рачительнѣе, чѣмъ восемнадцатилѣтній мальчикъ, состоявшій въ должности нашего камердинера. На столѣ въ залѣ лежалъ суконный картузь, истасканный до-нельзя; одна грязнѣйшая подтяжка съ надвязаннымъ на нее ремешкомъ, просаленный черный платокъ, свитый жгутомъ, и тоненькая палочка изъ лѣсной орѣшины. Во второй комнатѣ, заставленной книжными шкапами и довольно щеголеватую кабинетною мебелью, сидѣлъ на диванѣ запыленный до-нельзя человекъ. На немъ были ситцевая розовая рубашка и свѣтложелтые панталоны съ претертыми колѣнями. Сапоги незнакомца были покрыты густымъ слоемъ бѣлой шоссейной пыли, а

на кольяхъ у него лежала толстая книга, которую онъ читалъ, не нагиная головы. При входѣ моемъ въ кабинетъ, запыленная фигура бросила на меня одинъ бѣглый взглядъ и опять устремила глаза въ книгу. Въ спальнѣ все было въ порядкѣ. Полосатая холстинковая блуза Челновскаго, въ которую онъ облачался тотчасъ по возвращеніи домой, висѣла на своемъ мѣстѣ и свидѣтельствовала, что хозяйина нѣтъ дома. Никакъ я не могъ отгадать, кто этотъ странный гость, расположившійся такъ безцеремонно. Свирѣпый Боксъ смотрѣлъ на него, какъ на своего человѣка, и не ласкался только потому, что нѣжничанье, свойственное собакамъ французской породы, не въ характерѣ псовъ англосаксонской собачьей расы. Прошелъ я опять въ переднюю, имѣя двѣ цѣли: во-первыхъ, разспросить мальчика о гостѣ, а во-вторыхъ, вызвать своимъ появленіемъ на какое-нибудь слово самого гостя. Мнѣ не удалось ни то, ни другое. Передняя попрежнему была пуста, а гость даже не поднималъ на меня глазъ и спокойно сидѣлъ въ томъ же положеніи, въ которомъ я его засталъ пять минутъ назадъ. Оставалось одно средство: непосредственно обратиться къ самому гостю.

— Вы, вѣрно, Якова Иваныча дожидаете?—спросилъ я, остановясь передъ незнакомцемъ.

Гость лѣниво взглянулъ на меня, потомъ всталъ съ дивана, плюнулъ сквозь зубы, какъ умѣютъ плевать только великорусскіе мѣщане да семинаристы, и проговорилъ густымъ басомъ: «нѣтъ».

— Кого же вамъ угодно видѣть?—спросилъ я, удивленный страннымъ отвѣтомъ.

— Я просто такъ зашелъ,—отвѣчалъ гость, шагая по комнатѣ и закручивая свои косицы.

— Позвольте же узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

При этомъ я назвалъ свою фамилію и сказалъ, что я родственникъ Якова Ивановича.

— А я такъ, просто,—отвѣчалъ гость и опять взялся за свою книгу.

Тѣмъ разговоръ и покончился. Оставивъ всякую попытку разрѣшить для себя появленіе этой личности, я закурилъ папироску и легъ съ книгою въ рукахъ на свою постель. Когда придешь изъ-подъ солнечнаго припека въ чистую и прохладную комнату, гдѣ нѣтъ докучныхъ мухъ, а есть

опрятная постель, необыкновенно легко засыпается. Въ этотъ разъ я дозналъ это на опытѣ и не замѣтилъ, какъ книга выскользнула у меня изъ рукъ. Сквозь сладкій сонъ, которымъ спятъ люди, полные надеждъ и упованій, я слышалъ, какъ Челновскій читалъ мальчику нотацію, къ которымъ тотъ давно привыкъ и не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Полное же мое пробужденіе совершилось только, когда мой родственникъ вошелъ въ кабинетъ и крикнулъ:

— А! Овцебыкъ! Какими судьбами?

— Пришелъ,—отвѣтилъ гость на оригинальное привѣтствіе.

— Знаю, что пришелъ, да откуда же? гдѣ побывалъ?

— Отсюда не видать.

— Эко, шутъ какой! А давно припожаловать изволили?—спросилъ снова своего гостя Яковъ Ивановичъ, входя въ спальню.—Э! да ты спишь,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Вставай, братъ, я тебѣ звѣря покажу.

— Какого звѣря?—спросилъ я, еще не совсѣмъ возвращаясь къ тому, что называютъ бдѣніемъ, отъ того, что называется сномъ.

Челновскій ничего мнѣ не отвѣтилъ, но снялъ сюртукъ и накинулъ свою блузу, что было дѣломъ одной минуты, вышелъ въ кабинетъ и, таща оттуда за руку моего незнакомца, комически поклонился и, показывая рукою на упировавшагося гостя, проговорилъ: «Честь имѣю рекомендовать—Овцебыкъ. Питается травою, а при недостаткѣ ея можетъ ѣсть лишай».

Я всталъ и протянулъ руку Овцебыку, который въ продолженіе всей рекомендаціи спокойно смотрѣлъ на густую вѣтку сирени, закрывавшей отворенное окно нашей спальни.

— Я вамъ уже рекомендовался,—сказалъ я Овцебыку.

— Слышалъ я это,—отвѣчалъ Овцебыкъ:—а я кутейникъ Василій Богословскій.

— Какъ рекомендовался?—спросилъ Яковъ Ивановичъ.—Развѣ вы уже видѣлись?

— Да, я засталъ здѣсь Василья... я не имѣю чести знать, какъ по батюшкѣ?

— Петровъ былъ,—отвѣчалъ Богословскій.

— Это онъ былъ, а теперь зови его просто «Овцебыкъ».

— Мнѣ все ровно, какъ ни зовите.

— Э, нѣтъ, братъ! Ты Овцебыкъ есть, такъ тебѣ Овцебыкомъ и быть.

Сѣли за столъ. Василій Петровичъ налилъ себѣ рюмку водки, вылилъ ее въ ротъ, подержавъ нѣсколько секундъ за скулою, и, проглотивъ ее, значительнымъ образомъ взглянулъ на стоящую предъ нимъ тарелку супу.

— А студено нѣтъ развѣ? — спросилъ онъ хозяина.

— Нѣтъ, братъ, нѣту. Не ждали сегодня гостя дорогого, — отвѣчалъ Челновскій: — и не приготовили.

— Сами могли ѣсть.

— Мы и супъ можемъ ѣсть.

— Соусники! — прибавилъ Овцебыкъ.

— И гуся нѣтъ? — спросилъ онъ еще съ бѣльшимъ удивленіемъ, когда подали зразы.

— И гуся нѣтъ, — отвѣчалъ ему хозяинъ, улыбаясь своей ласковой улыбкой. — Завтра будетъ тебѣ и студень, и гусь, и каша съ гусинымъ саломъ.

— Завтра — не сегодня.

— Ну, что жъ дѣлать! А ты вѣрно давно не ѣлъ гуся?

Овцебыкъ посмотрѣлъ на него пристально и съ выраженіемъ какого-то удовольствія проговорилъ:

— А ты спроси лучше, давно ли я что-нибудь ѣлъ.

— Ну-у!

— Четвертаго дня вечеромъ калачъ въ Сѣвскѣ съѣлъ.

— Въ Сѣвскѣ?

Овцебыкъ утвердительно махнулъ рукой.

— А ты чего былъ въ Сѣвскѣ?

— Проходомъ шелъ.

— Да гдѣ же это тебя носило?

Овцебыкъ остановилъ вилку, которою таскалъ въ ротъ огромные куски зразь, опять пристально посмотрѣлъ на Челновскаго и, не отвѣчая на его вопросъ, сказалъ:

— Аль ты нынче табакъ нюхалъ?

— Какъ табакъ нюхалъ?

Челновскій и я расхохотались странному вопросу.

— Такъ.

— Да говори, милый звѣрь!

— Что языкъ-то у тебя свербить нынче.

— Да какъ же не спросить? Вѣдь цѣлый мѣсяць пропадалъ.

— Пропадалъ? — повторилъ Овцебыкъ. — Я, братъ, не пропаду, а пропаду такъ не задаромъ.

— Проповѣдничество насъ забло! — отозвался ко мнѣ Челновскій. — «Охота смертная, а участь горькая!» На торжищахъ и стогнахъ проповѣдывать въ нашъ просвѣщенный вѣкъ не дозволяется; въ попы мы не можемъ идти, чтобы *не прикоснуться жемъ, аки сосуду змѣину*, а въ монахи идти тоже что-то мѣшаетъ. Но ужъ что именно такое тутъ мѣшаетъ — про то не знаю».

— И хорошо, что не знаешь.

— Отчего же хорошо? Чѣмъ больше знать, тѣмъ лучше.

— Поди самъ въ монахи, такъ и узнаешь.

— А ты не хочешь послужить человѣчеству своимъ опытомъ?

— Чужой опытъ, братъ, — пустое дѣло, — сказалъ оригиналь, вставъ изъ-за стола и обтирая себѣ салфеткой цѣлое лицо, покрывшееся потомъ отъ усердствования за обѣдомъ. Положивъ салфетку, онъ отправился въ переднюю и досталъ тамъ изъ своего пальто маленькую глиняную трубочку съ чернымъ обгрызаннымъ чубучкомъ и ситцевый кисетикъ; набилъ трубку, кисетъ положилъ въ карманъ штановъ и направился снова къ передней.

— Кури здѣсь, — сказалъ ему Челновскій.

— Расчихаетесь неравно. Головы заболать.

Овцебыкъ стоялъ и улыбался. Я никогда не встрѣчалъ человѣка, который бы такъ улыбался, какъ Богословскій. Лицо его оставалось совершенно спокойнымъ; ни одна черта не двигалась, и въ глазахъ оставалось глубокое, грустное выраженіе, а между тѣмъ вы видѣли, что эти глаза смѣются, и смѣются самымъ добрымъ смѣхомъ, какимъ русскій человѣкъ иногда потѣшается надъ самимъ собою и надъ своею долею.

— Новый Диогенъ! — сказалъ Челновскій вслѣдъ вышедшему Овцебыку: — все людей евангельскихъ ищеть.

Мы закурили сигары и, улегшись на своихъ кроватяхъ, толковали о различныхъ человѣческихъ странностяхъ, приходившихъ намъ въ голову по поводу странностей Василя Петровича. Черезъ четверть часа вошелъ и Василій Петровичъ. Онъ поставилъ свою трубочку на полъ у печки, сѣлъ въ ногахъ у Челновскаго и, почесавъ правую рукою лѣвое плечо, сказалъ вполголоса:

- Кондицій искаль.
- Когда? — спросилъ его Челновскій..
- Да вотъ теперь.
- У кого жъ ты искаль?
- По дорогѣ.

Челновскій опять засмѣялся; но Овцебыкъ не обращалъ на это никакого вниманія.

- Ну, и что жъ Богъ далъ? — спросилъ его Челновскій.
- Нѣтъ ни шиша.
- Да шутина ты этакой! Кто же ищетъ кондицій по дорогѣ?

— Я заходилъ въ помѣщичьи дома, тамъ спрашивалъ, — серьезно продолжалъ Овцебыкъ.

- Ну, и что же?
- Не берутъ.
- Да разумѣется и не возьмутъ.

Овцебыкъ посмотрѣлъ на Челновскаго своимъ пристальнымъ взглядомъ и тѣмъ же ровнымъ тономъ спросилъ:

- Почему же это и не возьмутъ?
- Потому, что съ вѣтру пришлаго человѣка, безъ рекомендаціи, не берутъ въ домъ.

- Я аттестатъ показывалъ.
- А въ немъ написано: «поведенія довольно изряднаго»?
- Ну, такъ что жъ? Я, братъ, скажу тебѣ, что это все не оттого, а оттого что...

— Ты — Овцебыкъ, — подсказалъ Челновскій.

— Да, Овцебыкъ, пожалуй.

— Что жъ ты теперь думаешь дѣлать?

— Думаю вотъ еще трубочку покурить, — отвѣчалъ Василій Петровичъ, вставая и снова принимаясь за свой чубучокъ.

— Да кури здѣсь.

— Не надо.

— Кури: вѣдь окно открыто.

— Не надо.

— Да что тебѣ, первый разъ, что ли, курить у меня свой дубекъ?

— Имъ будетъ неприятно, — сказалъ Овцебыкъ, показывая на меня.

— Пожалуйста, курите, Василій Петровичъ; я — чело-

вѣкъ привыкшіи; для меня ни одинъ дубекъ ничего не значитъ.

— Да вѣдь у меня тотъ дубекъ, отъ котораго чортъ убѣгъ, — отвѣчалъ Овцебыкъ, налегая на букву *у* въ словѣ *дубекъ*, и въ его добрыхъ глазахъ опять мелькнула его симпатическая улыбка.

— Ну, а я не убѣгу.

— Значить, вы сильнѣй чорта.

— На этотъ случай.

— Онъ о силѣ чорта имѣетъ самое высокое мнѣніе, — сказала Челновскій.

— Одна баба, братъ, только злѣй чорта.

Василій Петровичъ напихалъ махоркою свою трубочку и, выпустивъ изъ рта тоненькую струйку ѣдкаго дыма, осадилъ пальцемъ горящій табакъ и сказалъ:

— Задачки стану переписывать.

— Какія задачки? — спросилъ Челновскій, приставляя ладонь къ своему уху.

— Задачки, задачки семинарскія стану, моль, пока переписывать. Ну, тетрадки ученическія, не понимаешь, что ли? — пояснилъ онъ.

— Понимаю теперь. Плохая, братъ, работа.

— Все равно.

— Два цѣлковыхъ въ мѣсяць какъ разъ заработаешь.

— Это мнѣ все едино.

— Ну, а дальше что?

— Кондиціи мнѣ отыщи.

— Опять въ деревню?

— Въ деревню лучше.

— И опять черезъ недѣлю уйдешь. Ты знаешь, что онъ сдѣлалъ прошлой весной, — сказалъ, обращаясь ко мнѣ, Челновскій. — Поставилъ я его на мѣсто, сто двадцать рублей въ годъ платы, на всемъ готовомъ, съ тѣмъ, чтобы онъ приготовилъ ко второму классу гимназіи одного мальчика. Справили ему все, что нужно, снарядили добраго молодца. Ну, думаю, на мѣстѣ нашъ Овцебыкъ! А онъ черезъ мѣсяць опять передъ нами какъ выросъ. Еще за свою науку и бѣлье тамъ оставилъ.

— Ну такъ что же, если нельзя было иначе, — сказалъ, нахмурясь, Овцебыкъ и всталъ со стула.

— А спроси его, отчего нельзя? — сказалъ Челновскій,

снова обращаясь ко мнѣ. — Оттого, что за волосенки пощипать мальчишку не позволили.

— Еще соври! — пробормоталъ Овцебыкъ.

— Ну, а какъ же было?

— Такъ было, что иначе нельзя было.

Овцебыкъ остановился передо мною и, подумавъ съ минутку, сказалъ:

— Вовсе особое дѣло было!

— Садитесь, Василиій Петровичъ, — сказалъ я, подвигаясь на кровати.

— Нѣтъ, не надо. Вовсе особое дѣло, — началъ онъ снова. — Мальчишкѣ пятнадцатый годъ, а между тѣмъ ужъ онъ совсѣмъ дворянинъ, то-есть безстыжая шельма.

— Вотъ у насъ какъ! — пошутилъ Челновскій.

— Да, — продолжалъ Овцебыкъ. — Поваръ у нихъ былъ Егоръ, молодой парень. Женился онъ, взявъ дячковскую дочь изъ нашего духовеннаго нищенства. Барчонокъ ужъ всему былъ обученъ и давай къ ней лязгаться. А бабѣнка молодая, не изъ таковскихъ; пожаловалась мужу, а мужъ — барынѣ. Та тамъ что-то поговорила сыну, а онъ опять за свое. Такъ въ другой разъ, въ третій — поваръ опять къ барынѣ, что женѣ отбою нѣтъ отъ барчука — опять ничего. Взяла меня досада. «Послушайте, говорю ему: — если вы еще разъ защитите Алѣнку, такъ я васъ тресну». Покраснѣлъ отъ досады; выиграла благородная кровь, знаете; полетѣлъ къ мамашѣ, а я за нимъ. Гляжу: она сидитъ въ креслахъ, и тоже вся красная; а сынъ по-французски ей жалобу на меня расписываетъ. Какъ увидѣла меня, сейчасъ взяла его за руку и улыбается, чортъ знаетъ чего. «Полно, говорить, — мой другъ. Василиій Петровичу, вѣрно, что-нибудь показалось; онъ шутитъ, и ты докажешь ему, что онъ ошибается». А сама, вижу, косится на меня. Малець мой пошелъ, а она, вмѣсто того, чтобы поговорить со мною о сынѣ, говоритъ: «Какой вы рыцарь, Василиій Петровичъ! Ужъ не сердечная ли у васъ зазнобушка?» Ну, а я этихъ вещей терпѣть не могу, — сказалъ Овцебыкъ, энергически махнувъ рукою. — Не могу я этого слушать, — повторилъ онъ еще разъ, возвысивъ голосъ, и снова зашагалъ.

— Ну, вы тутъ же и оставили этотъ домъ?

— Нѣтъ, черезъ полтора мѣсяца.

— И жили въ ладу?

— Ну, я ни съ кѣмъ не говорилъ.

— А за столомъ?

— Я съ конторщикомъ обѣдалъ.

— Какъ съ конторщикомъ?

— Просто сказать на застольной. Да это мнѣ ничего. Меня вѣдь обидѣть нельзя.

— Какъ нельзя?

— А разумѣется нельзя... ну, да что объ этомъ толковать... Только сижу я разъ послѣ обѣда подь окномъ. Тацита читаю, а въ людской, слышу, кто-то кричить. Что кричить—не разберу, а голосъ Алѣнкинъ. Барчукъ, думаю, вѣрно забавляется. Всталъ, подхожу къ людской. Слышу, Алѣнка плачетъ и сквозь слезы кричить: «стыдно вамъ», «Бога вы не боитесь» и разное такое. Смотрю, Алѣнка стоитъ на чердакѣ надъ приставной лѣстницей, а малецъ мой подь лѣстницей, такъ что бабѣ никакъ нельзя сойти. Стыдно... ну, знаете, какъ онѣ ходять... просто. А онѣ еще ее поддразниваетъ: «лѣзь, говорить,—а то отставлю лѣстницу». Зло мѣня такое взяло, что я вошелъ въ сѣни да и далъ ему затрещину.

— Такую, что у него изъ уха и изъ носа кровь хлынула,—засмѣявшись, подсказалъ Челновскій.

— Какая тамъ на его долю выросла.

— Что же вамъ мать?

— Да я ее послѣ не глядѣлъ. Я изъ людской прямо въ Курскъ пошелъ.

— Сколько же это версть?

— Сто семьдесятъ; да хоть бы и тысяча-семьсотъ, такъ это все равно.

Если бы вы видѣли въ эту минуту Овцебыка, то не усомнились бы, что ему, въ самомъ дѣлѣ, *все равно*, сколько версть ни пройти и кому ни дать затрещину, если, по его соображеніямъ, затрещину эту дать слѣдуетъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Начался знойный іюнь. Василій Петровичъ являлся къ намъ аккуратно всякій день часовъ въ 12, снималъ свой коленкоровый галстукъ, подтяжки и, сказавъ обоимъ намъ «здравствуйте», усаживался за своихъ классиковъ. Такъ проходило время до обѣда; послѣ же обѣда онъ закуривалъ трубочку и, ставъ у окна, обыкновенно спрашивалъ: «что жъ,

кондицій?» Прошелъ мѣсяць съ того дня, какъ Овцебыкъ каждый день повторялъ этотъ вопросъ Челновскому, и цѣлый мѣсяць всякій день онъ слышалъ одинъ и тотъ же самый неутѣшительный отвѣтъ. Мѣста даже и въ виду не было. Василя Петровича, повидимому, это, однако, нисколько не обходило. Онъ кушалъ съ прекраснымъ аппетитомъ и былъ постоянно въ своемъ неизмѣнномъ настроеніи духа. Только разъ или два я видѣлъ его раздраженіе обыкновеннаго: но и эта раздражительность не имѣла никакого соотношенія съ положеніемъ дѣлъ Василя Петровича. Она происходила отъ двухъ совершенно стороннихъ обстоятельствъ. Разъ онъ встрѣтился съ бабой, которая рыдала впричетъ, и спросилъ ее своимъ басомъ: «чего, дура, ревешь?» Баба сначала испугалась, а потомъ рассказала, что у нея изловили сына и завтра ведутъ его въ рекрутскій пріемъ. Василій Петровичъ вспомнилъ, что дѣлопроизводитель въ рекрутскомъ присутствіи былъ его товарищемъ по семинаріи, сходилъ къ нему рано утромъ и возвратился необыкновенно разстроеннымъ. Ходатайство его оказалось несостоятельнымъ. Въ другой разъ партію малолѣтнихъ еврейскихъ рекрутиковъ переговляли черезъ городъ. Въ ту пору наборы были частые. Василій Петровичъ, закусивъ верхнюю губу и подперши фертномъ руки, стоялъ подъ окномъ и внимательно смотрѣлъ на обозъ провозимыхъ рекрутъ. Обывательскія подводы медленно тянулись; телѣги, прыгая по губернской мостовой изъ стороны въ сторону, качали головки дѣтей, одѣтыхъ въ сѣрыя шинели изъ солдатскаго сукна. Большія сѣрыя шанки надвигались имъ на глаза и придавали ужасно печальный видъ красивымъ личикамъ и умнымъ глазенкамъ, съ тоскою и вмѣстѣ съ дѣтскимъ любопытствомъ смотрѣвшимъ на новый городъ и на толпы мѣщанскихъ мальчишекъ, бѣжавшихъ вприпрыжку за телѣгами. Сзади шли двѣ кухарки.

— Тоже, чай, матери гдѣ-нибудь есть?—сказала, поровнявшись съ нашимъ окномъ, одна рослая, рябая кухарка.

— Гляди, можетъ, и есть,—отвѣчала другая, запустивъ локти подъ рукава и скребя ногтями свои руки.

— И вѣдь имъ, небось, хоть и жиденята, а жалко ихъ?

— Да вѣдь что жъ, matka, дѣлать!

— Разумѣется, а только по материнству-то?

— Да, по материнству,—конечно... своя утроба... А нельзя...

— Конечно.

— Дуры!—крикнулъ имъ Василій Петровичъ.

Женщины остановились, взглянули на него съ удивленіемъ, обѣ вразъ сказали: «чего, гладкій песь, лаешься», и пошли дальше.

Мнѣ захотѣлось пойти посмотрѣть, какъ будутъ ссаживать этихъ несчастныхъ дѣтей у гарнизонной казармы.

— Пойдемте, Василій Петровичъ, къ казармамъ,—позвалъ я Богословскаго.

— Зачѣмъ?

— Посмотримъ, что тамъ съ ними будутъ дѣлать.

Василій Петровичъ ничего не отвѣчалъ; но когда я взялся за шляпу, онъ тоже всталъ и пошелъ вмѣстѣ со мною. Гарнизонныя казармы, куда привезли переходящую партію еврейскихъ рекрутиковъ, были отъ насъ довольно далеко. Когда мы подошли, телѣги уже были пусты и дѣти стояли правильной шеренгой въ два ряда. Партіонный офицеръ съ унтеръ-офицеромъ дѣлалъ имъ повѣрку. Вокругъ шеренги толпились зрители. Около одной телѣги тоже стояло нѣсколько дамъ и священникъ съ бронзовымъ крестомъ на владимірской лентѣ. Мы подошли къ этой телѣгѣ. На ней сидѣлъ одинъ больной мальчикъ лѣтъ девяти и жадно ѣлъ пирогъ съ творогомъ; другой лежалъ, укрывшись шинелью, и не обращалъ ни на что вниманія; по его раскраснѣвшемуся лицу и по глазамъ, горѣвшимъ болѣзненнымъ свѣтомъ, можно было полагать, что у него лихорадка, а можетъ-быть тифъ.

— Ты боленъ?—спросила одна дама мальчика, глотавшаго куски непережеванного пирога.

— А?

— Боленъ ты?

Мальчикъ замоталъ головой.

— Ты не боленъ?—опять спросила дама.

Мальчикъ снова замоталъ головой.

— Онъ не конпанъ-па—не понимаетъ,—замѣтилъ священникъ и сейчасъ же самъ спросилъ:—Ты ужъ крещеный?

Ребенокъ задумался, какъ бы припоминая что-то знакомое въ сдѣланномъ ему вопросѣ, и, опять махнувъ головой, сказалъ:—«Не, не».

— Какой хорошенькій!—проговорила дама, взявъ ребенка

за подбородокъ и приподнявъ кверху его милостивое личико съ черными глазками.

— Гдѣ твоя мать?—неожиданно спросилъ Овцебыкъ, дернувъ слегка ребенка за шинель.

Дитя вздрогнуло, взглянуло на Василя Петровича, потомъ на окружающихъ, потомъ на ундера и опять на Василя Петровича.

— Мать, мать гдѣ?—повторилъ Овцебыкъ.

— Мама?

— Да, мама, мама?

— Мама...—ребенокъ махнулъ рукой вдаль.

— Дома?

Рекрутъ подумалъ и кивнулъ головою въ знакъ согласія.

— Памятуешь еще,—вставилъ священникъ и спросилъ:— Брудеры есть?

Дитя сдѣлало едва замѣтный отрицательный знакъ.

— Врешь, врешь, одинъ не берутъ въ рекрутъ. Врать ни хтъ гуть, нейтъ,—продолжалъ священникъ, думая употребленіемъ именительныхъ падежей придать болѣе понятности своему разговору.

— Я бродягесь,—проговорилъ мальчикъ.

— Что-о?

— Бродягесь,—яснѣе высказалъ ребенокъ.

— А, бродягесь! Это по-русски значитъ онъ бродяга, за бродяжество отданъ! читаль я этотъ законъ о нихъ, о еврейскихъ младенцахъ, читаль... Бродяжество положено искоренить. Ну, это и правильно: осѣдлый сиди дома, а бродяжкѣ все равно бродить, и онъ приметъ святое крещеніе, и исправится, и въ люди выйдетъ,—говорилъ священникъ; а тѣмъ временемъ переключка окончилась, и ундеръ, взявъ подъ уздцы лошадь, дернулъ телѣгу съ большими къ казарменному крыльцу, по которому длиною вереницею и поползли малолѣтніе рекруты, тянувшіе за собою сумочки и полы неуклюжихъ шинелей. Я сталъ искать глазами моего Овцебыка; но его не было. Не было его и къ ночи, и на другой, и на третій день къ обѣду. Послали мальчика на квартиру Василя Петровича, гдѣ онъ жилъ съ семинаристами,—и тамъ его не бывало. Маленькіе семинаристки, съ которыми жилъ Овцебыкъ, давно привыкли не видать Василя Петровича по цѣлымъ недѣлямъ и не обращали никакого

вниманія на его исчезновеніе. Челновскій тоже нимало не беспокоился.

— Придетъ, говоритъ онъ,—бродить гдѣ-нибудь или спать во ржи, и ничего больше.

Нужно знать, что Василій Петровичъ, по собственному его выраженію, очень любилъ «логовища», и логовищъ этихъ у него было довольно много. Кровать съ голыми досками, стоявшая на его квартирѣ, никогда долго не покоила его тѣла. Только изрѣдка, заходя домой, онъ улаживался на нее, дѣлалъ мальчикамъ неожиданный экзамень съ какимъ-нибудь курьезнымъ вопросомъ въ концѣ каждаго испытанія, и затѣмъ кровать эта опять стояла пустою. У насъ онъ спалъ рѣдко, и обыкновенно или на крыльцѣ, или, если съ вечера заходилъ горячій разговоръ, не доконченный къ ночи, то Овцебыкъ ложился на полу между нашими кроватами, не позволяя себѣ подостлать ничего, кромѣ рѣденькаго половика. Утромъ рано онъ уходилъ или въ поле, или на кладбище. На кладбищѣ онъ бывалъ всякій день. Придетъ, бывало, уляжется на зеленой могилѣ, разложитъ передъ собою книгу какого-нибудь латинскаго писателя и читаетъ, а то свернетъ книгу, подложитъ ее подъ голову да смотреть на небо.

— Вы—жилецъ могилъ, Василій Петровичъ!—говорили ему знакомыя Челновскаго барышни.

— Глупости говорите,—отвѣчалъ Василій Петровичъ.

— Вы—упырь,—говорилъ ему блѣдный уѣздный учитель, прослышій за литератора съ тѣхъ поръ, какъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ напечатали его ученую статью.

— Глупости сочиняете,—отвѣчалъ Овцебыкъ и ему, и опять отправлялся къ своимъ покойникамъ.

Чудачества Василя Петровича пріучили весь небольшой кружокъ его знакомыхъ не удивляться ни одной его выходкѣ, а потому никто и не удивился его быстрому и неожиданному исчезновенію. Но онъ долженъ же былъ возвратиться. Никто и не сомнѣвался, что онъ возвратится: вопросъ былъ только въ томъ, куда онъ скрылся? гдѣ онъ скитается? что его такъ раздражало и чѣмъ онъ врачуетъ себя отъ этихъ раздраженій?—это были вопросы, разрѣшеніе которыхъ представляло для моей скуки довольно большой интересъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Прошло еще три дня. Погода стояла прекрасная. Могу-чая и щедрая природа наша жила полною своею жизнью. Было новолуние. Послѣ жаркаго дня наступила свѣтлая, роскошная ночь. Въ такія ночи курскіе жители наслаждаются своими курскими соловьями: соловьи свищутъ имъ напролетъ цѣлыя ночи, а они напролетъ цѣлыя ночи ихъ слушаютъ въ своемъ большомъ и густомъ городскомъ саду. Всѣ, бывало, ходятъ тихо и молчаливо, и лишь только одни молодые учителя жарко спорятъ «о чувствахъ высокаго и прекраснаго», или о «дилетантизмѣ въ наукѣ». Жарки бывали эти громкіе споры. Даже въ самыя отдаленныя куртины стараго сада, бывало, доносятся возгласы: «это дилемма!» «позвольте!», «а priori разсуждать нельзя», «идите индуктивнымъ способомъ» и т. п. Тогда у насъ еще спорили о подобныхъ предметахъ. Теперь такихъ споровъ не слышно. «Что ни время, то и птицы, что ни птицы, то и пѣсни». Теперешнее русское среднее общество отнюдь не похоже на то, съ которымъ я жилъ въ Курскѣ въ эпоху моего разсказа. Вопросы, занимающіе насъ теперь, тогда еще не поднимались, и во множествѣ головъ свободно и властно господствовалъ романтизмъ, господствовалъ, не предчувствуя приближенія новыхъ направленій, которыя заявятъ свои права на русскаго человѣка и которыя русскій человѣкъ, извѣстнаго развитія, приметъ, какъ онъ принимаетъ все, то-есть не совсѣмъ искренно, но горячо, съ аффектаціею и съ пересоломъ. Тогда еще мужчины не стыдились говорить о чувствахъ высокаго и прекраснаго, а женщины любили идеальныхъ героевъ, слушали соловьевъ, свиставшихъ въ густыхъ кустахъ цвѣтущей сирени, и власть заслушивались турухтановъ, таскавшихъ ихъ подъ руку по темнымъ аллеямъ и разрѣшавшихъ съ ними мудрыя задачи *святой любви*.

Мы пробыли съ Челновскимъ въ саду до 12 часовъ, много хорошаго слышали и о высокомъ, и о святой любви, и съ удовольствіемъ улеглись въ наши постели. Огонь у насъ быть уже погашенъ; но мы еще не спали и лежа сообщали другъ другу свои вечернія впечатлѣнія. Ночь была во всемъ своемъ величїи, и соловей подъ самымъ окномъ громко щелкалъ и заливался своею страстною пѣснью.

Мы уже собирались пожелать другъ другу покойной ночи, какъ вдругъ изъ-за забора, отдѣлявшаго отъ улицы садикъ, въ который выходило окно нашей спальни, кто-то крикнулъ: «ребята!»

— Это—Овцебыкъ,—сказалъ Челновскій, быстро поднявъ голову съ подушки.

Мнѣ показалось, что онъ ошибся.

— Нѣтъ, это Овцебыкъ, — настаивалъ Челновскій и, вставъ съ постели, высунулся въ окно.

Все было тихо.

— Ребята!—опять крикнулъ подъ заборомъ тотъ же самый голосъ.

— Овцебыкъ!—кликнулъ Челновскій.

— Я.

— Иди же.

— Ворота заперты.

— Постучись.

— Зачѣмъ будить. Я только хотѣлъ узнать, не спите ли?

За заборомъ послышалось нѣсколько тяжелыхъ движеній, и вслѣдъ затѣмъ Василий Петровичъ, какъ куль съ землею, упалъ въ садикъ.

— Экой чортушко!—сказалъ Челновскій, смѣясь и смотря, какъ Василий Петровичъ поднимался съ земли и пробирался къ окну сквозь густые кусты акаціи и сирени.

— Здравствуйте! — весело проговорилъ Овцебыкъ, показавшись въ окнѣ.

Челновскій отставилъ отъ окна столикъ съ туалетными принадлежностями, и Василий Петровичъ перенесъ сначала одну изъ своихъ ногъ, потомъ сѣлъ верхомъ на подоконникъ, потомъ перенесъ другую ногу и, наконецъ, совсѣмъ явился въ комнатѣ.

— Ухъ! уморился,—проговорилъ онъ, снявъ свое пальто и подавъ намъ руки.

— Сколько верстъ отмахалъ?—спросилъ его Челновскій, ложась снова въ свою постель.

— Въ Погодовѣ былъ.

— У дворника?

— У дворника.

— Ёсть будешь?

— Если есть что, такъ буду.

— Побуди мальчика!

— Ну, его, сопатаго!

— Отчего?

— Пусть спить.

— Да что ты юродствуешь!—Челновскій громко крикнулъ:—Моисей!

— Не буди, говорю тебѣ; пусть спить.

— Ну, а я не найду, чѣмъ тебя кормить.

— И не надо.

— Да вѣдь ты ѣсть хочешь?

— Не надо, говорю; я вотъ что, братцы...

— Что, братецъ?

— Я къ вамъ пришелъ проститься.

Василій Петровичъ сѣлъ на кровать къ Челновскому и взялъ его дружески за колено.

— Какъ проститься?

— Не знаешь какъ прощаются?

— Куда жъ это ты собрался?

— Пойду, братцы, далеко.

Челновскій всталъ и зажегъ свѣчу. Василій Петровичъ сидѣлъ и на лицѣ его выражалось спокойствіе и даже счастье.

— Дай-ка мнѣ на тебя посмотрѣть,—сказалъ Челновскій.

— Посмотри, посмотри,—отвѣчалъ Овцебыкъ, улыбаясь своей нескладной улыбкой.

— Что же твой дворникъ дѣлаеть?

— Сѣно и овесъ продаетъ.

— Потолковали съ нимъ про неправды безсудныя, про обиды безмѣрныя?

— Потолковали.

— Что жъ, это онъ, что ли, тебѣ какой походъ насовѣтовалъ?

— Нѣтъ, я самъ надумалъ.

— Въ какія жъ ты отправишься палестины?

— Въ пермскія.

— Въ пермскія?

— Да, чего удивился!

— Что ты забылъ тамъ?

Василій Петровичъ всталъ, прошедши по комнатѣ, закрутилъ свои виски и проговорилъ про себя: «это ужъ мое дѣло».

— Эй, Вася, дуришь ты,—сказалъ Челновскій.

Овцебыкъ молчалъ и мы молчали.

Это было тяжелое молчаніе. И я, и Челновскій поняли, что передъ нами стоитъ агитаторъ,—агитаторъ искренній и безстрашный. И онъ понялъ, что его понимаютъ, и вдругъ вскрикнулъ:

— Что жъ мнѣ дѣлать! Сердце мое не терпитъ этой цивилизаци, этой нобилизаци, этой стерворизаци!..—И онъ крѣпко ударилъ себя кулакомъ въ грудь, и тяжело опустился на кресло.

— Да что жъ ты подѣлаешь?

— О, когда бъ я зналъ, что съ этимъ можно сдѣлать! О, когда бы это знать!.. Я на-ощупь иду.

Всѣ замолчали.

— Можно курить?—спросилъ Богословскій послѣ продолжительной паузы.

— Кури, пожалуйста.

— Я здѣсь съ вами на полу прилягу,—это будетъ моя вечеря.

— И отлично.

— Поговоримъ,—представь... молчу-молчу, и вдругъ мнѣ приходитъ охота говорить.

— Ты чѣмъ-нибудь разстроился.

— Ребятенокъ мнѣ жалко,—сказалъ онъ и сплюнулъ черезъ губу.

— Какихъ?

— Ну, моихъ, кутейниковъ.

— Чего жъ тебѣ ихъ жаль?

— Изгадятся они безъ меня.

— Ты самъ ихъ гадишь.

— Ври.

— Конечно: ихъ учать на одно, а ты ихъ переучиваешь на другое.

— Ну такъ что жъ?

— Ничего и не будетъ.

Вышла пауза.

— А я вотъ что скажу тебѣ,—проговорилъ Челновскій:— женился бы ты, взялъ бы къ себѣ старуху-мать, да былъ бы добрымъ попомъ—отличное бы дѣло сдѣлалъ.

— Ты мнѣ этого не говори! Не говори ты мнѣ этого!

— Богъ съ тобой,—отвѣчалъ Челновскій, махнувъ рукой.

Василій Петровичъ опять заходилъ по комнатамъ и, оставаясь передъ окномъ, продекламировалъ:

Стой одинъ передъ грозюю,
Не призывай къ себѣ жены.

— И стихи выучилъ,—сказалъ Челновскій, улыбаясь и показывая мнѣ на Василья Петровича.

— Умные только,—отвѣчалъ тотъ, не отходя отъ огня.

— Такихъ умныхъ стиховъ не мало есть, Василій Петровичъ,—сказалъ я.

— Все—дребедень.

— А женщины—все дрянъ?

— Дрянъ.

— А Лидочка?

— Что же Лидочка?—спросилъ Василій Петровичъ, когда ему напомнили имя очень милой и необыкновенно несчастной дѣвушки—единственнаго женскаго существа въ городѣ, которое оказывало Василью Петровичу всяческое вниманіе.

— Вамъ не будетъ о ней скучно?

— Что это вы говорите?—спросилъ Овцебыкъ, расширивъ свои глаза и пристально уставивъ ихъ на меня.

— Такъ говорю. Она—хорошая дѣвушка.

— Ну, такъ что жъ, что хорошая?

Василій Петровичъ помолчалъ, выколотилъ о подоконникъ свою трубку и задумался.

— Паршивые! — проговорилъ онъ, закуривая вторую трубку.

Челновскій и я разсмѣялись.

— Чего васъ разбираетъ?—спросилъ Василій Петровичъ.

— Это дамы, что ли, у тебя паршивыя?

— Дамы! Не дамы, а жида.

— Къ чему жъ ты тутъ жидовъ вспомнилъ?

— А чортъ ихъ знаетъ, чего они помнятся: у меня мать, да и у нихъ у каждаго есть по матери, и всѣ знаютъ,—отозвался Василій Петровичъ и, задувъ свѣчку, съ трубкою въ зубахъ, повалился на половой коврикъ.

— Это ты еще не забылъ?

— Я, братъ, памятливъ.

Василій Петровичъ тяжело вздохнулъ.

— Подохнучъ, сопатые, дорогой,—сказалъ онъ, помолчавъ.

— Пожалуй.

— И лучше.

— Экое у него и состраданіе-то мудреное,—сказаль Челновскій.

— Нѣтъ, это у васъ все мудреное. У меня, братъ, все простое, мужицкое. Я вашихъ чохъ-мохъ не разумѣю. У васъ все такое въ головѣ, чтобъ и овцы были дѣлы, и волки сыты, а этого нельзя. Этакъ не бываетъ.

— Какъ же по-твоему будетъ хорошо?

— А хорошо будетъ, какъ Богъ дастъ.

— Богъ самъ ничего въ людскихъ дѣлахъ не дѣляетъ.

— Понятно, что все люди будутъ дѣлать.

— Когда они станутъ людьми,—сказаль Челновскій.

— Эхъ, вы, умники! Посмотришь на васъ, будто и въ самомъ дѣлѣ вы что знаете, а ничего вы не знаете,—энергически воскликнулъ Василій Петровичъ. — Дальше своего дворянскаго носа вамъ ничего не видать, да и не увидать. Вы бы въ моей шкурѣ пожили съ людьми, да съ мое походили, такъ и узнали бы, что нечего нюни-то нюнить. Ишь ты, чортъ этакой! и у него тоже дворянскія привычки,—переломилъ неожиданно Овцебыкъ и всталъ.

— У кого это дворянскія привычки?

— У собаки, у Боксы. У кого же еще?

— Какія жъ это у ней дворянскія привычки?—спросилъ Челновскій.

— Дверей не затворяетъ.

Мы тутъ только замѣтили, что черезъ комнату дѣйствительно тянулъ сквозной вѣтеръ.

Василій Петровичъ всталъ, затворилъ дверь изъ сѣней и заперъ ее на крючокъ.

— Спасибо,—сказаль ему Челновскій, когда онъ возвратился и снова растянулся на коврикѣ.

Василій Петровичъ ничего не отвѣчалъ, набилъ еще трубочку и, закуривъ ее, неожиданно спросилъ:

— Что въ книжкахъ брешутъ?

— Въ которыхъ?

— Ну, въ вашихъ журналахъ?

— О разныхъ вещахъ пишутъ, всего не расскажешь.

— О прогрессѣ все, небось?

— И о прогрессѣ.

— А о народѣ?

— И о народѣ.

— О, горе симъ мытарямъ и фарисеямъ!—вдохнувъ, произнесъ Овцебыкъ.—Болты болтають, а сами ничего не знаютъ.

— Отчего ты, Василій Петровичъ, думаешь, что ужъ, кромѣ тебя, никто ничего не знаетъ о народѣ? Вѣдь это, братъ, самолюбіе въ тебѣ говоритъ.

— Нѣтъ, не самолюбіе. А вижу я, что подло всѣ занимаются этимъ дѣломъ. Все на язычничествѣ выѣзжаютъ, а на дѣло—никого. Нѣтъ, ты дѣло дѣлай, а не брешь. А то любовь-то за обѣдомъ разгорается. Повѣсти пишуть, рассказы!—прибавилъ онъ, помолчавъ,—эхъ, язычники! фарисеи проклятые! А сами, небось, не тронутся. Толокномъ-то боятся подавиться. Да и хорошо, что не трогаются,—прибавилъ онъ, помолчавъ немного.

— Отчего же это хорошо?

— Да все оттого жъ, говорю,—что толокномъ подавятся, доведется ихъ въ загорбокъ бить, чтобы прокашлянули, а они заголосятъ: «бьютъ насъ!» Такимъ развѣ повѣрять! А ты,—продолжалъ онъ, сѣвъ на своей постели:—надѣнь эту же замашную рубашку, да чтобы она тебѣ бока не мусолила; ѣшь тюрю, да не морщися, да не лѣнись свинью во дворъ загнать: вотъ тогда тебѣ и повѣрять. Душу свою клади, да такъ, чтобы видѣли, какая у тебя душа, а не побрехеньками забавляй. Людіе мой, людіе мои! что бы я ни сотворилъ вамъ?.. Людіе мой, людіе мои! что бы я вамъ ни отдалъ?—Василій Петровичъ задумался, потомъ поднялся во весь свой ростъ и, протянувъ руки ко мнѣ и къ Челновскому, сказалъ:—«Ребята! смутные дни настають, смутные. Часу медлить нельзя, а то придуть лжепророки, и я голосъ ихъ слышу проклятый и ненавистный. Во имя народа будутъ уловлять и губить васъ. Не смущайтесь сими зовущими, и если силы воловей въ хребтахъ своихъ не чувствуете, ярма на себя не вскладывайте. Не въ числѣ людей дѣло. Пятью пальцами блохи не изловишь, а однимъ можно. Я отъ васъ, какъ и отъ другихъ, большого проку не жду. Это—не ваша вина, вы жидки на густое дѣло. Но, прошу васъ, заповѣдь одну мою братскую соблюдайте: не брешите вы никогда на вѣтеръ! Эй, право, вредъ въ этомъ великій есть! Эй, вредъ! Ногъ не подставляйте, и будетъ съ васъ, а намъ, вотъ такимъ Овцебыкамъ,—сказалъ онъ, ударивъ себя въ грудь,—намъ этого мало. На насъ кара небесная

падетъ, коли этимъ удовольствуемся: «Мы свои своимъ, и свои насъ познають».

Долго и много говорилъ Василій Петровичъ. Онъ никогда такъ много не говорилъ и такъ ясно не высказывался. На небѣ уже брезжилась зорька и въ комнатѣ замѣтно сѣрѣло, а Василій Петровичъ все еще не умолкъ. Коренастая фигура его дѣлала энергическія движенія, и сквозь прорѣхи старой ситцевой рубашки было замѣтно, какъ высоко поднималась его мохнатая грудь.

Мы заснули въ четыре часа, а проснулись въ девять. Овцебыка уже не было, и съ тѣхъ поръ я не видалъ его ровно три года. Чудакомъ въ то же утро ушелъ въ страны, рекомендованныя ему его пріятелемъ, содержателемъ постоялаго двора въ Погодовѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ нашей губерніи есть довольно много монастырей, которые построены въ лѣсахъ и называются «пустынями». Моя бабушка была очень религіозная старушка. Женщина стараго вѣка, она питала неодолимую страсть къ путешествіямъ по этимъ пустынямъ. Она на память знала не только исторію каждаго изъ этихъ уединенныхъ монастырей, но знала всѣ монастырскія легенды, исторію иконъ, чудотворенія, какія тамъ сказывали, знала монастырскія средства, ризницу и все прочее. Это былъ ветхій, но живой указатель къ святынямъ нашего края. Въ монастыряхъ тоже всѣ знали старушку и принимали ее необыкновенно радушно, несмотря на то, что она никогда не дѣлала никакихъ очень цѣнныхъ приношеній кромѣ воздуховъ, вышиваньемъ которыхъ занималась цѣлую осень и зиму, когда погода не позволяла ей путешествовать. Въ гостиницахъ П — ской и Л — ской пустыни къ Петрову дню и Успенію всегда оставляли для нея двѣ комнаты. Мели ихъ, чистили и никому не отдавали даже подъ самый день праздника.

— Александра Васильевна пріѣдетъ, — говорилъ всѣмъ отецъ-казначей: — не могу отдать ея комнату.

И дѣйствительно, бабушка моя пріѣзжала.

Разъ какъ-то она совсѣмъ запоздала, а народу наѣхало на праздникъ въ пустынь множество. Ночью, передъ заутренней, пріѣхалъ въ Л — скую пустынь какой-то генераль и требовалъ себѣ лучшаго номера въ гостиницѣ. Отецъ-казначей

чей былъ въ затруднительномъ положеніи. Первый разъ моя бабушка пропускала престольный праздникъ пустыннаго храма. «Умерла, видно, старуха», подумаль онъ, но, взглянувъ на свои луковицеобразные часы и увидавъ, что до заутрени еще остается два часа, онъ все-таки не отдалъ ей комнать генералу и спокойно отправился въ келью читать свою «полунощницу». Прогудѣлъ три раза большой монастырскій колоколъ; въ церкви замелькала горящая свѣчечка, съ которою служка суетился передъ иконостасомъ, зажигая ставники. Народъ, позѣвывая и крестя рты, толпами повалилъ въ церковь, и моя милая старушка, въ чистомъ дикенькомъ платьицѣ и въ бѣломъ, какъ снѣгъ, чепцѣ московскаго фасона 12-го года, входила уже въ сѣверныя двери, набожно крестясь и шепча: «За утро услыши гласъ мой, Царю мой и Боже мой!» Когда іеродіаконъ возгласилъ свое торжественное «возстаните!», бабушка уже была въ темномъ уголкѣ и клала земные поклоны за души усопшихъ. Отецъ-казначей, подпуская богомольцевъ ко кресту, послѣ ранней обѣдни, нимало не удивился, увидѣвъ старуху, и, подавъ ей изъ-подъ рясы иросфору, очень спокойно сказалъ: «Здравствуй, мать Александра!» Бабушку въ пустыняхъ только молодые послушники звали Александрой Васильевной, а старики иначе ей не говорили, какъ «мать Александра». Богомольная старушка наша, однако, никогда не была ханжою и не корчила изъ себя монахини. Несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, она всегда была одѣта чисто, какъ колпикъ. Свѣженькое дикое или зеленое ситцевое платьице, высокій тюлевый чепчикъ, съ дикими лентами, и ридикюль съ вышитой собачкой, — все было свѣжо и наивно-кокетливо у доброй старушки. Ѳздила она въ пустыни въ деревенской безрессорной кибиткѣ на парѣ старыхъ рыжихъ кобылокъ очень хорошей породы. Одну изъ нихъ (мать) звали «Щеголихой», а другую (дочь) — «Нежданкою». Послѣдняя получила свое названіе оттого, что явилась на свѣтъ совершенно неожиданно. Обѣ эти лошадки у бабушки были необыкновенно смиренны, рѣзвы и добронравны, и путешествіе на нихъ, съ елейной старушкой и съ ея добродушнѣйшимъ старичкомъ кучеромъ Ильею Васильевичемъ, составляло для меня во все годы моего дѣтства наивысочайшее наслажденіе.

Я былъ адъютантомъ старушки съ самаго ранняго воз-

раста. Еще шести лѣтъ я съ ней отправился, въ первый разъ, въ Л—скую пустынь на рыжихъ ея кобылкахъ, и съ тѣхъ поръ сопровождалъ ее каждый разъ, пока меня десяти лѣтъ отвезли въ губернскую гимназію. Поѣздка по монастырямъ имѣла для меня очень много привлекательнаго. Старушка умѣла необыкновенно опозитизировывать свои путешествія. Ѣдемъ, бывало, рысцою; кругомъ такъ хорошо: воздухъ ароматный; галки прячутся въ зеленяхъ; люди встрѣчаются, кланяются намъ, и мы имъ кланяемся. По лѣсу, бывало, идемъ гнѣшкомъ; бабушка мнѣ рассказываетъ о двѣнадцатомъ годѣ, о можайскихъ дворянахъ, о своемъ побѣгѣ изъ Москвы, о томъ, какъ гордо подходили французы, и о томъ, какъ потомъ безжалостно морозили и били французовъ. А тутъ постоянный дворъ, знакомые дворники, бабы съ толстыми брюхами и съ фартуками, подвязанными выше груди, просторные выгоны, по которымъ можно бѣгать,—все это плѣняло меня и имѣло для меня обаятельную прелесть. Бабушка приметя въ горенкѣ за свой туалетъ, а я отправляюсь подъ прохладный тѣнистый навѣсъ къ Ильѣ Васильевичу, ложусь возлѣ него на вязкѣ сѣна и слушаю разсказъ о томъ, какъ Илья возилъ въ Орлѣ императора Александра Павловича; узнаю, какое это было опасное дѣло, какъ много было экипажей и какимъ опасностямъ подвергался экипажъ императора, когда при съѣздѣ съ горы къ Орлику у хлоповскаго кучера лоннули вожжи и какъ тутъ одинъ онъ, Илья Васильичъ, своею находчивостью спасъ жизнь императора, собиравшагося уже выпрыгнуть изъ коляски. Феакійцы не слушали такъ Одиссея, какъ слушалъ я кучера Илью Васильевича. Въ самыхъ же пустыняхъ у меня были пріатели. Меня очень любили два старичка: игуменъ П—ской пустыни и отецъ-казначей Л—ской пустыни. Первый, высокій, блѣдный старикъ, съ добрымъ, но строгимъ лицомъ, не пользовался, однако, моею привязанностью; но зато отца-казначей я любилъ отъ всего моего маленькаго сердца. Это было добродушнѣйшее созданіе въ подлунномъ мірѣ, о которомъ, мимоходомъ сказать, онъ ничего не вѣдалъ, и въ этомъ-то его невѣдѣніи, какъ мнѣ теперь кажется, и лежала основа безграничной любви этого старика къ человѣчеству.

Но, кромѣ этихъ, такъ сказать, аристократическихъ знакомствъ съ пустынноначальниками, у меня были демокра-

тическія связи съ пустынными плебеями: я очень любилъ послушниковъ—этотъ странный классъ, въ которомъ обыкновенно преобладають двѣ страсти: лѣнность и самолюбіе, но иногда встрѣчается запасъ веселой безпечности и чисторусскаго равнодушія къ самому себѣ.

— Какъ вы почувствовали призваніе поступить въ монастырь?—спросишь, бывало, кого-нибудь изъ послушниковъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ:—призванія не было, а я такъ поступилъ.

— А вы примете монашество?

— Безпремѣнно.

Выйти изъ монастыря послушнику кажется безусловно невозможнымъ, хотя онъ и знаетъ, что ему никто въ этомъ препятствовать не станетъ. Я въ дѣтствѣ очень любилъ этотъ народъ, веселый, шаловливый, отважный и добродушно-лицемѣрный. Пока послушникъ послушникомъ или «слимакомъ», на него никто не обращаетъ вниманія, и потому никто и не знаетъ его натуры; а съ тѣмъ, какъ послушникъ надѣваетъ рясу и клобукъ, онъ рѣзко измѣняетъ и свой характеръ, и свои отношенія къ ближнимъ. Пока же онъ послушникъ, онъ — существо необыкновенно общежительное. Какіе гомерическіе кулачные бои я помню въ монастырскихъ хлѣбопекарняхъ. Какія пѣсни удалыя пѣлись вполголоса на стѣнахъ, когда пять или шесть рослыхъ, красивыхъ послушниковъ медленно прогуливались на нихъ и зорко поглядывали за рѣчку, за которой звонкими, взманивающими женскими голосами пѣлась другая пѣсня,—пѣсня, въ которой звучали крылатые зовы: «киньтесь, бросьтесь, во зеленые гаи бросьтесь». И я помню, какъ, бывало, мянутся слимаки, слушая эти пѣсни, и, не утерпѣвъ, бросаются въ зеленые гаи. О! Я все это очень хорошо помню. Не забылъ я ни одного урока, ни въ пѣніи кантатъ, сочиненныхъ на самыя оригинальныя темы, ни въ гимнастикѣ, для упражненія въ которой, впрочемъ, высокія монастырскія стѣны были не совсѣмъ удобны, ни въ умѣннн молчать и смѣяться, сохраняя на лицѣ серьезное выраженіе. Болѣе же всего я любилъ рыбную ловлю на монастырскомъ озерѣ. Мои пріятели-послушники тоже считали праздникомъ поѣздку на это озеро. Рыбная ловля въ ихъ однообразной жизни была единственнымъ занятіемъ, при которомъ они могли хоть немножко разгуляться и по-

пробовать крѣпость своихъ молодыхъ мышцъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ этой рыбной ловлѣ было очень много поэтическаго. Отъ монастыря до озера было восемь или десять верстъ, которыя надо было пройти пѣшкомъ по очень густому чернолѣску. Отправлялись на ловлю обыкновенно передъ вечерней. На телѣгѣ, запряженной толстою и очень старою монастырскою лошадыю, лежали неводъ, нѣсколько ведеръ, бочка для рыбы и багры; но на телѣгѣ никто не сидѣлъ. Вожжи были взвязаны у телѣжной грядки, и если лошадь сбивалась съ дороги, то послушникъ, исправлявшій должность кучера, только подходилъ и дергалъ ее за вожжу. Но, впрочемъ, лошадь почти никогда и не сбивалась, да и не могла сбиться, потому что отъ монастыря до озера по лѣсу была всего одна дорожка, и то такая коленистая, что коню никогда не приходило охоты вытаскивать колесъ изъ глубокихъ колеи. Съ нами для надзора посылали всегда старца Игнатія, глухого и подслѣповатаго старичка, принимавшаго когда-то въ своей кельѣ императора Александра I и вѣчно забывавшаго, что Александръ I уже не царствуетъ. Отецъ Игнатій ѣздилъ на крошечной телѣжкѣ и самъ правилъ другою толстою лошадыю. Я собственно всегда имѣлъ право ѣхать съ отцомъ Игнатіемъ, которому меня особо поручала моя бабушка, и отецъ Игнатій даже позволялъ мнѣ править толстою лошадыю, запряженною въ короткія оглобли его телѣжки; но я обыкновенно предпочиталъ идти съ послушниками. А они никогда не шли по дорогѣ. Понемногу, понемногу заберемся, бывало, въ лѣсъ, сначала запоемъ: «Какъ шель по пути молодой монахъ, а навстрѣчу ему самъ Иисусъ Христосъ», а тамъ кто-нибудь заведетъ новую пѣсню, и поемъ ихъ одна за другою. Беззаботное, милое время! Благословенье тебѣ, благословенье и вамъ, дающимъ мнѣ эти воспоминанія. Къ ночи только, бывало, дойдемъ мы такъ къ озеру. Тутъ на берегу стояла хатка, въ которой жили два старичка, рясофорные послушники: отецъ Сергій и отецъ Вавила. Оба они были «некнижные», то-есть грамотѣ не умѣли, и исполняли «сторожевое послушаніе» на монастырскомъ озерѣ. Отецъ Сергій былъ человѣкъ необыкновенно искусный въ рукодѣліяхъ. У меня еще теперь есть прекрасная ложка и узорчатый крестъ его работы. Онъ также плелъ сѣти, кубари, лукошки, корзины и разныя такія вещицы. Была

у него очень искусно вырѣзанная изъ дерева статуэтка какого-то святого; но онъ ее показалъ мнѣ всего только одинъ разъ, и то съ тѣмъ, чтобы я никому не говорилъ. Отецъ Вавила, напротивъ, ничего не работаль. Онъ былъ поэтъ. «Любилъ свободу, лѣнь, покой». Онъ готовъ былъ по цѣлымъ часамъ оставаться надъ озеромъ въ созерцательномъ положеніи и наблюдать, какъ летаютъ дикія утки, какъ ходитъ осанистая цапля, таская повремениамъ изъ воды лягушекъ, выпросившихъ ее себѣ въ цари у Зевеса. Тотчасъ передъ хаткою двухъ «некнижныхъ» инокъ начиналась широкая песчаная полоса, а за нею озеро. Въ хатѣ было очень чисто: стояли двѣ иконы на полочкѣ и двѣ тяжелыя деревянныя кровати, выкрашенныя зеленою масляною краскою, столикъ, покрытый суровой ширинкой, и два стула, а по сторонамъ обыкновенныя лавки, какъ въ крестьянской избѣ. Въ углу былъ маленькій шкафикъ съ чайнымъ приборомъ, а подъ шкафикомъ на особой скамеечкѣ стоялъ самоваръ, вычищенный какъ паровикъ на королевской яхтѣ. Все было очень чисто и уютно. Въ кельѣ «некнижныхъ» отцовъ, кромѣ ихъ самихъ, не жилъ никто, кромѣ желтобураго кота, прозваннаго «Капитаномъ» и замѣчательнаго только тѣмъ, что, нося мужское имя и будучи очень долгое время почитаемъ настоящимъ мужчиною, онъ вдругъ, къ величайшему скандалу, окотился и съ тѣхъ поръ не переставаль размножать свое потомство, какъ кошка.

Изъ всего нашего обоза въ хаткѣ съ отцами «некнижными» укладывался спать, бывало, только одинъ отецъ Игнатій. Я обыкновенно отпрашивался отъ этой чести и спалъ съ послушниками на открытомъ воздухѣ у хатки. Да мы, впрочемъ, почти и не спали. Пока, бывало, разведемъ огонь, вскипятимъ котелокъ воды, засыплемъ жидкую кашу, бросивъ туда нѣсколько сухихъ карасей, пока поѣдимъ все это изъ большой деревянной чашки — ужъ и полночь. А тутъ, только ляжемъ, сейчасъ заводится сказка, и непременно самая страшная или многогрѣшная. Отъ сказокъ переходили къ былямъ, къ которымъ каждый разсказчикъ, какъ водится, всегда и «небылицъ безъ счета привираль». Такъ и ночь зачастую проходила, прежде чѣмъ кто-нибудь собирался заснуть. Разказы обыкновенно имѣли предметомъ странниковъ и разбойниковъ. Особенно много

такихъ разсказовъ зналъ Тимошей Невструевъ, пожилой послушникъ, слышій у насъ за непобѣдимаго силача и всегда собиравшійся на войну за освобожденіе христіанъ, съ тѣмъ, чтобы всѣхъ ихъ «подъ себя подбить». Онъ исходилъ, кажется, всю Русь, былъ даже въ Палестинѣ, въ Греціи и высмотрѣлъ, что всѣхъ ихъ «подбить можно». Уляжемся, бывало, на веретья, огонекъ еще курится, толстыя лошади, привязанныя у хрѣтуга, пофыркиваютъ надъ овсомъ, а кто-нибудь ужъ и «заводитъ исторію». Я теперь перезабылъ множество этихъ исторій и помню только одну послѣднюю ночь, которую я, благодаря снисходительности моей бабушки, спалъ съ послушниками на берегу П—скаго озера. Тимошей Невструевъ былъ не совсѣмъ въ духѣ — въ этотъ день онъ стоялъ посреди церкви на поклонахъ за то, что перелѣзалъ ночью черезъ ограду въ настоятельскомъ садѣ, — и началъ разсказывать Емельянъ Высоцкій, молодой человекъ, лѣтъ восемнадцати. Онъ былъ родомъ изъ Курляндіи, брошенъ ребенкомъ въ нашей губерніи и сдѣлался послушникомъ. Мать его была комедіантка, и онъ о ней ничего больше не зналъ; а выросъ онъ у какой-то сердобольной кучихи, пристроившей его девятилѣтнимъ мальчикомъ въ монастырь на послушаніе. Разговоръ начался съ того, что кто-то изъ послушниковъ, послѣ одной разсказанной сказки, вздохнулъ глубоко и спросилъ:

— Отчего это, братцы мои, нѣтъ теперь хорошихъ разбойниковъ?

Никто ничего не отвѣчалъ, и меня начиналъ мучить этотъ вопросъ, котораго я давно никакъ не могъ разрѣшить себѣ. Я тогда очень любилъ разбойниковъ и рисовалъ ихъ на своихъ тетрадахъ въ плащахъ и съ красными перьями въ шляпахъ.

— Есть и теперь разбойники, — отозвался тоненькимъ голоскомъ послушникъ изъ курляндцевъ.

— Ну, говори, какіе есть теперь разбойники? — спросилъ Невструевъ и закрылся подъ самое горло своимъ коленкоровымъ халатомъ.

— А вотъ, какъ я жилъ еще у Пузанихи, — началъ курляндецъ: — такъ пошли мы одинъ разъ съ матерью Натальею, что изъ Боровска, да съ Аленюю, тоже странницею изъ-

подъ Чернигова, на богомолье къ Николаю угоднику амченскому *)).

— Это какая Наталья? Бѣлая-то, высокая? Она, что ли? — прервалъ Невструевъ.

— Она, — отвѣтилъ торопливо рассказчикъ и продолжалъ далѣе: — А тутъ на дорогѣ есть село Отрада. Двадцать пять верстъ отъ Орла. Пришли мы въ это село такъ подъ вечеръ. Попросились у мужиковъ ночевать — не пустили; ну, мы пошли на постоялый. На постояломъ по грошу всего берутъ, да тѣснота была страшная! Все — трепачи. Человѣкъ, можетъ, съ сорокъ. Питра у нихъ тутъ зашла, сквернословіе такое, что уходи да и только. Утромъ, какъ возбудила меня мать Наталья, трепачей ужъ не было. Только трое осталось, и то увязывали свои сумочки къ трѣпламъ. Увязали и мы свои сумочки, заплатили три гроша за ночлегъ и тоже пошли. Вышли изъ деревни, посмотримъ — и тѣ три трепача за нами. Ну, за нами и за нами. Ничего намъ это невдомекъ. Только мать Наталья этакъ проговорила: «Что, дискать, за диво! Вчера, говоритъ, — эти самые трепачи говорили, ужинавши, что въ Орель идутъ, а нынче, гляди, идутъ за нами къ Амченску». Идемъ далѣе — трепачи за нами все издали. А тутъ лѣсокъ этакой на дорогѣ вышелъ. Какъ стали мы подходить къ этому лѣсу, трепачи насъ стали догонять. Мы скорѣй, и они скорѣй. «Чего, говорятъ, — бѣжите! не убѣжите вѣдь», да вдвоемъ хватъ мать Наталью за руки. Та какъ вскрикнетъ не своимъ голосомъ, а мы съ матерью Аленой ударились бѣжать. Мы бѣжимъ, а они вслѣдъ намъ грохочутъ: «Держи ихъ, держи!» И они орутъ, и мать Наталья кричитъ. «Вѣрно ее зарѣзали», думаемъ, да сами еще пуще. Тетка Алена такъ и ушла изъ глазъ, а у меня ноги подкосились. Вижу, нѣтъ ужъ моей моченьки, взялъ да и упалъ подъ кустъ. «Что, думаю, ужъ опредѣлено Богомъ, то и будетъ». Лежу и чуть духъ перевожу. Жду, вотъ сейчасъ наскочатъ! анъ, никого нѣтъ. Только съ матерью Натальей слышно все еще борются. Баба здоровая, не могутъ ее прикончить. Въ лѣсу-то тишь, все по зорькѣ мнѣ слышно. Нѣтъ-нѣтъ, да и опять вскрикнетъ мать Наталья. Ну, думаю, упокой Господи ея душеньку. А самъ ужъ не знаю, вставать мнѣ

*) То-есть «мценскому», отъ г. Мценска, гдѣ есть рѣзная икона св. Николая.

да бѣжать, или ужь тутъ и ждуть какого-нибудь добраго человѣка? Ажъ слышу, кто-то будто подходитъ. Лежу я ни живъ, ни мертвъ, да смотрю изъ куста. Что жь, братцы мои, думаете, вижу? Проходитъ мать Наталья! Черный платокъ у нея съ головы свалился; косица-то русая, здоровенная такая, вся растрепана, и сумку въ рукахъ несетъ, а сама такъ и натывается. Кликну ее, думаю себѣ; да и крикнулъ этакъ не во весь голосъ. Она остановилась и глядитъ на кусты, а я опять ее кликнулъ. «Кто это?» говорить. Я выскочилъ, да къ ней, а она такъ и ахнула. Озираюсь кругомъ — никого нѣтъ ни сзади, ни спереди. — «Гонятся?» спрашиваю ее, — «побѣжимъ скорѣй!» А она стоитъ какъ остолбѣлая, только губы трясутся. Платье на ней, смотрю, все-то изорвано, руки исцарапаны, а ажъ по самыя локти, и лобъ тоже исцарапанъ, словно какъ ногтями. — «Пойдемъ», говорю ей опять. — «Душили тебя?» спрашиваю. — «Душили», говорить, — «пойдемъ скорѣй», и пошли. — «Какъ же ты отъ нихъ отбилась?» — А она ничего больше не сказала до самой деревни, гдѣ мать Алену встрѣтили.

— Ну, а тутъ что рассказывала?—спросилъ Невструевъ, хранившій, такъ же, какъ и другіе, во время всего разсказа мертвое молчаніе.

— Да и тутъ только и говорила, что гонялись все за ней, а она все молитву творила да нескомъ имъ въ глаза бросала.

— И ничего у нея не взяли?—спросилъ кто-то.

— Ничего. Башмакъ только съ ноги да ладанку съ шеи потеряла. Все они у нея денегъ за пазухой, сказывала, искали.

— Ну, да! Это какіе разбойники! имъ все и дѣло за пазухой только,—растолковалъ Невструевъ и вслѣдъ затѣмъ началъ рассказывать про лучшихъ разбойниковъ, которые напугали его въ обоянскомъ уѣздѣ.—«Вотъ это, говорить,—были настоящіе русскіе разбойники».

Становилось нестерпимо интересно, и всѣ обратилсь въ слухъ о настоящихъ, хорошихъ разбойникахъ.

Невструевъ началъ: «Шель, говорить,—я изъ Коренной одинъ разъ. По общанію отъ зубъ ходилъ. Денегъ при мнѣ было рубля съ два, да сумка съ рубахами. Сошелся

съ двумя въ родѣ... мѣщанъ на дорогѣ. «Куда, спрашиваютъ,—идешь?» — «Туда-то», говорю. — «И мы, говорятъ, туда». — «Пойдемъ вмѣстѣ». — «Ну, пойдемъ». Пошли. Пришли въ одну деревню; ужъ смеркалось. «Давайте, говорю имъ,—ночевать здѣсь», а они говорятъ: «Тутъ скверно; пойдемъ еще съ версту: тамъ дворъ будетъ важный; тамъ, говорятъ, — намъ всякое удовольствіе предоставлятъ». — «Мнѣ, говорю,—никакихъ вашихъ удовольствій не надо». — «Пойдемъ, говорятъ,—недалеко вѣдь!» Ну, пошелъ. Точно, такъ верстѣ черезъ пятокъ, стоитъ въ лѣсу дворъ не маленькій, словно какъ постоялый. Въ двухъ окнахъ свѣтло виднѣется. Одинъ мѣщанинъ постучалъ въ кольцо, собаки въ сѣняхъ залаяли, а никто не отпираетъ. Опять постучалъ; слышимъ, кто-то вышелъ изъ избы и обликнулъ насъ; голосъ, можно распознать, женскій. «Кто такіе будете?» спросила, а мѣщанинъ говоритъ: «свои». — «Кто свои?» — «Кто, говоритъ,—съ борка, кто съ сосенки». Двери отперли. Въ сѣняхъ темень такая, что смерть. Баба заперла за нами дверь и отворила избу. Въ избѣ мужчинъ никого не было, только баба та, что намъ отворяла, да другая, корявая такая, сидѣла, волну щипала. «Ну, здорово, атаманиха!» говоритъ мѣщанинъ бабѣ. — «Здорово», говоритъ баба и вдругъ стала на меня смотрѣть. И я на нее гляжу. Здоровенная баба, годовъ такъ тридцати будетъ, да бѣлая, шельма, румяная, и глаза повелительные. «Гдѣ, говоритъ,—вы этого молодца взяли?» Это на меня-то, значить. «Опосля, говорятъ,—разскажемъ, а теперь дай спотыкаловки, да фдаловки, а то зубаревы дѣвки отъ работы отвыкли». Поставили на столъ солонины, хрѣну, водки бутылку и пироговъ. «Бшь!» говорятъ мнѣ мѣщане. — «Нѣтъ, говорю,—я мяса не ѣмъ». — «Ну, бери пирогъ съ творогомъ». Я взялъ. «Пей, говорятъ,—водку». Выпилъ я рюмку. «Пей другую»; я выпилъ и другую. «Хочешь, говорятъ,—жить съ нами?» — «Какъ, спрашиваю,—съ вами?» — «А вотъ, какъ видишь: намъ вдвоемъ несподручно, — ходи съ нами и пей, бшь... только атаманьшу слушай... Хочешь?» Плохо, думаю себѣ, дѣло! Въ недоброе я попалъ мѣсто. «Нѣтъ, говорю,— ребята; мнѣ съ вами не жить». — «Отчего, говорятъ,— не жить?» А сами все тянутъ водку и ко мнѣ пристають: «пей да пей». «Умѣешь, спрашиваетъ одинъ,—драться?» — «Не учился», говорю. — «А не учился, такъ вотъ тебѣ наука!»

да съ этимъ словомъ какъ свистнетъ меня по уху. Хозяйка ни слова, а баба, знай, волну щипеть.

— За что же это, говорю,—братцы?

— А за то, говорить, — не ходи по лавкѣ, не гляди въ окно, да опять съ этимъ словомъ въ другое ухо ляпъ. Ну, думаю, пропадать все равно, такъ ужъ недаромъ, развернулся самъ, да какъ щелкану его по затылку. Онъ такъ подь столъ и соскочилъ. Поднимается изъ-подъ стола, ажъ побряхтываетъ. Отмахнулъ рукой волосы да прямо за бутылку. «Хопъ, говорить,—тутъ твой и конецъ!» Всѣ, вижу, молчатъ, и товарищъ его молчитъ. «Нѣтъ, говорю, — не хочу я конца». — «А не хочешь, такъ пей водку». — «И водки пить не стану». — «Пей! Игумень не увидитъ, на поклоны не поставитъ». — «Не хочу я водки». — «Ну, а не хочешь, такъ чортъ съ тобой; заплати за то, что выпилъ, и ступай спать».

— «Сколько, говорю,—за водку съ меня?» — «Всѣ, что есть; у насъ, братъ, дорогая, прозывается «горькая русская доля», съ водой, да съ слезой, съ перцемъ, да съ собачьимъ сердцемъ». Я, было, въ шутку повернуть хотѣлъ, такъ нѣтъ; только-что я досталъ кошелекъ, а мѣщанинъ цапъ его, да и швырнулъ за перегородку. «Ну, теперь, говорить,—иди спать, чернецъ». — «Куда жъ, моль, я пойду?» — «А вотъ тебя глухая тетеря проводитъ. Проведи его! закричалъ онъ бабѣ, что волну щипала. Пошелъ я за бабой въ сѣни, изъ сѣней на дворъ. Ночь такая хорошая, вотъ какъ теперь, на небѣ стожары горять и по лѣсу вѣтерокъ какъ бѣлка бѣгаетъ. Такъ мнѣ жалко стало и жизни-то своей, и монастыря тихаго, а баба отворила мнѣ подлѣтъ, «иди, говорить, болѣзный», да и ушла. Словно какъ ей жаль меня было. Вошелъ я, шупаю руками-то, что-то нагромощено, а что—не разберешь никакъ. Нашупалъ столбъ. Думаю: все равно пропадать, и полѣзъ вверхъ. Добрался до матицы да къ застрѣхѣ, и ну рѣшетины раздвигать. Руки всѣ ободралъ, наконецъ рѣшетинъ пять раздвинулъ. Сталъ копать солому—звѣзды показались. Я еще работать; продралъ дыру; выкинулъ въ нее сперва свой мѣшочекъ, а тамъ перекрестился да и самъ кувыркнулъ. И бѣжалъ я, братцы мои, такъ рѣзво, какъ и сроду не бѣгалъ.

Все, бывало, больше въ этомъ родѣ рассказываютъ, но эти рассказы казались тогда такъ интересными, что за-

слушаешься ихъ и едва-едва сомкнешь глаза передъ зарею. А тутъ отецъ Игнатій ужъ и поталкиваетъ палочкой. «Вставайте! На озеро пора». Поднимутся, бывало, послушники, позѣваютъ, бѣдные: сонъ ихъ клонить. Возьмутъ неводъ, разуются, снимутъ порты и пойдутъ къ лодкамъ. А неуклюжія, черныя, какъ гагары, монастырскія лодки всегда были привязаны къ кольямъ саженихъ въ пятнадцать отъ берега, потому что съ берега далеко шла песчаная отмель, а черныя лодки сидѣли очень глубоко въ водѣ и не могли приставать къ берегу. Меня Невструевъ всю мель до лодокъ переносилъ, бывало, на рукахъ. Помню хорошо я эти переходы, эти добрыя, беззаботныя лица... Будто вижу теперъ, какъ послушники, бывало, со сна идутъ въ холодную воду. Подпрыгиваютъ, посмѣиваются и, дрожа отъ холода, тащатъ тяжелый неводъ, нагинаясь къ водѣ и освѣжая ею свои липнущіе отъ сна глаза. Помню рѣдкій паръ, поднимавшійся съ воды, золотистыхъ карасей и скользкихъ налимовъ; помню утомительный полдень, когда всѣ мы, какъ убитые, падали на траву, отказываясь отъ янтарной ухи, приготовленной отцомъ Сергіемъ «некнижнымъ». Но еще болѣе помню недовольное и какъ бы злое выраженіе всѣхъ лицъ, когда запрягали толстыхъ лошадей, чтобъ везти въ монастырь наловленныхъ карасей и нашего командира, отца Игнатія, за которымъ слимаки должны шествовать въ свои монастырскія стѣны.

И въ этихъ-то памятныхъ мнѣ съ дѣтства мѣстахъ пришлось мнѣ еще разъ совершенно неожиданно встрѣтиться съ убѣжавшимъ изъ Курска Овцебыкомъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Много воды ушло съ того времени, къ которому относятся мои воспоминанія, можетъ быть, весьма мало касающіяся суровой доли Овцебыка. Я подрасталъ и узнавалъ горе жизни; бабушка скончалась; Илья Васильевичъ и Щеголиха съ Нежданкою побывшились; веселые слимаки ходили солидными иноками; меня поучили въ гимназій, потомъ отвезли за 600 верстъ въ университетскій городъ, гдѣ я выучился пѣть одну латинскую пѣсню, прочиталъ кое-что изъ Штрауса, Фейербаха, Бюхнера и Бабѣфа и во всеоружіи моихъ знаній возвратился къ своимъ Ларамъ

и Пенатамъ. Тутъ-то я свелъ описанное мною знакомство съ Василюмъ Петровичемъ. Прошло еще четыре года, проведенные мною довольно печально, и я снова очутился подъ родными липами. Дома и въ это время не произошло никакихъ переменъ ни въ правахъ, ни во взглядахъ, ни въ направленіяхъ. Новости были только естественныя: матушка постарѣла и пополнѣла, четырнадцатилѣтняя сестра прямо съ пансіонерской скамьи сошла въ безвременную могилу, да выросло нѣсколько новыхъ липокъ, посаженныхъ ея дѣтскою рукою. «Неужто же, — думалъ я, — ничто не переменялось въ то время, когда я пережилъ такъ много: вѣрилъ въ Бога; отвергалъ Его и паки находилъ Его; любилъ мою родину и распинался съ нею и былъ съ распинающими ее!» Это даже обидно показалось моему молодому самолюбію, и я рѣшился произвести повѣрку, — всему повѣрку, — себѣ и всему, что меня окружало въ тѣ дни, когда мнѣ были новы всѣ впечатлѣнія бытія. Прежде всего я хотѣлъ видѣть мои любимыя пустыни, и въ одно свѣжее утро я поѣхалъ на бѣгунцахъ въ П-скую пустынь, до которой отъ насъ всего двадцать съ чѣмъ-то верстъ. Та же дорога, тѣ же поля, и галки такъ же прячутся въ густыхъ озимяхъ, и мужики такъ же кланяются ниже пояса, и бабы такъ же ищутся, лежа передъ порогомъ. Все по-старому. Вотъ и знакомыя монастырскія ворота — тутъ новый привратникъ, старый — ужъ монахомъ. Но отецъ-казначей еще живъ. Большой старикъ уже доживалъ девятый десятокъ лѣтъ. Въ нашихъ монастыряхъ есть много примѣровъ рѣдкаго долговѣчія. Отецъ-казначей, однако, уже не исправлялъ своей должности и жилъ «на покоѣ», хотя, попрежнему, назывался не иначе, какъ «отцомъ-казначеемъ». Когда меня ввели къ нему, онъ лежалъ на постели и, не узнавъ меня, засуетился и спросилъ келейника: «Кто это?» Я, ничего не отвѣчая, подошелъ къ старику и взялъ его за руку. «Здравствуйте, здравствуйте!» бормоталъ отецъ-казначей, — «кто вы такой будете?» Я нагнулся къ нему, поцѣловалъ его въ лобъ и сказалъ свое имя. «Ахъ ты дружочекъ, дружочекъ!.. ну что-жь; ну, здравствуй!» заговорилъ старикъ, снова засуетясь на своей кровати. — «Кирилл! самоварчикъ раздуй скорѣй!» сказалъ онъ келейнику. — «А я, рабъ, ужъ не хожу. Вотъ больше года ноги все пухнуть». У отца-казначей была водяная, которою очень часто оканчиваютъ монахи, проводящіе жизнь

въ долгомъ церковномъ стояніи и въ другихъ занятіяхъ, располагающихъ къ этой болѣзни.

— Зови же Василія Петровича,—сказалъ казначей келейнику, когда тотъ поставилъ самоваръ и чашки на столикъ къ постели.—Тутъ у меня одинъ бѣдакъ живетъ,—добавилъ старикъ, обращаясь ко мнѣ.

Келейникъ вышелъ и черезъ четверть часа по плитяному полу сѣней послышались шаги и какое-то мычанье. Отворилась дверь и моимъ удивленнымъ глазамъ предсталъ Овцебыкъ. Онъ былъ одѣтъ въ короткую свитку изъ великорусскаго крестьянскаго сукна, пестрядиные порты и высокіе юхтовые, довольно ветхіе, сапоги. Только на головѣ у него была высокая черная шапочка, какія носятъ монастырскіе послушники. Наружность Овцебыка такъ мало измѣнилась, что, несмотря на довольно странный нарядъ, я узналъ его съ перваго взгляда.

— Василій Петровичъ! Вы ли это?—сказалъ я, идя навстрѣчу моему пріятелю, и въ то же время подумалъ: «о, кто же лучше, какъ ты, скажетъ мнѣ, какъ пронеслись надъ здѣшними головами годы суроваго опыта?»

Овцебыкъ мнѣ какъ будто обрадовался, а отецъ-казначей удивлялся, видя въ насъ двухъ старыхъ знакомыхъ.

— Ну, вотъ и прекрасно, прекрасно, — лепеталъ онъ. — Наливай же, Вася, чай.

— Вы вѣдь знаете, что я не умѣю наливать чаю,—отвѣчалъ Овцебыкъ.

— Правда, правда. Наливай ты, гостѣкъ.

Я сталъ наливать чашки.

— Давно вы здѣсь, Василій Петровичъ? — спросилъ я, подавъ Овцебыку чашку.

Онъ откусилъ сахару, стрягнувъ кусочекъ и, хлебнувъ раза три, отвѣчалъ: «мѣсяцевъ девять будетъ».

— Куда жъ вы теперь?

— Покуда никуда.

— А можно узнать откуда?—спросилъ я, невольно улыбаясь при воспоминаніи, какъ Овцебыкъ отвѣчалъ на подобные вопросы.

— Можно.

— Изъ Перми?

— Нѣтъ.

— Откуда же?

Овцебыкъ поставилъ выпитую чашку и проговорилъ:

— Былъ иже вездѣ и нигдѣ.

— Челновскаго не видали ли?

— Нѣтъ. Я тамъ не былъ.

— Мать ваша жива ли?

— Въ богадѣльнѣ померла.

— Одна?

— Да вѣдь съ кѣмъ же умирають-то?

— Давно?

— Съ годъ, говорятъ.

— Погуляйте, ребята, а я сосну до вечерни,—сказалъ отецъ-казначей, которому ужъ тяжело было всякое напряженіе.

— Нѣтъ, я на озеро хочу проѣхать,—отвѣчалъ я.

— А! ну, поѣзжай, поѣзжай съ Богомъ и Васю свези: онъ тебѣ почудитъ дорогой.

— Поѣдемте, Василиій Петровичъ.

Овцебыкъ почесался, взялъ свой колпачокъ и отвѣчалъ:

— Пожалуй.

Мы простились до завтра съ отцомъ-казначеемъ и вышли. На житномъ дворѣ мы сами запрягли мою лошадку и поѣхали. Василиій Петровичъ сѣлъ ко мнѣ задомъ, спина со спиною, говоря, что иначе онъ не можетъ ѣхать, потому что ему воздуху мало за чужой головой. Дорогой онъ вовсе не чудилъ. Напротивъ, онъ былъ очень неразговорчивъ и только все меня спрашивалъ: видалъ ли я умныхъ людей въ Петербургѣ и про что они думаютъ? или, переставъ спрашивать, начиналъ свистать то соловьемъ, то иволгой.

Въ этомъ прошла вся дорога.

У давно знакомой хатки насъ встрѣтилъ низенькій, рыжій послушникъ, заступившій мѣсто отца Сергія, который года три какъ умеръ, завѣщавъ свои инструменты и приготовленный матеріалъ беззаботному отцу Вавилѣ. Отца Вавилы не было дома: онъ, по обыкновенію, гулялъ надъ озеромъ и смотрѣлъ на цапель, глотающихъ покорныхъ лягушекъ. Новый товарищъ отца Вавилы, отецъ Прохоръ, обрадовался намъ точно деревенская барышня звону колокольчика. Самъ онъ бросался отпрягать нашу лошадь, самъ раздувалъ самоваръ и все увѣрялъ, что «отецъ Вавило вотъ ту минуту вернется». Мы съ Овцебыкомъ вняли этимъ увѣ-

реніямъ, усѣлись на заваленкѣ лицомъ къ озеру и оба пріятно молчали. Никому не хотѣлось говорить.

Солнце уже совсѣмъ сѣло за высокія деревья, окружающія густою чащею все монастырское озеро. Гладкая поверхность воды казалась почти черною. Въ воздухѣ было тихо, но душно.

— Гроза будетъ ночью,—сказаль отецъ Прохоръ, таща на себѣ въ сѣни подушку съ моихъ бѣговыхъ дрожекъ.

— Зачѣмъ вы беспокоитесь? отвѣчалъ я:—можетъ-быть, еще и не будетъ.

Отецъ Прохоръ застѣчиво улыбался и проговорилъ:

— Ничего-съ! Какое безпокойство!

— Я и лошадку тоже заведу въ сѣни, началъ онъ, выйдя снова изъ хатки.

— Зачѣмъ, отецъ Прохоръ?

— Гроза большая будетъ: испугается, оторвется еще. Нѣтъ-съ, я ее лучше въ сѣни. Ей тамъ хорошо будетъ.

Отецъ Прохоръ отвязаль лошадь и, войдя въ сѣни, тянулъ ее за поводъ, приговаривая: «иди, матушка! иди, дурашка! Чего боишься?»

— Вотъ такъ-то лучше,—сказаль онъ, уставивъ лошадь въ уголку сѣней и насыпавъ ей овса въ старое рѣшето.—Что-й-то отца Вавилы долго нѣтъ, право! проговорилъ онъ, зайдя за уголь хатки.—А вонъ ужъ и замолаживаетъ, добавилъ онъ, показывая рукою на сѣровато-красное облачко.

На дворѣ совсѣмъ смеркалось.

— Я пойду посмотрю отца Вавилу,—сказаль Овцебыкъ и, закрутивъ свои косицы, зашагалъ въ лѣсъ.

— Не ходите: вы съ нимъ разоидетесь.

— Небось!—и съ этимъ словомъ онъ ушелъ.

Отецъ Прохоръ взялъ охашку дровъ и пошелъ въ избу. Скоро въ окнахъ засвѣтилось пламя, которое онъ развелъ на загнеткѣ, и въ котелкѣ закипѣла вода. Ни отца Вавилы, ни Овцебыка не было. Между тѣмъ, вершины деревьевъ въ это время изрѣдка стали поколыхиваться, хотя поверхность озера еще стояла спокойною, какъ застывающій свинецъ. Только изрѣдка можно было замѣтить бѣленькіе плески отъ какого-нибудь рѣзвящагося карася, да лягушки хоромъ тянули одну монотонно-унылую ноту. Я еще все сидѣлъ на заваленкѣ, глядя на темное озеро и вспоминая мои въ темную даль улетѣвшіе годы. Тутъ тогда были эти неуклюжія

лодки, къ которымъ носилъ меня могучій Невструевъ; здѣсь я спалъ съ послушниками, и все тогда было такое милое, веселое, полное, а теперь какъ-то все, какъ будто и то же, да нѣтъ чего-то. Нѣтъ беззаботнаго дѣтства, нѣтъ теплой, животворящей вѣры во многое, во что такъ сладко и такъ уповательно вѣрилось.

— Русь духъ пахнетъ! Откуда гости дорогіе?—крикнулъ отецъ Вавила, внезапно выйдя изъ-за угла хатки, такъ что я совершенно не замѣтилъ его приближенія.

Я его узналъ съ перваго раза. Онъ только совсѣмъ поблѣднѣлъ, но тотъ же дѣтскій взглядъ и то же веселое лицо.

— Издалека изволите быть?—спросилъ онъ меня.

Я назвалъ одну деревню верстъ за сорокъ.

Онъ спросилъ: не сыночекъ ли я Аѳанасья Павловича?

— Нѣтъ, говорю.

— Ну, все равно: милости прошу въ келью, а то дождь накрапываетъ.

Дѣйствительно, началъ накрапывать дождикъ и по озеру зарябило, хотя вѣтра въ этой котловинѣ никогда почти не бывало. Разгуляться ему здѣсь было негдѣ. Такое ужъ было *мѣсто тихое*.

— Какъ величать позволите?—спросилъ отецъ Вавила, когда мы совсѣмъ вошли въ его хатку.

Я назвалъ свое имя. Отецъ Вавила посмотрѣлъ на меня, и на его добродушно-хитрыхъ губахъ показалась улыбка. Я тоже не удержался и улыбнулся. Мистификація моя не удалась: онъ узналъ меня; мы обнялись со старикомъ, много разъ сряду поцѣловались и ни съ того, ни съ сего оба заплакали.

— Дай-ка, я посмотрю на тебя поближе,—сказалъ продолжавшій улыбаться отецъ Вавила, подводя меня къ очагу.— Ишь, выросъ!

— А вы состарѣлись, отецъ Вавила.

Отецъ Прохоръ засмѣялся.

— А они у насъ еще все молодятся,—заговорилъ отецъ Прохоръ:—и даже ужастъ какъ молодятся.

— А то по-вашему, что-ль!—храбрясь отвѣчалъ отецъ Вавила, но тутъ же и присѣлъ на стульце и добавилъ:—нѣтъ, братикъ! духъ бодръ, а плоть ужъ отказывается. Къ отцу Сергію пора. Поясицу нынче все ломить—плохъ становлюсь.

— А давно умеръ отецъ Сергій?

— Третій годъ со Спиридона пошелъ.

— Хорошій былъ старикъ,—сказалъ я, вспоминая покойника съ его палочками и ножичкомъ.

— Смотри-ка! Въ уголь-то смотри: тутъ вся его мастерская и теперь стоитъ. Да зажги ты свѣчу, отецъ Прохоръ.

— А Капитанъ живъ?

— Ахъ, ты, ката... то бишь кошку нашу Капитана помнишь?

— Какъ же.

— Удушился, братъ, Капитанъ. Подъ дежу его какъ-то занесло; дежа захлопнулась, а насъ дома не было. Пришли, искали-искали—нѣтъ нашего кота. А дня черезъ два взяли дежу, смотримъ—онъ тамъ. Теперь другой есть... гляди-ко какой: Васька! Васька!—сталъ звать отецъ Вавила.

Изъ-подъ печи вышелъ большой сѣрый котъ и началъ тыкать головою въ ноги отцу Вавилѣ.

— Ишь ты бестія какая!

Отецъ Вавила взялъ кота и, положивъ его на колѣни, брюхомъ кверху, щекоталъ ему горло. Точно тенъеровская картина: бѣлый какъ лунъ старикъ съ сѣрымъ толстымъ котомъ на колѣняхъ, другой полу-старикъ въ углу ворочается; разная утварь домашняя, и все это освѣщено теплымъ, краснымъ свѣтомъ горящаго очага.

— Да зажигай свѣчу-то, отецъ Прохоръ!—крикнулъ опять отецъ Вавила.

— Вотъ сейчасъ. Никакъ не справишь.

Отецъ Вавила между тѣмъ оправдывалъ Прохора и рассказывалъ мнѣ:

— Мы, вѣдь, себѣ свѣчи теперь не зажигаемъ. Рано ложимся.

Зажгли свѣчу. Хата точно въ томъ же порядкѣ, какъ была за двѣнадцать лѣтъ назадъ. Только вмѣсто отца Сергія у печки стоитъ отецъ Прохоръ, а вмѣсто бураго Капитана съ отцомъ Вавилою забавляется сѣрый Васька. Даже ножикъ и пучокъ корневатыхъ палочекъ, приготовленныхъ отцомъ Сергѣемъ, виситъ тамъ, гдѣ ихъ повѣсилъ покойникъ, приготовлявшій ихъ на какую-то потребу.

— Ну, вотъ и яйца сварились, вотъ и рыба готова, а Василья Петровича нѣтъ,—сказалъ отецъ Прохоръ.

— Какого Василя Петровича?

— Блажного,—отвѣчалъ отецъ Прохоръ.

— Нѣшь-ты съ нимъ прѣхалъ?

— Съ нимъ,—сказалъ я, догадываясь, что кличка принадлежит моему Овцебыку.

— Кто жъ это тебя съ нимъ сюда справилъ?

— Да мы давно знакомы,—сказалъ я.—А вы мнѣ скажите, за что вы его блажнымъ-то прозвали?

— Блажной онъ, братъ. Охъ, какой блажной!

— Онъ—добрый человѣкъ.

— Да я не говорю, что злой, а только блажь его одохла: онъ теперь какъ нестойкій: всѣми порядками недоулень.

Было ужъ десять часовъ.

— Что жъ, давайте ужинать. Авось, подойдетъ,—скомандовалъ, начиная умывать руки, отецъ Вавила.— Да, да, да: поужинаемъ, а потомъ литійку... Хорошо? По отцѣ Сергій-то, говорю, литійку всѣ пропоемъ?

Стали ужинать и поужинали, и «со святыми упокой» пропѣли отцу Сергію, а Василий Петровичъ все еще не возвращался.

Отецъ Прохоръ убралъ со стола лишнюю посуду, а сковороду съ рыбой, тарелку, соль, хлѣбъ и пятокъ яицъ оставилъ на столѣ, потомъ вышелъ изъ хаты и, возвратясь, сказалъ:

— Нѣтъ, не видать.

— Кого не видать?—спросилъ отецъ Вавила.

— Василя Петровича.

— Ужъ если бъ тутъ былъ, такъ не стоялъ бы за дверью. Онъ теперь, видно, на прогулку вздумалъ.

Отецъ Прохоръ и отецъ Вавила непременно хотѣли меня уложить на одной изъ своихъ постелей. Насилу я отговорился, взялъ себѣ одну изъ мягкихъ, ситниковыхъ рогожъ работы покойнаго отца Сергія и улегся подъ окномъ на лавкѣ. Отецъ Прохоръ далъ мнѣ подушку, погасилъ свѣчу, еще разъ вышелъ и довольно долго тамъ оставался. Очевидно, онъ поджидалъ «блаженнаго», но не дождался, и возвратясь, сказалъ только:

— А гроза непременно соберется.

— Можетъ-быть, и не будетъ,—сказалъ я, желая успокоить себя насчетъ исчезшаго Овцебыка.

— Нѣтъ, будетъ: парило нынче крѣпко.

— Да ужь давно парить.

— У меня поясицу такъ и ломить,—подсказаль отецъ Вавила.

— И муха съ самаго утра, какъ оглашенная, въ рожу лѣзла,—добавиль отецъ Прохоръ, фундаментально повернувшись на своей массивной кровати, и всѣ мы, кажется, въ эту же самую минуту и заснули. На дворѣ стояла страшная темень, но дождя еще не было.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

— Встань!—говориль мнѣ отецъ Вавила, толкая меня на постели.—Встань! не хорошо спать въ такую пору. Неравень часъ воли Божіей.

Не разобравъ въ чемъ дѣло, я проворно вскочилъ и сѣлъ на лавкѣ. Передъ образомъ горѣла тоненькая восковая свѣча, и отецъ Прохоръ, въ одномъ бѣльѣ, стоялъ на коленяхъ и молился. Страшный ударъ грома, съ грохотомъ раскатившійся надъ озеромъ и загудѣвшій по лѣсу, объяснилъ причину тревоги. Муха, значить, не даромъ лѣзла въ рожу отцу Прохору.

— Гдѣ Василій Петровичъ?—спросиль я стариковъ.

Отецъ Прохоръ, не переставая шептать молитву, обернулся ко мнѣ лицомъ и показаль движеніемъ, что Овцебыкъ еще не возвращался. Я посмотрѣлъ на мои часы: былъ ровно часъ пополудни. Отецъ Вавила, также въ одномъ бѣльѣ и въ коленкоровомъ ватномъ нагрудникѣ, смотрѣлъ въ окно; я тоже подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть. При непрерывной молніи, свѣтло озарявшей все открывавшееся изъ окна пространство, можно было видѣть, что земля довольно суха. Дождя большого, значить, не было съ тѣхъ поръ, какъ мы заснули. Но гроза была страшная. Ударъ слѣдовалъ за ударомъ, одинъ другого громче, одинъ другого ужаснѣе, а молнія не умолкала ни на минуту. Словно все небо разверзлось и готово было съ грохотомъ упасть на землю огненнымъ потокомъ.

— Гдѣ онъ можетъ быть?—сказаль я, невольно думая объ Овцебыкѣ.

— И не говори лучше,—отозвался отецъ Вавила, не отходя отъ окна.

— Не случилось ли чего съ нимъ?

— Да случится, кажется, чему бы! Звѣря большого нѣтъ тутъ. Развѣ лихой человѣкъ — такъ и то не слышно было давно. Нѣтъ, такъ, небось, ходитъ. Вѣдь на него какая блажь найдеть.

— А видъ точно прекрасный,—продолжалъ старикъ, любясь озеромъ, которое молнія освѣщала до самаго противоположнаго берега.

Въ это мгновеніе грянулъ такой ударъ, что вся хата затряслась; отецъ Прохоръ упалъ на землю, а насъ съ отцомъ Вавилою такъ и отбросило къ противоположной стѣнѣ. Въ сѣняхъ что-то рухнуло и повалилось къ двери, которою входили въ хату.

— Горимъ!—закричалъ отецъ Вавила, первый выйдя изъ общаго оцѣпенѣнья, и бросился къ двери.

Дверь нельзя было отпереть.

— Пустите,—сказалъ я, совершенно увѣренный, что мы горимъ, и съ размаху крѣпко ударилъ плечомъ въ дверь.

Къ крайнему нашему удивленію, дверь на этотъ разъ отворилась свободно, и я, не удержавшись, вылетѣлъ за порогъ. Въ сѣняхъ было совершенно темно. Я вернулся въ хату, взялъ отъ образника одну свѣчку и съ нею опять вышелъ въ сѣни. Шумъ весь надѣлала моя лошадь. Перепуганная послѣднимъ ужаснымъ ударомъ грома, она дернула поводъ, которымъ была привязана къ столбу, повалила пустой капустный наполь, на которомъ стояло рѣшето съ овсомъ, и, кинувшись въ сторону, притиснула нашу дверь своимъ тѣломъ. Бѣдное животное пряло ушами, тревожно водило кругомъ глазами и тряслось всѣми членами. Втроемъ мы все привели въ порядокъ, насыпали новое рѣшето овса и возвратились въ хату. Прежде чѣмъ отецъ Прохоръ внесъ свѣчку, мы съ отцомъ Вавилою замѣтили въ хатѣ слабый свѣтъ, отражавшійся черезъ окно на стѣну. Посмотрѣли въ окно, а какъ разъ, напротивъ, на томъ берегу озера, словно колоссальная свѣчка, теплилась старая сухостойная сосна, давно одиноко торчавшая на голмѣмъ песчаномъ холмѣ.

— А-а!—протянулъ отецъ Вавила.

— Молонья зажгла,—подсказалъ отецъ Прохоръ.

— И какъ горитъ прелестно!—сказалъ опять художественный отецъ Вавила.

— Богомъ ей такъ назначено,—отвѣчалъ богобоязливый отецъ Прохоръ.

— Ляжемте, однако, спать, отцы: гроза утихла.

Дѣйствительно, гроза совершенно стихла, и только издали неслись далекіе раскаты грома, да по небу тяжело ползла черная безконечная туча, казавшаяся еще чернѣе отъ горящей сосны.

— Глядите! глядите!—неожиданно воскликнулъ все еще смотрѣвшій въ окно отецъ Вавила. — Вѣдь это нашъ блажнѣй!

— Гдѣ?—спросили въ одинъ голосъ я и отецъ Прохоръ, и оба глянули въ окно.

— Да вонъ, у сосны.

Дѣйствительно, шагахъ въ десяти отъ горящей сосны ясно обрисовывался силуэтъ, въ которомъ можно было съ перваго взгляда узнать фигуру Овцебыка. Онъ стоялъ, заложивъ руки за спину, и, поднявъ голову, смотрѣлъ на горящія сучья.

— Прокричать ему?—спросилъ отецъ Прохоръ.

— Не услышитъ,—отвѣчалъ отецъ Вавила. — Видите, шумъ какой: невозможно услышать.

— И разсердится,—добавилъ я, хорошо зная натуру моего пріятеля.

Постояли еще у окна. Овцебыкъ не трогался. Назвали его нѣсколько разъ «блаженнымъ», и легли на свои мѣста. Чудачества Василья Петровича давно перестали и меня удивлять; но въ этотъ разъ мнѣ было нестерпимо жаль моего страдающаго пріятеля.. Стоя рыцаремъ печальнаго образа передъ горящею сосною, онъ мнѣ казался шутомъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Когда я проснулся, было уже довольно поздно. «Некнижныхъ» отцовъ не было въ хаткѣ. У стола сидѣлъ Василій Петровичъ. Онъ держалъ въ рукахъ большой ломоть ржаного хлѣба и прихлебывалъ молокомъ, прямо изъ стоящаго передъ нимъ кувшина. Замѣтивъ мое пробужденіе, онъ взглянулъ на меня и молча продолжалъ свой завтракъ. Я съ нимъ не заговаривалъ. Такъ прошло минутъ двадцать.

— Чего растягиваться-то?—сказалъ, наконецъ, Василій Петровичъ, поставивъ выпитый имъ кувшинъ молока.

— А что жъ бы намъ начать дѣлать?

— Пойдемъ бродить.

Василій Петровичъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Я очень дорожилъ этимъ расположеніемъ и не сталъ его спрашивать о ночной прогулкѣ. Но онъ самъ заговорилъ о ней, какъ только мы вышли изъ хаты.

— Ночь была грозная какая!—началъ Василій Петровичъ.—Просто, не запомню такой ночи.

— А дождя, вѣдь, не было.

— Начиналъ разъ пять, да не разошелся. Люблю я, смерть, такія ночи.

— А я не люблю ихъ.

— Отчего?

— Да что жъ хорошаго-то? вертить, ломить все.

— Гм! вотъ то-то и хорошо, что все ломить.

— Еще придавить ни за что, ни про что.

— Эко штука!

— Вотъ сосну разбило.

— Славно горѣла.

— Мы видѣли.

— И я видѣлъ. Хорошо жить въ лѣсахъ.

— Комаровъ только много.

— Эхъ, вы, канареечный заводъ! Комары заѣдаютъ.

— Они и медвѣдей, Василій Петровичъ, донимаютъ.

— Да, а все жъ медвѣдь изъ лѣсу не пойдетъ. Полюбилъ я эту жизнь,—продолжалъ Василій Петровичъ.

— Лѣсную-то?

— Да. Въ сѣверныхъ-то лѣсахъ что это за прелесть! Густо, тихо, листь ажъ синій—отлично!

— Да ненадолго.

— Тамъ и зимой тоже хорошо.

— Ну, не думаю.

— Нѣтъ, хорошо.

— Что жъ вамъ тамъ нравилось?

— Тихость, и сила есть въ той тихости.

— А каковъ народъ?

— Что значить: каковъ народъ?

— Какъ живетъ и чего ожидаетъ?

Василій Петровичъ задумался.

— Вы вѣдь два года съ ними прожили?

— Да, два года и еще съ хвостикомъ.

— И узнали ихъ?

— Да чего узнавать-то?

— Чтò въ тамошнихъ людяхъ таится?

— Дурь въ нихъ таится.

— А вы же прежде такъ не думали?

— Не думаль. Чтò думы-то наши стòять? Думы тѣ со словъ строились. Слышишь «расколъ», «расколъ», сила, протестъ, и все думаешь открыть въ нихъ нивѣсть что. Все думаешь, что тамъ слово такое, какое нужно, знаютъ и только не вѣрятъ тебѣ, оттого и не доберешься до живца.

— Ну, а на самомъ дѣлѣ?

— А на самомъ дѣлѣ—буквоѣды, вотъ что.

— Да вы съ ними сошлись ли хорошо?

— Да какъ еще сходиться-то! Я вѣдь не съ тѣмъ шелъ, чтобы баловаться.

— Какъ же вы сходились-то? Вѣдь это интересно. Расскажите, пожалуйста.

— Очень просто: пришелъ, напялся въ работники, работалъ какъ воль... Вотъ ляжемъ-ка тутъ надъ озеромъ.

Мы легли, и Василий Петровичъ продолжалъ свой рассказъ, по обыкновенію, короткими отрывистыми выраженіями.

— Да, я работалъ. Зимомъ я назвался переписывать книги. Уставомъ и полууставомъ писать наловчился скоро. Только все книги чортъ ихъ знаетъ какія давали. Не такія, какихъ я надѣялся. Жизнь пошла скучная. Работа да моленное пѣніе, и только. А больше ничего. Потомъ стали все звать меня; «Иди, говорить, совсѣмъ къ намъ!»—Я говорю: «все одно, я и такъ вашъ».—«Облюбуй дѣвку и иди къ кому-нибудь во дворъ». Знаете, какъ мнѣ непонутру! Однако, думаю, не изъ-за этого же бросить дѣло. Пошелъ во дворъ.

— Вы?

— А то кто жъ?

— Вы женились?

— Взялъ дѣвку, такъ стало-быть женился.

Я просто остолбенѣлъ отъ удивленія и невольно спросилъ:

— Ну, что жъ дальше вышло?

— А дальше дрянъ вышла,—сказалъ Овцебыкъ, и на лицѣ его отразились и зло, и досада.

— Женою, что ли, вы несчастливы?

— Да развѣ жена можетъ сдѣлать мое счастье или несчастье? Я самъ себя обманулъ. Я думалъ найти тамъ городъ, а нашель лукошко.

— Раскольники не допустили васъ до своихъ тайнъ?

— До чего допускать-то! — съ негодованіемъ вскрикнулъ Овцебыкъ. — Только вѣдь за секретомъ все и дѣло. Понимаете, этого слова-то «Сезамъ, отворись», что въ сказкѣ говорится, его-то и нѣтъ! Я знаю всѣ ихъ тайны, и всѣ они презрѣнія одинаго стоятъ. Сойдутся, думаешь, думу великую зарѣшатъ, анъ чортъ знаетъ что — «благая честь, да благая вѣра». Въ вѣрѣ благой они останутся, а въ чести благой тотъ, кто въ чести сидитъ. Забобоны да буквовѣдство, лѣстовки изъ ремня да плеть бы ременную подлиннѣе. Не ихъ ты креста, такъ и дѣла до тебя нѣтъ. А ихъ, такъ нѣтъ, чтобъ тебѣ подняться дали, а въ богадѣльню ступай, коли старъ или слабъ, и живи при милости на кухнѣ. А молодъ — въ батраки иди. Хозяинъ будетъ смотрѣть, чтобъ ты не баловался. На бѣломъ свѣтѣ тюрьму увидишь. Все еще соболѣзнуютъ, индюки проклятые: «Страху мало. Страхъ, говорятъ, исчезаетъ». А мы на нихъ надежды, мы на нихъ упованія возвращаемъ!.. Байбаки дурацкіе, только морочатъ своимъ секретничаньемъ.

Василій Петровичъ съ негодованіемъ плюнулъ.

— Такъ, стало-быть, нашъ здѣшній простой мужикъ лучше?

Василій Петровичъ задумался, потомъ еще плюнулъ и спокойнымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Не въ примѣръ лучше.

— Чѣмъ же особенно?

— Тѣмъ, что не знаетъ, чего желаетъ. Этотъ разсуждаетъ такъ, разсуждаетъ и иначе, а у того одно разсужденіе. Все около своего пальца мотааетъ. Простую вотъ такую-то землю возьми, либо старую плотину раскапывай. Что по ней, что ее руками насыпали! Хворость въ ней есть, хворость и будетъ, а хворость повытаскаешь, опять одна земля, только еще дуromъ взбуровленная. Такъ вотъ и разсуждай, что лучше-то?

— Какъ же вы ушли?

— Такъ и ушелъ. Увидалъ, что дѣлать нечего, и ушелъ.

— А жена?

— Что же вамъ про нее интересно?

— Какъ же вы ее одну тамъ оставили?

— А куда же мнѣ съ нею дѣваться?

— Увести ее съ собою и жить съ нею.

— Очень нужно.

— Василий Петровичъ, вѣдь это жестоко! А если она васъ полюбила?

— Вздоръ говорите! Что еще за любовь: нынче уставщикъ почиталъ—мнѣ жена; завтра «поблагословится»—съ другимъ въ чуланъ спать пойдетъ. Да и что мнѣ до бабы, что мнѣ до любви, что мнѣ до всѣхъ бабъ на свѣтѣ!

— Но человѣкъ же она, говорю.—Пожалѣть-то ее все-таки слѣдовало бы.

— Вотъ въ этомъ-то смыслѣ бабу-то пожалѣть!.. Очень важное дѣло, съ кѣмъ ей въ чуланъ лѣзть. Какъ разъ время къ сему, чтобъ объ этомъ печалиться! Сезамъ, Сезамъ, кто знаетъ, чѣмъ Сезамъ отпереть,—вотъ кто нуженъ!—заключилъ Овцебыкъ и заколотилъ себя въ грудь.—Мужа, дайте мужа намъ, котораго бы страсть не дѣлала рабомъ, и его одного мы сохранимъ душѣ своей въ святѣйшихъ нѣдрахъ.

Дальнѣйшая бесѣда наша съ Василиемъ Петровичемъ не ладилась. Пообѣдавъ у стариковъ, я завезъ его въ монастырь, простился съ отцомъ-казначеемъ и уѣхалъ домой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Спустя дней десять послѣ моей разлуки съ Васильемъ Петровичемъ, я сидѣлъ съ матушкой и сестрою на крылечкѣ нашего маленькаго домика. Смеркалось. Вся прислуга отправилась ужинать и возлѣ дома никого кромѣ насъ не было. Вездѣ была кругомъ глубочайшая вечерняя тишина, и вдругъ среди этой тишины двѣ большія дворныя собаки, лежавшія у нашихъ ногъ, разомъ вскочили, бросились къ воротамъ и съ озлобленіемъ на кого-то напали. Я всталъ и пошелъ къ воротамъ посмотрѣть на предметъ ихъ злобой атаки. У частокла, прислонясь спиною, стоялъ Овцебыкъ и насилу отмахивался палкою отъ двухъ псовъ, напавшихъ на него съ человѣческимъ ожесточеніемъ.

— Заѣли было, проклятыя,—сказалъ онъ мнѣ, когда я отогналъ собакъ.

— Вы пѣшкомъ?

— Какъ видите, на цуфусахъ.

У Василья Петровича за спиною былъ и мѣшочекъ, съ которымъ онъ обыкновенно путешествовалъ,

— Пойдемте же.

— Куда?

— Ну, къ намъ въ домъ.

— Нѣтъ, я туда не пойду.

— Отчего не пойдете?

— Тамъ какія-то барышни.

— Какія барышни! Это—мать моя и сестра.

— Все равно, не пойду.

— Полноте чудить! онѣ люди простые.

— Не пойду!—рѣшительно сказала Овцебыкъ.

— Куда жъ мнѣ васъ дѣтъ?

— Нужно куда-нибудь дѣтъ. Мнѣ некуда дѣваться.

Я вспомнилъ о банѣ, которая лѣтомъ была пуста и нерѣдко служила спальнею для прїѣзжающихъ гостей. Домикъ у насъ былъ маленькій, «шляхетскій», а не «панскій».

Черезъ дворъ, мимо крыльца, Василій Петровичъ тоже ни за что не хотѣлъ идти. Можно было пройти черезъ садъ, но я зналъ, что баня заперта, а ключъ отъ нея у старой няни, которая ужинаетъ въ кухнѣ. Оставить Василья Петровича не было никакой возможности, потому что на него снова напали бы собаки, отошедшія отъ насъ только на нѣсколько шаговъ и злобно лаявшія. Я перегнулъ черезъ частоколь, за которымъ стоялъ съ Васильемъ Петровичемъ, и громко крикнулъ сестру. Дѣвочка подбѣжала и остановилась въ недоумѣніи, увидя оригинальную фигуру Овцебыка въ крестьянской свиткѣ и послушничьемъ колпакѣ. Я послалъ ее за ключомъ къ нянѣ и, получивъ вождельный ключъ, повелъ моего неожиданнаго гостя черезъ садъ въ баню.

Всю ночь напролетъ мы проговорили съ Васильемъ Петровичемъ. Ему нельзя было возвращаться въ пустынь, откуда онъ пришелъ, ибо его оттуда выгнали за собесѣдованія, которыя онъ задумалъ вести съ богомольцами. Идти въ иное мѣсто у него не было никакого плана. Неудачи его не обезкуражили, но разбили на время его соображенія. Онъ много говорилъ о послушникахъ, о монастырѣ, о приходящихъ туда со всѣхъ сторонъ богомольцахъ, и все это говорилъ довольно послѣдовательно. Василій Петровичъ, живучи въ монастырѣ, приводилъ въ исполненіе самый ори-

гинальный планъ. Мужей, которыхъ бы страсти не дѣлали рабами, онъ искалъ въ рядахъ униженныхъ и оскорбленныхъ монастырской семьи и съ ними хотѣлъ отпереть свой Сезамъ, дѣйствуя на массы приходящаго на богомолье народа.

— Этого пути никто не видитъ; его никто не сторожится; имъ не брегутъ жидущіе; а тутъ-то и есть то, что нужно во главу угла,—разсуждалъ Овцебыкъ.

Припоминая себѣ хорошо знакомую монастырскую жизнь и тамошнихъ людей изъ разряда униженныхъ и оскорбленныхъ, я готовъ былъ признать, что соображенія Василья Петровича во многомъ не лишены основанія.

Но пропаганда мой уже прогорѣлъ. Первый мужъ, стоявшій, по его мнѣнію, выше страстей, мой старый знакомый, послушникъ Невструевъ, въ монашествѣ дьяконъ Лука, сдѣлавшись повѣреннымъ Богословскаго, вздумалъ помочь своему униженію и оскорбленію: онъ открылъ начальству «когого духа» Овцебыкъ, и Овцебыкъ былъ выгнанъ. Теперь онъ былъ безъ пріюта. Мнѣ черезъ недѣлю нужно было ѣхать въ Петербургъ, а у Василья Петровича не было мѣста, куда бы приклонить голову. Оставаться у моей матери ему было невозможно, да и онъ самъ не хотѣлъ этого.

— Найдите мнѣ опять кондицію, я обучать хочу,—говорилъ онъ.

Нужно было искать кондицію. Я взялъ съ Овцебыка слово, что онъ новое мѣсто приметъ только для мѣста, а не для постороннихъ кѣлей, и сталъ искать ему пріюта.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ нашей губерніи очень много мелкопомѣстныхъ деревень. Вообще у насъ, говоря языкомъ членовъ с.-петербургскаго политико-экономическаго комитета, довольно распространено хуторное хозяйство. Отодворцы, владѣвшіе крѣпостными людьми, послѣ отобранія у нихъ крестьянъ, остались хуторянами, небольшіе помѣщики промотались и крестьянъ попродали на сводъ въ дальнія губерніи, а землю купцамъ или разбогатѣвшимъ отодворцамъ. Около насъ было пять или шесть такихъ хуторовъ, перешедшихъ въ руки лицъ недворянской крови. Въ пяти верстахъ отъ нашего хутора былъ Барковъ-хуторъ: такъ онъ назывался по

имени своего прежняго владѣтеля, о которомъ говорили, что въ Москвѣ онъ жилъ когда-то

Праздно, весело, богато
И отъ разныхъ матерей
Прижилъ сорокъ дочерей,

а на старости лѣтъ вступилъ въ законный бракъ и продалъ имѣніе за имѣніемъ. Барковъ-хуторъ, составлявшій нѣкогда отдѣльную дачу большого имѣнія промотавшагося барина, принадлежалъ теперь Александру Ивановичу Свиридову. Александръ Ивановичъ родился въ крѣпостномъ сословіи, обученъ грамотѣ и музыкѣ. Смолоду онъ игралъ на скрипкѣ въ помѣщичьемъ оркестрѣ, а девятнадцати лѣтъ откупился за пятьсотъ рублей на волю и сдѣлался винокуромъ. Одаренный яснымъ практическимъ умомъ, Александръ Ивановичъ отлично повелъ свои дѣла. Сначала онъ сдѣлалъ себѣ извѣстность, какъ лучший винокуръ въ околоткѣ; потомъ сталъ строить винокуренные заводы и водяныя мельницы; собралъ рублей тысячу свободныхъ денегъ, сѣзидилъ на годъ въ сѣверную Германію и возвратился оттуда такимъ строителемъ, что слава его быстро разнеслась на далекое пространство. Въ трехъ смежныхъ губерніяхъ знали Александра Ивановича и на перебой навязывали ему постройки. Дѣла онъ велъ необыкновенно аккуратно и снисходительно смотрѣлъ на дворянскія слабости своихъ заказчиковъ. Вообще онъ зналъ людей и часто смѣялся въ рукавъ надъ многими, но былъ человѣкъ недурной и даже, пожалуй, добрый. Его всѣ любили, кромѣ мѣстныхъ нѣмцевъ, надъ которыми онъ любилъ подтрунивать, когда они принимались вводить культурные порядки съ полудикими людьми. «Обезьяну, говорилъ онъ,—сейчасъ сдѣлаеть», и нѣмецъ, дѣйствительно, какъ нарочно, ошибался въ расчетѣ и дѣлалъ обезьяну. Черезъ пять лѣтъ по возвращеніи изъ Мекленбургъ - Шверина, Александръ Ивановичъ купилъ у своего бывшаго помѣщика Барковъ-хуторъ, записался въ купечество нашего уѣзднаго городка, выдалъ замужъ двухъ сестеръ и женилъ брата. Семья была выкуплена имъ изъ крѣпостного званія еще до поѣздки за границу и вся держалась вокругъ Александра Ивановича. Братъ и зятья всѣ были у него на службѣ и на жалованьѣ. Обращался онъ съ ними крутенько. Не обижать, но держалъ въ страхѣ. Такъ онъ держалъ и приказчиковъ,

и рабочиѣхъ. И не то, чтобы онъ любилъ почетъ, а такъ... Убѣжденъ онъ былъ, что «нужно, чтобы люди не баловались». Купивъ хуторъ, Александръ Ивановичъ выкупилъ у того же помѣщика горничную дѣвушку Настасью Петровну и сочетался съ ней законнымъ бракомъ. Жили они всегда очень согласно. Люди говорили, что у нихъ «совѣтъ да любовь». Выйдя замужъ за Александра Ивановича, Настасья Петровна, что говорятъ, «раздобрѣла». Она всегда была писаная красавица, но замужемъ расцвѣла какъ пышная роза. Высокая, бѣлая, немножко полная, но стройная, румянецъ во всю щеку и большіе, ласковые голубые глаза. Хозяйка Настасья Петровна была очень хорошая. Мужъ, бывало, рѣдко когда недѣлю просидитъ дома—все въ разѣздахъ по работамъ, а она и хозяйство по хутору ведетъ, и приказчиковъ отсчитываетъ, и лѣсъ или хлѣбъ, если нужно куда на заводы, покупаетъ. Во всемъ она была Александру Ивановичу правая рука, и зато всѣ относились къ ней очень серьезно и съ большимъ уваженіемъ, а мужъ вѣрилъ ей безъ мѣры и съ нею не держался своей строгой политики. Ей у него ни въ чемъ отказу не было. Только она ничего не требовала. Читать сама выучилась и имя свое умѣла подписывать. Дѣтей у нихъ было всего двѣ дѣвочки: старшей девять лѣтъ, а младшей семь. Учила ихъ гувернантка изъ русскихъ. Сама Настасья Петровна шути называла себя «дурой безграмотной». А впрочемъ, она знала едва ли менѣе многихъ иныхъ такъ-называемыхъ воспитанныхъ дамъ. По-французски она не разумѣла, но русскія книги просто пожирала. Память у ней была страшная. Карамзинскую исторію, бывало, чуть не наизусть рассказываетъ. А стиховъ на память знала безъ счету. Особенно она любила Лермонтова и Некрасова. Послѣдній былъ особенно понятенъ и сочувственъ ея много перестрадавшему въ былое время крѣпостному сердцу. Въ разговорѣ у нея еще часто прорывались крестьянскія выраженія, особенно когда она говорила съ воодушевленіемъ, но эта народная рѣчь даже необыкновенно шла къ ней. Бывало, если она станетъ рассказывать этой рѣчью что-нибудь прочитанное, такъ такую силу придастъ своему рассказу, что послѣ ужъ читать не хочется. Очень способная была женщина. Дворянство наше часто набѣжало въ Барковъ-хуторъ, иногда такъ, чужого ужина попробовать, а

больше по дѣламъ. Александру Ивановичу вездѣ былъ кредитъ открытый, а помѣщикамъ мало вѣрили, зная ихъ плохую расплату. Говорили: «онъ аристократъ — дай ему, да ори сто кратъ». Такова была ихъ репутація. Понадобится хлѣбъ — вино курить не изъ чего, а задатки либо промотаны, либо на уплату старыхъ долговъ пошли, — ну, и тянуть къ Александру Ивановичу. «Выручи! Голубчикъ, такой-сякой, поручись». Тутъ у Настасьи Петровны ручки цѣлуютъ — ласковые такіе и простодушные. А она, бывало, выйдетъ, да помираетъ-хохочетъ. «Видѣли, говоритъ, *журистовъ-то!*» Настасья Петровна «журистами» прозывала дворянъ съ тѣхъ поръ, какъ одна московская барыня, вернувшись въ свое разоренное имѣніе, хотѣла «воспитать дикій самородокъ» и говорила: «какъ же вы не понимаете *ma belle Anastasie*, что вездѣ есть свои жирондисты!» Впрочемъ, руку у Настасьи Петровны всѣ цѣловали, и она къ этому привыкла. Но были и такіе ухорцы, что открывались ей въ любви и звали ее «подъ сѣньструй». Одинъ лейбъ-гусарь доказывалъ ей даже безопасность такого поступка, если она захватитъ съ собой юхтовый бу-мажникъ Александра Ивановича. Но

Они страдали безуспѣшно.

Настасья Петровна умѣла держать себя съ этими поклонниками красоты.

Къ этимъ людямъ — къ Свиридовой и къ ея мужу — я и рѣшилъ обратиться съ просьбой о моемъ неуклюжемъ пріятелѣ. Когда я пріѣхалъ просить за него, Александра Ивановича, по обыкновенію, не было дома; я засталъ одну Настасью Петровну и рассказалъ ей, какого мнѣ судьба послала малолѣтка. Черезъ два дня я отвѣзъ къ Свиридовымъ моего Овцебыка, а черезъ недѣлю поѣхалъ къ нимъ снова проститься.

— Что ты, братъ, мнѣ бабу тутъ безъ меня сбиваешь? — спросилъ меня Александръ Ивановичъ, встрѣчая меня на крыльцѣ.

— Чѣмъ я сбиваю Настасью Петровну? — спросилъ я въ свою очередь, не понимая его вопроса.

— Какъ же, помилуй, для чего ты въ филантропію ее затягиваешь? Какого ты ей тутъ шута на руки навязалъ?

— Слушайте его! — закричалъ изъ окна знакомый не-

множко рѣзкій контральтъ.—Отличный вашъ Овцебыкъ. Я вамъ за него очень благодарна.

— А взаправду, что ты за звѣря такого намъ завезъ?—спросилъ Александръ Ивановичъ, когда мы взошли въ его чергежнюю.

— Овцебыка,—отвѣчалъ я, улыбаясь.

— Непонятный, братъ, какой-то!

— Чѣмъ?

— Да совѣмъ блажной какой-то!

— Это сначала.

— А можетъ-быть, подь конецъ хуже будетъ?

Я разсмѣялся, и Александръ Ивановичъ тоже.

— Да, парень, смѣхъ-смѣхомъ, а куда его дѣтъ? Вѣдь мнѣ, право, такого приткнуть некуда.

— Пожалуйста, дай ему что-нибудь заработать.

— Да вѣдь не о томъ! Я не прочь; да куда его опредѣлить-то? Вѣдь ты гляди, какой онъ,—сказалъ Александръ Ивановичъ, указывая на проходившаго въ эту минуту по двору Василья Петровича.

Я посмотрѣлъ, какъ тотъ шагаетъ, заложа одну руку за пазуху свиты, а другою закручивая косицу, и самъ подумалъ: «Куда бы его, въ самое дѣлѣ, однако можно было опредѣлить?»

— Пусть на порубкѣ смотреть, — посоветовала муж / хозяйка.

Александръ Ивановичъ засмѣялся.

— Пусть его будетъ на порубкѣ, — сказалъ и я.

— Эхъ, вы, дѣти малыя! Что онъ тамъ будетъ дѣлать? Тамъ вѣдь непривычный человѣкъ со скуки повѣсится. А мой згадь — дать ему сто рублей, да пусть идетъ куда знаетъ, и пусть дѣлаетъ что хочетъ.

— Нѣтъ, ты его не отгоняй.

— Да, этакъ обидѣть можно!—поддержала меня Настасья Петровна.

— Ну, куда жъ я его дѣну? У меня вѣдь все мужики; я самъ мужикъ; а онъ..

— Тоже не баринъ, — сказалъ я.

— Ни баринъ, ни крестьянинъ, да и ни на что никуда не годящійся.

— Да отдай ты его Настасьѣ Петровнѣ.

— Право, отдай, — вмѣшалась она снова.

— Бери, бери, моя матушка.

— Ну, и прекрасно, — сказала Настасья Петровна. Овцебыкъ остался на рукахъ Настасьи Петровны.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ августѣ мѣсяцѣ, живучи уже въ Петербургѣ, я получилъ въ почтамтѣ страховое письмо со вложеніемъ пятидесяти рублей серебромъ. Въ письмѣ было написано:

«Возлюбленный брате!

Я нахожусь при истребленіи лѣсовъ, которые росли на всеобщую долю, а попали на свиридовскую часть. За полгода дали мнѣ жалованья 60 рублей, хотя еще полгода и не прошло. Видно, гарнитура моя подъ это подговорилась, но сія ихъ великательность пусть будетъ втуне: я въ семь не нуждаюсь. Десять цѣлковыхъ себѣ оставилъ, а пятьдесятъ, при семь прилагаемыхъ, тотчасъ, *безъ всякаго письма*, отошлите крестьянской дѣвицѣ Глафирѣ Анфиногеновой Мухиной въ деревню Дубы, — ской губерніи — скаго уѣзда. Да чтобъ не знали, отъ кого. Это та, которая будто жена моя: такъ это ей на случай, если дитя родилось.

Тутъ мое житье постылое. Дѣлать мнѣ здѣсь нечего, и я однимъ себя утѣшаю, что нигдѣ, видно, нечего дѣлать, опричь того, что всѣ дѣлають: родителей поминають да свои брюхи набивають. Здѣсь всѣ на Александра Свиридова молятся. Александръ Ивановичъ! — и человѣка больше ни для кого нѣтъ. До него все дораста хотять, а чтѣ онъ такое за суть, сей мужъ кармана?

Да, поняль нынѣ и я нѣчто, поняль. Разрѣшилъ я себѣ «Русь, куда стремишься ты?» и вы не бойтесь: я отсюда не пойду. Некуда идти. Вездѣ все одно. Черезъ Александровъ Ивановичей не перескочишь.

Василій Богословскій».

Ольгина-Пойма.

3 августа 185... года.

Въ первыхъ числахъ декабря я получилъ другое письмо. Этимъ письмомъ Свиридовъ извѣщалъ меня, что онъ выѣзжаетъ на-дняхъ въ Петербургъ съ женою, и просилъ нанять ему удобную квартирку.

Дней черезъ десять послѣ этого второго письма Александръ Ивановичъ съ женою сидѣли въ премиленькой квар-

тирѣ противъ Александринскаго театра, отогрѣвались чаемъ и отогрѣвали мою душу разказами о той далекой сторонѣ,

Гдѣ сны златые снились мнѣ.

— А что же вы мнѣ не скажете, — спросилъ я, улучивъ минуту: — что дѣлаетъ мой Овцебыкъ?

— Брыкается, братъ, — отвѣчала Свиридовъ.

— Какъ, брыкается?

— Чудить. Къ намъ не ходить, пренебрегаетъ, что ли, все съ рабочими якшался, а теперь и это, должно-быть, надоѣло: просилъ, чтобъ его въ другое мѣсто отправить.

— Что жъ вы-то? — спросилъ я Настасью Петровну. — На васъ, вѣдь, вся надежда была, что вы его приручите?

— Чего надежда? Отъ нея-то онъ и бѣгаетъ.

Я взглянулъ на Настасью Петровну, она на меня.

— Что будешь дѣлать? Страшна, видно, я.

— Да какъ же это? Расскажите.

— Что говорить? — и говорить-то не про что — просто: пришелъ ко мнѣ, да и говорить: «отпустите меня». — «Куда?» говорю. — «Я, говорить, не знаю». — «Да чѣмъ вамъ худо у меня?» — «Мнѣ, говорить, не худо, а отпустите». — «Да что же, моль, такое?» Молчить. «Обидѣлъ васъ кто, что ли?» Молчить, только косицы крутить. «Вы, говорю, Настѣ сказали бы, что вамъ худого дѣлаютъ». — «Нѣтъ, вы, говорить, пошлите меня на другую работу». Жаль стало мнѣ его со-всѣмъ выправить — послалъ на другую порубку въ Жогово, верстъ за тридцать. Тамъ онъ и теперь, — прибавилъ Александръ Ивановичъ.

— Чѣмъ же вы его такъ разогорчили? спросилъ я Настасью Петровну.

— А ужъ Богъ его знаетъ: я его ничѣмъ не огорчала.

— Какъ мать родная за нимъ упала, — поддержалъ Свиридовъ. — Обшила, одѣла, обула. Вѣдь знаешь, какая она сердобольная.

— Ну, и что же вышло?

— Не взлюбилъ меня, — смѣясь, сказала Настасья Петровна.

Зажили мы знатно съ Свиридовыми въ Петербургѣ. Александръ Ивановичъ все хлопоталъ по дѣламъ, а мы съ Настасьей Петровной все «болтались». Городъ ей очень понравился; но особенно она полюбила театры. Всякій вечеръ мы ходили въ какой-нибудь театръ, и никогда это ей не

наскучало. Время шло быстро и приятно. Отъ Овцебыка я въ это время получилъ еще одно письмо, въ которомъ онъ ужасно злобно выражался объ Александрѣ Ивановичѣ. «Разбойники и чужеземцы», писалъ онъ, — «по мнѣ лучше, чѣмъ эти богатѣи изъ русскихъ! А всѣ за нихъ и черевы лопаются какъ подумаешь, что это такъ и быть должно, что всѣ за нихъ будутъ. Вижу я нѣчто дивное: вижу, что онъ, сей Александръ Ивановъ, мнѣ во всемъ на дорогѣ стоялъ, прежде чѣмъ я узналъ его. Вотъ кто врагъ-то народный—сей видъ сытаго мужлана, мужлана, питающаго отъ крупницъ своихъ перекатную голь, чтобы она не сразу передохла, да на него бы работала. Сей вотъ самый христіанинъ нашему праву подѣ стать и онъ всѣхъ и побѣдитъ и дондеже придутъ отложенная ему. Съ моими мыслями намъ вдвоемъ на одномъ свѣтѣ жить не приходится. Я уступлю ему дорогу, ибо онъ излюбленный ихъ. Онъ хоть для кого-нибудь на потребу сдастся, а мое, вижу, все ни къ чорту не годится. Недаромъ вы какимъ-то звѣринымъ именемъ называли. Никто меня не признаетъ своимъ, и я ни въ комъ своего не призналъ». Затѣмъ онъ просилъ написать, живъ ли я и какъ живетъ Настасья Петровна. Этимъ же временемъ изъ Вытегры къ Александру Ивановичу зашли бондари, сопровождавшіе вино съ одного завода. Я ихъ взялъ къ себѣ въ свободную кухню. Ребята все были знакомые. Съ ними мы какъ-то разговорились о томъ, о семъ, и до Овцебыка дошло.

- Какъ онъ у васъ поживаетъ?—спрашиваю ихъ.
- Ничего, живетъ!
- Дѣйствуетъ,—подсказываетъ другой.
- А что онъ работаетъ?
- Ну, какая отъ него работа! Такъ, нивѣсть для чего его хозяинъ содержитъ.
- Въ чемъ же онъ время проводить.
- Словяется по лѣсу. Указано ему отъ хозяина въ родѣ приказчика рубку записывать, и того не дѣлаютъ.
- Отчего?
- Кто его знаетъ. Баловство отъ хозяина.
- А здоровый онъ,—продолжалъ другой бондарь.—Иной разъ возьметъ топоръ, да какъ почнетъ садить — ухъ! только искорья летятъ.
- А то на карауль ходилъ еще.

— На какой караулъ?

— Брехалъ народъ, что бѣглые будто ходятъ, такъ онъ по цѣлымъ ночамъ сталъ пропадать. Ребята подумали, что и онъ не заодно ли съ тѣми бѣглыми, да и подкараулъ его. Какъ онъ пошелъ, а они втроемъ за нимъ. Видятъ, прямо на хуторъ поперъ. Ну, только ничего — все пустяки вышли. Сѣлъ, сказываютъ, подъ ракитой, насупротивъ хозяйскихъ оконъ, подозвалъ Султанку, да такъ и просидѣлъ до зорьки, а зорькою поднялся и опять къ своему мѣсту. Такъ и въ другой, и въ третій. Ребята и бросили за нимъ смотрѣть. Почитай до осени до самой такъ ходилъ. А послѣ Успенья тутъ какъ-то ребята стали разъ спать ложиться, да и говорятъ ему: «Полно, Петровичъ, на караулъ-то тебѣ ходить! Ложись-ко съ нами». Ничего не сказалъ, а черезъ два дни, слышимъ, отпросился: въ другую дачу его хозяинъ поставилъ.

— А любили его, — спрашиваю, — ваши ребята-то?

Бондарь подумалъ и сказалъ:

— Ничего будто.

— Вѣдь онъ добрый.

— Да, онъ худа не дѣлалъ. Рассказывать, бывало, когда что зачнетъ про Филарета Милостиваго, либо про другое что, то все на доброту сворачиваетъ, и противъ богатства складно говорить. Ребята его много которые слушали.

— И что же: нравилось имъ?

— Ничего. Тоже другой разъ и смѣшно сдѣлаетъ.

— А что же бываетъ смѣшно?

— А вотъ, напримѣръ, говорить-говорить про божество, да вдругъ—про господъ. Возьметъ горсть гороху, выберетъ что ни самыя ядреныя гороховины, да и разсажаетъ ихъ по свиткѣ: вотъ это, говоритъ, самый наибольшій — король; а это, поменьше — его министры съ князьями; а это, еще поменьше — баре, да купцы, да попы толстопузые; а вотъ это — на горсть-то показываетъ — это, говоритъ, мы, гречкосѣи. Да какъ этими гречкосѣями-то во всѣхъ въ принцевъ и въ поповъ толстопузыхъ шарахнетъ: все и сравняется. Куча станеть. Ну, ребята, извѣстно, смѣются. Покажи, просятъ, опять эту комедію.

— Это онъ такъ, извѣстно, дурашень, — подсказалъ другой.

Оставалось молчать.

— А изъ какихъ онъ будетъ? Не изъ комедіантовъ? — спросилъ второй бондарь.

— Съ чего это вы выдумали?

— Народъ такъ-то баилъ. Миронка, что-ли, сказывалъ. Миронка былъ маленькій, вертлявый мужикъ, давно развѣзжающій съ Александромъ Ивановичемъ. Онъ слылъ за пѣвца, сказочника и балагура. Въ самомъ дѣлѣ, онъ иногда выдумывалъ нелѣпыя утки и мастерски распускалъ ихъ между простодушнымъ народомъ и наслаждался плодами своей избѣгательности. Очевидно было, что Василій Петровичъ, сдѣлавшись загадкою для ребятъ, рубившихъ лѣсъ, сдѣлался и предметомъ толковъ, а Миронка воспользовался этимъ обстоятельствомъ и сдѣлалъ изъ моего героя отставного комедіанта.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Была масленица. Мы съ Настасьей Петровной едва достали билетъ на вечерній спектакль. Давали «Эсмеральду», которую ей давно хотѣлось видѣть. Спектакль шелъ очень хорошо и, по русскому театральному обычаю, окончился очень поздно. Ночь была погожая, и мы съ Настасьей Петровной пошли домой пѣшкомъ. Дорогою я замѣтилъ, что моя винокураша очень задумчива и часто отвѣчаетъ невпопадъ.

— Чтѣ васъ такъ занимаетъ? — спросилъ я ее.

— А что?

— Да вы не слышите, что я вамъ говорю.

Настасья Петровна засмѣялась.

— А какъ вы думаете: о чемъ я задумываюсь?

— Трудно отгадать.

— Ну, а такъ, напримѣръ?

— Объ Эсмеральдѣ.

— Да, вы почти отгадали; но не сама Эсмеральда меня занимаетъ, а-этотъ бѣдный Квазимодо.

— Вамъ жаль его?

— Очень. Вотъ настоящее несчастье: быть такимъ чело-
вѣкомъ, котораго нельзя любить. И жаль его, и хотѣлъ бы снять съ него горе, да нельзя этого сдѣлать. Это — ужасно! А нельзя, никакъ нельзя, — продолжала она въ раздумьѣ.

Усѣвшись за чай, въ ожиданіи возвращенія къ ужину Александра Ивановича, мы очень долго толковали. Александръ Ивановичъ не приходилъ.

— Э! Еще слава Богу, что въ самомъ дѣлѣ на свѣтѣ такихъ людей не бываетъ.

— Какихъ? Какъ Квазимодо?

— Да.

— А Овцебыкъ?

Настасья Петровна ударила ладонью по столу и сначала разсмѣялась, но потомъ какъ бы застыдилась своего смѣха и проговорила тихо:

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Она придвинула свѣчку и пристально стала смотрѣть въ огонь, прищуривая слегка свои прекрасные глаза.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Свиридовы пробыли въ Петербургѣ до лѣта. Все день за день откладывали за дѣлами свой отъѣздъ. Они уговорили меня ѣхать съ ними вмѣстѣ. Вмѣстѣ мы ѣхали до нашего уѣзднаго города. Тутъ я сѣлъ на перекладную и повернулъ къ матушкѣ, а они уѣхали къ себѣ, взявъ съ меня слово быть у нихъ черезъ недѣлю. Александръ Ивановичъ собирался тотчасъ же по пріѣздѣ домой ѣхать въ Жогово, гдѣ у него шла рубка и гдѣ резидировалъ теперь Овцебыкъ, а черезъ недѣлю обѣщалъ быть дома. У насъ меня не ожидали и очень мнѣ обрадовались... Я сказалъ, что съ недѣлю никуда не выѣду; мать вызвала моего двоюроднаго брата съ женою, и начались разныя буколическія наслажденія.

Такъ прошло дней десять, а на одиннадцатый или на двѣнадцатый, на самой ранней зорѣ, ко мнѣ вошла нѣсколько встревоженная моя старушка-няня.

— Что такое? — спрашиваю ее.

— Отъ барковскихъ, дружочекъ, къ тебѣ, говорить, — прислали.

Вошелъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ и, не кланяясь, переложилъ раза два изъ руки въ руку свою шляпенку, откашлялся и сказалъ:

— Хозяйка тебѣ велѣла, чтобъ сичасъ къ ней ѣхаль.

— Здорова Настасья Петровна? — спрашиваю.

— Ну, а то что ей.

— А Александръ Иванычъ?

— Хозяина нѣту-ти дома, — отвѣчалъ мальчикъ, снова откашливаясь.

— Гдѣ же хозяинъ?

— У Жогови... тамъ, вишь, случай припалъ.

Я велѣлъ осѣдлать себѣ одну изъ матушкиныхъ пристяжныхъ лошадей и, одѣвши въ одну минуту, поѣхалъ шибкою рысью въ Барковъ-хуторъ. Было только пять часовъ утра и дома у насъ всѣ еще спали.

Въ домикъ на хуторѣ, когда я пріѣхалъ туда, всѣ окна, кромѣ комнаты дѣтей и гувернантки, были уже отворены, и въ одномъ окнѣ стояла Настасья Петровна, повязанная большимъ голубымъ фуляромъ. Она растерянно отвѣчала головою на мой поклонъ и, пока я привязывалъ къ коновязи лошадь, два раза махнула рукой, чтобы я шелъ скорѣе.

— Вотъ напасть-то! — сказала она, встрѣчая меня на самомъ порогѣ.

— Что такое?

— Александръ Ивановичъ третьяго дня, вечеромъ, уѣхалъ въ Турухановку, а нынче, въ три часа ночи, изъ Жогова, съ порубки, вотъ какую записку прислалъ съ нарочнымъ.

Она подала мнѣ измятое письмо, которое до того держала въ своихъ рукахъ.

«Настя! — писалъ Свиридовъ. — Пошли сейчасъ въ М—ъ на телѣгѣ парой, чтобы отдали письмо лѣкарю и исправнику. Чудакъ-то твой таки надѣлалъ намъ дѣлъ. Вчера вечеромъ говорилъ со мной, а нынче передъ полдниками удавился. Пошли кого поумнѣе, чтобы купилъ все въ порядкѣ и чтобы гробъ везли поскорѣе. Не то время теперь, чтобы съ такими дѣлами возиться. Пожалуйста, поторопись, да растолкуй, кого пошлешь: какъ ему надо обращаться съ письмами-то. Знаешь, теперь какъ день дорогъ, а тутъ мертвое тѣло.

Твой Александръ Свиридовъ».

Черезъ десять минутъ я ѣхалъ крупной рысью къ Жогову. Вилля по различнымъ проселкамъ, я очень скоро потерялъ настоящую дорогу и едва къ сумеркамъ добрался до жоговскаго лѣса, гдѣ шла рубка. Лошадь я совершенно измучилъ и самъ изнемогъ отъ продолжительной верховой ѣзды по жару. Въѣхавъ на поляну, на которой была караульная изба, я увидѣлъ Александра Ивановича. Онъ стоялъ на крыльцѣ въ одномъ жилетѣ и держалъ въ рукахъ счеты. Лицо у него было, по обыкновенію, спокойно, но нѣсколько

серьезнѣе обыкновеннаго. Передъ нимъ стояли человѣкъ тридцать мужиковъ. Они были безъ шапокъ, съ заткнутыми за пояса топорами. Нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ стоялъ знакомый мнѣ приказчикъ Орефьичъ, а еще далѣе — кучеръ Миронка.

Тутъ же стояла пара выпряженныхъ коренастыхъ лошадокъ Александра Ивановича.

Миронка подскочилъ ко мнѣ и, взявъ мою лошадь, съ веселой улыбкой сказалъ:

— Эхъ, какъ упарили!

— Поводи, поводи хорошенько! — крикнулъ ему Александръ Ивановичъ, не выпуская счетъ изъ руки.

— Такъ, такъ, ребята? — спросилъ онъ, обратясь къ стоявшимъ передъ нимъ крестьянамъ.

— Должно такъ, Александра Иванычъ, — отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Ну, и съ Богомъ, коли такъ, — отвѣчалъ онъ крестьянамъ, протянуль мнѣ руку и, долго посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, сказалъ:

— Что, братъ?

— Что?

— Какову штучку-то откололъ?

— Повѣсился.

— Да; сказнилъ себя. Ты отъ кого узналъ?

Я рассказалъ, какъ было.

— Умница баба, что спосылала за тобою; я, признаться, и не вздумалъ. Да ты еще-то что знаешь? — понизивъ голосъ, спросилъ Александръ Ивановичъ.

— А еще я ничего не знаю. Развѣ еще что есть?

— Какъ же! Онъ тутъ, братъ, было такую гармонію изладилъ, что унеси ты мое горе. Поблагодарилъ-было за хлѣбъ за соль. Да и вамъ съ Настасьей Петровной спасибо: ора этакого мнѣ навязали.

— Что же такое? говорю. — Сказывай толкомъ!

А самому страсть какъ непріятно.

— Писаніе, братецъ, началъ толковать на свой салтыкъ, и, скажу тебѣ, ужъ не на честный, а на дурацкій. Про мытаря началъ, да про Лазаря убогаго, да вотъ какъ кому въ нгу пролѣзть можно, а кому нельзя, и свелъ все на меня.

— Какъ же онъ оборотилъ на тебя?

— Какъ?.. А такъ, видишь ли, что я въ его расчисле-

пнн «купецъ — загребущая лапа» и гречкосѣямъ надо меня лобанить.

Дѣло было попятно.

— Ну, а что же гречкосѣи? — спросилъ я Александра Ивановича, смотрѣвшаго на меня значительнымъ взглядомъ.

— Ребята, извѣстно — ничего.

— То-есть на чистоту, что-ли, все вывели?

— Разумѣется. Волки! — продолжалъ Александръ Иваловичъ съ лукавой усмѣшкой. — Все будто не смысла, ему говорить: «это, Василий Петровичъ, ты должно въ правдѣ. Мы теперь какъ отца Петра увидимъ, тоже его объ этомъ разспрошаемъ», а мнѣ тутъ это все больше шути сказывають, и говорятъ: «не въ порядкахъ, говорятъ, все онъ гурторить». И прямо въ глаза при немъ его слова повторяють.

— Ну, что жъ дальше?

— Я, было, это хотѣлъ такъ и спустить, будто тоже по разумью; ну, а теперь, какъ такой грѣхъ случился, призывалъ ихъ нарочно, будто счеты повѣрить, да стороною имъ загвоздку добрую закинулъ, что эти, моль, рѣчи пустошныя, ихъ надо изъ головы выкинуть и про нихъ крѣпко молчать.

— А хорошо, какъ они это соблюдаютъ.

— Небось, соблюдаютъ, со мной не дурачатся.

Мы вошли въ избу. На лавкѣ у Александра Ивановича лежали пестрая казанская кошма и красная сафьянная подушка; столъ былъ накрытъ чистой салфеткой и на немъ весело кипѣлъ самоваръ.

— Что это ему вздумалось? — проговорилъ я, усѣвшись къ столику вмѣстѣ съ Свиридовымъ.

— Поди жъ ты! Съ большого ума-то вѣдь чего не вздумашь. Терпѣть я не могу этихъ семинаристовъ.

— Третьягодня вы съ нимъ говорили?

— Говорили. Ничего промежъ насъ не было неприятнаго. Вечеромъ тутъ рабочіе пришли, водкой я ихъ потчивалъ, потолковалъ съ ними, денегъ даль, кому впередъ просили; а онъ тутъ и улизулъ. Утромъ его не было, а передъ полденками дѣвчонка какаля-то пришла къ рабочимъ: «Смотрите, говорить, вотъ тутъ за поляной человекъ какой-то удавился». Пошли ребята, а онъ, сердечный, ужъ очерствѣлъ. Должно, еще съ вечера повѣсилъ.

— А больше ничего неприятнаго не было?

— Ничегошеньки.

— Можетъ, ты не сказала ли ему чего?

— Еще что выдумай!

— Письма онь никакого не оставилъ?

— Никакого.

— Въ бумагахъ ты у него не посмотрѣлъ?

— Бумагъ у него, кажется, и не было.

— А все бы посмотрѣть, пока полиція не приѣхала.

— Пожалуй.

— Что, у него сундучокъ, что ли, былъ?—спросилъ Александръ Ивановичъ у стряпки.

— У покойника-то?—сундучокъ.

Принесли маленькій незапертый сундучокъ. Открыли его при приказикѣ и стряпкѣ. Ничего тутъ не было, кромѣ двухъ перемѣтъ бѣлья, засаленныхъ вышисокъ изъ сочиненій Платона да окровавленного носового платка, завернутого въ бумажку.

— Что это за платокъ такой?—спросилъ Александръ Ивановичъ.

— А это, какъ онь, покойникъ, руку тутъ при хозяйкѣ порубилъ, такъ она ему своимъ платочкомъ завязала,—отвѣчала стряпка.—Тотъ онь самый и есть,—добавила баба, посмотрѣвъ на платокъ поближе.

— Ну, вотъ и все,—проговорилъ Александръ Ивановичъ.

— Пойдемъ посмотрѣть на него.

— Пойдемъ.

Пока Свиридовъ одѣвался, я внимательно рассмотрѣлъ бумажку, въ которой былъ завернуть платокъ. Она была совершенно чистая. Я перепустилъ листы Платоновой книги—нигдѣ ни малѣйшей записочки; есть только очеркнутыя погтями мѣста. Читаю очеркнутое:

«Персы и аонпяне потеряли равновѣсіе, одни слишкомъ распространивши права монархіи, другіе—простирая слишкомъ далеко любовь къ свободѣ.»

«Вола не поставляютъ начальникомъ надъ волами, а челоуѣка. Пусть царствуетъ геній.»

«Ближайшая къ природѣ власть есть власть сильнаго.»

«Гдѣ безстыдны старики, тамъ юноши необходимо будутъ безстыдны.»

«Невозможно быть отлично добрымъ и отлично богатымъ. Почему? Потому что кто пріобрѣтаетъ честными и нечест-

ными способами, тотъ приобрѣтаетъ вдвое больше приобрѣтающаго одними честными способами, и кто не дѣлаетъ пожертвованій добру, тотъ менѣе расходуетъ, чѣмъ тотъ, кто готовъ на благородныя жертвы.»

«Богъ есть мѣра всѣхъ вещей, и мѣра совершеннѣйшая. Чтобы уподобиться Богу, надо быть умѣреннымъ во всемъ, даже въ желаніяхъ.»

Тутъ есть на полѣ слова, слабо написанныя какимъ-то рыжимъ борщомъ рукой Овцебыка. Съ трудомъ разбираю: *«Васька глупецъ! Зачѣмъ ты не погъ? Зачѣмъ ты обрызгалъ крылья у слова своего? Не въ ризѣ учитель — народу шутъ, себѣ попошеніе, идеъ — науубникъ. Я татъ, и что дальше пойду, то больше сворую.»*

Я закрылъ Овцебыкову книгу.

Александръ Ивановичъ надѣлъ свой казакинъ, и мы пошли на поляну. Съ поляны повернули вправо и пошли глухимъ сосновымъ боромъ; перешли просѣку, отъ которой начиналась рубка, и опять вошли на другую большую поляну. Здѣсь стояли два большіе стога прошлагодняго сѣна. Александръ Ивановичъ остановился посреди поляны и, вобравъ въ грудь воздуха, громко крикнулъ: «гопъ! гопъ!» Отвѣта не было. Луна ярко освѣщала поляну и бросала двѣ длинныя тѣни отъ стоговъ.

— Гопъ! гопъ! — крикнулъ во второй разъ Александръ Ивановичъ.

— Гоп-па! — отвѣчали справа изъ лѣса.

— Вотъ гдѣ! сказалъ мой спутникъ, и мы пошли вправо.

Черезъ десять минутъ Александръ Ивановичъ снова крикнулъ и ему тотчасъ отвѣчали, а вслѣдъ затѣмъ мы увидѣли двухъ мужиковъ: старика и молодого парня. Оба они, увидя Свиридова, сняли шапки и стояли, облокотясь на свои длинныя палки.

— Здорово, христіане!

— Здравствуй, Ликсандра Иванычъ?

— Гдѣ покойникъ-то?

— Тутотка, Ликсандра Иванычъ.

— Покажите: я не запримѣтилъ что-то мѣста.

— Да вотъ онъ.

— Гдѣ?

— Да вотъ онъ!

Крестыянннъ усмѣхнулся и показалъ вправо.

Въ трехъ шагахъ отъ насъ висѣлъ Овцебыкъ. Онъ удался тоненькимъ крестьянскимъ пояскомъ, привязавъ его къ сучку не выше человѣческаго роста. Колѣни у него были поджаты и чуть не доставали до земли. Точно онъ на колѣняхъ стоялъ. Руки даже у него, по обыкновенію, были заложены въ карманы свитки. Фигура его вся была въ тѣни, а на голову, сквозь вѣтки, падалъ блѣдный свѣтъ луны. Бѣдная это голова! Теперь она была уже покойна. Косицы на ней торчали такъ же вверхъ, бараньими рогами, а помутившіеся, остолбенѣлые глаза смотрѣли на луну съ тѣмъ самымъ выраженіемъ, которое остается въ глазахъ быка, котораго нѣсколько разъ ударили обухомъ по лбу, а потомъ уже сразу проѣхали ножомъ по горлу. Въ нихъ нельзя было прочесть предсмертной мысли добровольнаго мученика. Они не говорили и того, что говорили его платоновскія цитаты и платокъ съ красною мѣткою.

— Вотъ тебѣ и все: былъ человѣкъ, какъ его и не было, — сказалъ Свиридовъ.

— Ему гнить, а вамъ жить, батюшка Ликсандра Ивановичъ, — проговорилъ старичокъ заискивающимъ, сладенькимъ голоскомъ.

Онъ тоже говорилъ, что ему гнить, а Александрямъ Ивановичамъ жить.

Душно тутъ было въ этомъ темномъ лѣсномъ куточкѣ, избранномъ Овцебыкомъ для конца своихъ мученій. А на полянѣ было такъ свѣтло и отраднo. Мѣсяць купался въ лазури небесъ, а сосны и ели дремали.

Парижъ.

28-го ноября 1862 года.

КОЛЫВАНСКИЙ МУЖЪ.

(Изъ остзейскихъ наблюдений).

«Пошелъ по канупъ
И самъ потонулъ.»

Русск. пословица.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Изъ городовъ балтійскаго побережья я жилъ четыре сезона въ Ревелѣ, четыре въ окрестностяхъ Риги и три въ Аренсбургѣ на островѣ Эзелѣ. Въ одну изъ моихъ побывокъ въ Ревелѣ,—помнится, въ первый годъ, когда тамъ губернаторствовалъ М. Н. Галкинъ-Врасскій,—я нанялъ себѣ домикъ въ аллеѣ «Подъ каштанами». Это въ самомъ Екатериненталѣ, близко парка, близко купальщ, близко «салона» и не далеко отъ дома губернатора, къ которому я тогда былъ вхожъ.

На дворѣ у моихъ дачныхъ хозяевъ стояли три домика,—всѣ небольшіе, деревянные, выкрашенные сѣренькою краскою и очень чисто содержанные. Въ домикѣ, выходившемъ на улицу, жила сестра бывшаго петербургскаго генераль-губернатора, князя Суворова, — престарѣлая княгиня Горчакова, а двухъэтажный домикъ, выходившій одною стороною на дворъ, а другою — въ садъ, былъ занятъ двумя семействами: бельэтажъ принадлежалъ мнѣ, а нижній этажъ, еще до моего пріѣзда, былъ сданъ другимъ жильцамъ, имени которыхъ мнѣ не называли, а сказали просто:

— Тутъ живутъ нѣмки.

Всѣ мы были жильцы тихіе и, что называется, «обстоятельные». Важнѣе всѣхъ между нами была, разумѣется, кня-

гиня Варвара Аркадьевна Горчакова, вліятельное значеніе которой было, можетъ-быть, даже немножко преувеличено. О ней говорили, будто она «можетъ сдѣлать все черезъ брата». Она, кажется, знала, что о ней такъ говорятъ, и не тиготилась этимъ. Впрочемъ, для нѣкоторыхъ она что-то и дѣлала. Постоянное занятіе ея состояло въ томъ, что она принимала визиты знатныхъ соотечественниковъ и молилась Богу въ русскомъ соборѣ. Тамъ тогда діаконовали пнѣшній настоятель русской церкви въ Вѣнѣ, о. Николаевскій, который отличался изяществомъ въ священнослуженіи и почитался національнымъ борцомъ и «истинно-русскимъ человѣкомъ», такъ какъ онъ корреспондировалъ въ московскую газету покойнаго Аксакова.

У княгини Горчаковой можно было встрѣтить всю мѣстную и наѣздную знать, начиная съ М. П. Галкина и Ланскихъ до вице-губернатора Поливанова, котораго не знали, на какое мѣсто ставить въ числѣ «истинно-русскихъ людей». Княгиня также принимала, разумѣется, и духовенство, особенно священника Теодора Знаменскаго и діакона Николаевского. Въ «фамиліяхъ» у духовенства княгиня имѣла крестниковъ и фаворитовъ, которымъ она понемножку «благодѣтельствовала»—впрочемъ, только «малыми» и «средними» дарами. До настоящихъ, «большихъ», она не доходила и имѣла, кажется, на то достаточныя причины. Вообще же среди всего, что было въ тотъ годъ знатнаго въ Ревелѣ, княгиня Варвара Аркадьевна имѣла самое первое и почетное положеніе, и ея сѣренькій домикъ ежедневно посѣщался какъ нѣмецкими баронами, имѣвшими основаніе особенно любить и уважать ея брата, такъ и всѣми болѣе или менѣе достопримѣчательными «истинно-русскими людьми».

Всѣ здѣсь на перебой старались быть искательнѣе одинъ другого, но отнюдь не всѣ знали, на что имъ это годится и вообще можетъ ли это хоть на что-нибудь годиться.

И домъ, и кругъ были прелюбопытные и обѣщали много интереса.

Я большую часть своего времени проводилъ за столомъ у окна, выходящаго въ садъ, которымъ, по условіямъ найма, имѣли равное право пользоваться жильцы верхняго и нижняго этажей, т. е. мои семейные и занимавшія нижній этажъ «нѣмки». По пѣмки, нанявшія квартиру нѣсколько раньше

меня, не хотѣли признавать нашего права на совместное пользованіе садомъ; онѣ все спорили съ хозяйкою и утверждали, что та имъ будто бы объ этомъ ни слова не сказала, и что это не могло быть иначе, потому что онѣ ни за что бы не согласились жить на такихъ условіяхъ, чтобы ихъ дѣти должны были играть въ одномъ саду вмѣстѣ съ русскими дѣтьми.

Споръ возгорѣлся въ первый же день нашего прибытія въ Ревель, какъ только дѣти сошли въ садъ. Я узналъ объ этомъ сначала черезъ донесеніе прислуги, для которыхъ хозяйскіе кѣнты на самыхъ первыхъ порахъ при занятіи дачи представляли много захватывающаго интереса, а потомъ я самъ услышалъ распрю въ фазѣ ея наивысшаго развитія, когда споръ былъ перенесенъ изъ комнатъ подъ открытое небо. Это было въ полдень. Въ садъ вышли три нѣмки: дама высокая, стройная и довольно еще красивая, съ сѣдыми буклями; дама молодая и весьма красивая, одного типа и сильно схожая съ первою, и третья—наша хозяйка, онѣмеченная эстонка, громко отстаивавшая права моего семейства на пользованіе садомъ.

Всѣ были въ большомъ волненіи,—особенно хозяйка и старшая изъ двухъ «нижнихъ дамъ», какъ ихъ называла моя прислуга.

Хозяйка возвышеннымъ голосомъ говорила:

— Я васъ предупреждала... я говорила, что паверху будутъ жильцы, и садъ всѣмъ вмѣстѣ.

А старшая дама на все кротко отвѣчала: «Nein!» и встряхивала буклями и краснѣла. Младшая дама трогала обѣихъ этихъ за руки и упрашивала ихъ «не разбудить малютку».

Сама же эта дама держала за руки двухъ хорошо одѣтыхъ мальчиковъ,—одного лѣтъ пяти и другого лѣтъ трехъ. Оба они не спали. Значитъ, кромѣ этихъ двухъ дѣтей, было еще третье, которое спало. Можетъ-быть, это слабое и больное дитя. Бѣдная мать такъ за него беспокоится.

Мнѣ стало жаль ее и, чтобы положить конецъ тяжелой сценѣ, я рѣшился отказаться отъ сада и кликнуть домой своихъ племянниковъ.

Дѣти вышли, за ними удалилась хозяйка, и садикъ остался въ обладаніи двухъ нѣмокъ. Онѣ успокоились, вышли и повѣсили на дверцѣ садовой рѣшетки замокъ.

Хозяйка при встрѣчѣ со мною жаловалась на возложеніе

замка, называла это «дерзостью» и совѣтовала мнѣ гдѣ-то «требовать свои права». Прислуга совершенно напрасно прозвала обѣихъ дамъ «язвительными нѣмками».

Я не поддавался этому злему внушенію и находилъ въ обѣихъ дамахъ много симпатичнаго. Я на нихъ не жаловался, оставался вѣжливъ, спокоенъ и не предъявлялъ болѣе на садъ никакихъ требованій. Садикъ оставался постоянно запертымъ, но мы отъ этого не чувствовали ни малѣйшаго лишенія, такъ какъ деревья своими зелеными вершинами прямо лѣзли въ окна, а роскошный екатеринентальскій паркъ начинался сейчасъ же у нашего домика.

Нѣмки выжили насъ изъ садика не по надобности, а какъ будто больше по какому-то принципу. Впрочемъ, онѣ были имъ нужнѣе, чѣмъ намъ. Онѣ почти постоянно были въ саду обѣ и съ двумя дѣтьми и непремѣнно запирались на замокъ. Это имъ было не совсѣмъ ловко дѣлать,—надо было перевѣшиваться за рѣшетку и вдѣвать замокъ въ пробѣй съ наружной стороны, но онѣ все это выполняли тщательно и аккуратно. Я думалъ, что онѣ опасаются, какъ бы мы не ворвались въ садикъ насильно, и тогда имъ придется насъ выбивать вонъ. При этомъ имъ, вѣроятно, представлялась война, а судьбы всякой войны неразгаданны, и потому лучше запереться и держаться въ своемъ укрѣпленіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Такъ это и шло. Побѣда была за нѣмками и никто не покушался у нихъ ее оспаривать. Дѣти наши были совершенно равнодушны къ маленькому домашнему садiku въ виду свободы и простора, которые открывали имъ берегъ моря, и только кухарка съ горничною немножко дулись, такъ какъ онѣ рассчитывали на дачѣ пить кофе въ «присадникѣ»; но когда это не удалось, я позаботился успокоить ихъ претензію предоставленіемъ имъ другихъ выгодъ, и дѣло уладилось. Притомъ же обѣ эти дѣвушки отличались столь добрыми и незлопамятными сердцами, что удовольствовались возможностью пить свой кофе у раствореннаго окна и не порывались въ садикъ, а я былъ даже доволенъ, что нѣмки никого не пускали въ садъ, гдѣ благодаря этому была постоянная тишина, представлявшая значительныи уютства для моихъ литературныхъ занятій.

Вставая изъ-за своего рабочаго стола и подходя къ окну,

чтобы покурить папирску, я всегда видѣлъ двухъ этихъ дамъ, всегда съ работою въ рукахъ, и около нихъ двухъ изящно одѣтыхъ мальчиковъ, которыхъ онѣ звали «Фрида» и «Воля». Мальчики играли и пѣли «Anku dranku dri-li-dru, seter faber fiber-fu». Мнѣ это нравилось. Вскорѣ появился и третій, только недавно еще увидавшій свѣтъ малютка. Его вывозили въ хорошую пору дня въ крытой колясочкѣ.

Обѣ женщины жили, повидимому, въ большой дружбѣ и въ такомъ полномъ согласіи, что почему-то чувствовалось, какъ будто у нихъ есть какая-то важная тайна, которую обѣ онѣ берегутъ и обѣ за нее боятся.

Образъ жизни ихъ былъ самый тихій и безупречный. Овладевъ безраздѣльно садикомъ при дачѣ, онѣ имъ однимъ и довольствовались и не показывались ни на музыкѣ, ни въ паркѣ. Обѣ ихъ общественномъ положеніи я не зналъ ровно ничего. Прислуга доносила только, что старшая изъ дамъ называется «баронесса» и что обѣ онѣ такъ горды, что никогда не отвѣчаютъ на поклоны и не знаютъ ни одного слова по-русски.

Только одинъ разъ тишина, царствовавшая въ ихъ домѣ, была нарушена посѣщеніемъ трехъ лицъ, изъ которыхъ первое можно было принять за какое-то явленіе.

Я первый подстергъ, какъ оно насъ освѣтило,—именно я не могу подобрать другого слова, какъ *освѣтило*.

Хлопнула входная сѣрая калитка и въ ней показалось легкое, граціозное и все сіяющее свѣтлое созданіе,—молодая, бѣлокурая дѣвушка, съ красивымъ саквояжемъ въ одной рукѣ и съ зонтикомъ въ другой. Платице на ней было легкое, изъ блѣдно-голубого ситца, а на головѣ простая соломенная шляпа съ коричневою лентою и съ широкими полями, отънявшими ея прелестное полудѣтское лицо.

Навстрѣчу ей изъ окна нижняго этажа раздался возгласъ:

— Aurora!

Она отвѣчала:

— Tante!

И вдругъ и баронесса, и ея дочь выбѣжали къ Аврорѣ, а Аврора бросилась къ нимъ и, какъ говорится, «не было конца поцѣлуймъ».

Черезъ часъ Аврора и младшая изъ дамъ вышли въ садъ. Онѣ долго щебетали и цѣловались,—потомъ сѣли. Аврора

теперь была безъ шляпы, но въ очень ловко спитомъ платьѣ, а на головѣ имѣла какой-то розовый колпачокъ, придававшій ей легкой и граціозной фигурѣ что-то фригійское.

Аврора ласкала даму по головѣ и нѣсколько разъ прижималась цѣловать ея руки, и называла ее Лина.

Вышедшая къ нимъ въ садъ баронесса обнимала и цѣловала ихъ обѣихъ.

Изъ ихъ разговора я понялъ, что Аврора и Лина—кузины.

Вечеромъ въ этотъ же день къ нимъ пріѣхали два почтенные гостя: пасторъ и вице-адмиралъ, котораго называли «Onkel». Они оставались недолго и уѣхали. А вслѣдъ за ними, въ сумерки, пронеслась опять со своимъ саквожемъ Аврора, и ея больше не стало.

Мои дѣвушки узнали, что старая баронесса проводила «эту закигу» на пароходъ, и при этомъ онѣ также разсѣдовали, что «у нѣмокъ были крестины», и именно окрестили того малютку, который выѣзжалъ въ садъ въ своей дѣтской колясочкѣ.

Мнѣ до этого не было никакого дѣла, и я надѣялся, что и позже это никогда меня нимало не коснется; но вышло, что я ошибался.

Завтра и послѣзавтра и въ цѣлый рядъ послѣдующихъ дней у насъ все шло попрежнему: всѣ наслаждались прекрасными днями погожаго лѣта, два старшіе мальчика пѣли подь моими окнами «Anku dranku dri-li-dru», а окрещенный неленашка спалъ въ своей коляскѣ, какъ вдругъ совершенно неожиданно вся эта тишь была прервана и возмущена набѣжавшею съ моря страшною бурейю.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ одинъ прекрасный день, передъ вечеромъ, когда удлинялись тѣни деревьевъ и вся дачная публика выбиралась на promenade,—въ калиткѣ нашего сѣраго дома показался молодой и очень красивый морской офицеръ. Значительно растрепанный и перепачканный, онъ вошелъ порывисто и спѣшною походкою направился прямо въ помѣщеніе, занимаемое нѣмками, гдѣ по этому поводу сейчасъ же обнаружилось нѣкоторое двусмысленное волненіе.

Прежде молодая нѣмка прокричала:

— Er ist gekommen... ah!

А потомъ старшая повторила:

— Ah! Er ist gekommen!

И вдругъ обѣ суетливо забѣгали, чего никогда до сихъ поръ не дѣлали.

При открытыхъ окнахъ у меня вверху и у нихъ внизу, на несчастіе, все было слышно изъ одного помѣщенія въ другое. Ночами при общей тишинѣ даже бывало слышно, какъ пеленашка иногда плачетъ и какъ мать его беретъ и баюкаетъ.

И теперь мнѣ показалось, будто тоже что-то происходило около этого пеленашки. Мнѣ казалось такъ потому, что вслѣдъ за возгласами: «Er ist gekommen!», старшая нѣмка съ буклями вылетѣла въ садъ съ пеленашкою на рукахъ и, прижимая къ себѣ дитя, тревожно, острымъ взглядомъ смотрѣла въ окна своего покинутого жилища, гдѣ теперь растрепанный морякъ остался вдвоемъ съ ея дочерью.

Я сообразилъ, что, вѣроятно, пеленашка составляетъ неожиданный сюрпризъ для гостя, находящагося въ какихъ-нибудь особенныхъ отношеніяхъ къ матери и дочери, живущимъ со мною въ сосѣдствѣ. И вскорѣ мои подозрѣнія еще увеличились.

Черезъ минуту я увидѣлъ, какъ мать вывела въ садикъ старшихъ мальчиковъ и, оставивъ ихъ бабушкѣ, сказала каждому по наставленію, изъ котораго я уловилъ только:

— Still, Papa,—и сама убѣжала.

Бабушка обхватила внучковъ руками, какъ насѣдка покрываетъ цыплятъ крыльями, и тоже внушала:

— Still, Friede, Papa! Er ist gekommen! Still, Walia! Papa!

Дѣти слушались бабушку и робко къ ней жались. Каждый изъ нихъ одною ручонкою обхватывалъ ея руку, а въ другой держалъ по новой игрушкѣ.

«Что же это можетъ значить?—думалось мнѣ.—Неужто и оба старшіе мальчики тоже составляютъ секретъ для гостя, точно такъ же, какъ и маленькій пеленашка?»

Насчетъ пеленашки у меня уже утвердилось такое понятіе, что «рыцарь ѣздилъ въ Палестину», а въ это время старая баронесса плохо смотрѣла за своей дочкой, и явился пеленашка, котораго теперь прячутъ при возвращеніи супруга, чтобы его не сразу поразило ужасное открытіе.

Какая у нихъ, должно-быть, теперь происходитъ тяжелая сцена! Бѣдный мореходецъ; бѣдная бѣлокурая дама; бѣдная баронесса; бѣдный и ты, маленькій цепенашка!

Чтобы быть дальше отъ горя, которому ничѣмъ нельзя пособить, я взялъ въ руки трость, надѣлъ шляпу и ушелъ къ морю.

Но все, что я сообразилъ насчетъ причины безпокойства въ нижнемъ семействѣ, было не совсѣмъ такъ, какъ я думалъ. Дѣло было гораздо сложнѣе и носило отчасти политическій или національный характеръ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Когда я возвращался домой при сгустившихся сумеркахъ, меня еще за воротами дома встрѣтила моя служанка и въ большомъ волненіи рассказала, что пріѣхавшій мужъ молодой нѣмки—«страшный варваръ и ужасно бунтуется».

— Какъ вы ушли, говоритъ,—онъ началъ грозно ходить по всѣмъ комнатамъ и кричать разными русскія слова, которыхъ повторить невозможно.

— Какъ, говорю,—русскія?

— Да такъ разные слова, самыя обидныя, и все по-русски, а потомъ сталъ швырять вещи и стулья и началъ кричать: «вонъ, вонъ изъ дома—вы мнѣ не по нраву!» и, наконецъ, прибилъ и жену, и баронессу и, выгнавъ ихъ вонъ изъ квартиры, выкинулъ ихъ въ окна подушки, и одѣяла, и дѣтскую колыбель, а самъ со старшими мальчиками заперся и плачетъ надъ ними.

— О чемъ же плачетъ?

— Не знаю, вѣрно пьянъ напился.

— Почему же вы такъ обстоятельно все это знаете?

— Шумъ былъ, клягиней его пугали, а онъ и на нее не обращаетъ вниманія, а отъ насъ все слышно: и русскія слова, и какъ онъ ихъ пихнулъ за дверь и подушки выкинулъ... Я говорила хозяйкѣ, чтобы она послала за полиціей, но онъ, и мать и дочь, говорятъ «не надо», говорятъ, «у него это пройдетъ», а мнѣ, разумѣется,—не мое дѣло.

— Конечно, не ваше дѣло.

— Да я только перепугалась, что убьетъ онъ ихъ, и за нашихъ дѣтей боялась, чтобы они русскихъ словъ не слы-

хали. А васъ дома нѣтъ; я давно смотрѣла васъ, чтобы вы скорѣе шли, потому что обѣ дамы съ пеленашкой сидятъ въ моей комнатѣ.

— Зачѣмъ же онѣ у васъ?

— Вы, пожалуйста, не сердитесь: вы видите, на дворѣ туманъ, какъ же можно оставаться на ночь въ саду съ груднымъ ребенкомъ!—Вы извините, я не могла.

— Нечего, говорю, — и извиняться: вы прекрасно сдѣлали, что ихъ пріютили.

— Онѣ уже дитя уложили, а сами усѣлись передъ лампочкой и достали визанье.

«Что за странность!—думаю себѣ:—этихъ бѣдныхъ дамъ только-что вытолкали вонъ изъ ихъ собственнаго жилища, а онѣ, какъ будто ничего съ ними и не случилось, присѣли въ чужой квартирѣ, и сейчасъ за визанье.»

Я не выдержала и высказала это мое удивленіе дѣвчкѣ, а та отвѣчаетъ:

— Да, ужъ и не говорите: удивительныя! Этакія слова выслушать и будто какъ ничего... Наша бы русская крышу съ дома скопала.

— Ну, слова, говорю, —еще ничего: онѣ нашихъ русскихъ словъ не знаютъ.

— Понимаютъ всѣ.

— Вы почему знаете?

— А какъ же я съ ними говорила? Вѣдь по-русски.

Я еще подивилъ. Такія были твердыя нѣмецкія дамы, что ни на одно русское слово не отзывались, а тутъ вдругъ низошелъ на нихъ даръ нашего языка, и онѣ заговорили.

«Такъ, —думаю себѣ, —мы преодолѣемъ и всѣ другія ихъ вредныя дикости и упорства и доведемъ ихъ до той полноты, что онѣ у насъ увѣруютъ и въ чохъ, и въ сонъ, и въ птичій грай, а теперь пока надо хорошенько пріютить изгнанницъ.»

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Это и было исполнено. Баронесса и ея дочь съ груднымъ младенцемъ ночевали на диванахъ въ моей гостиной, а я тихонько прошелъ къ себѣ въ спальню черезъ кухню. Въ началѣ ночи пеленашка немножко попицала за тонкой стѣною, но мать и бабушка слѣдили за его поведеніемъ и

тотчасъ же его успокоивали. Гораздо больше безпокойства причинялъ мнѣ его отецъ, который все ходилъ и метался внизу по своей квартирѣ и хлопалъ окнами, то открывая ихъ, то опять закрывая.

Утромъ, когда я всталъ, нѣмокъ въ моей квартирѣ уже не было: онѣ ушли; но зато ихъ обидчикъ ожидалъ меня въ саду, да еще вмѣстѣ съ отцомъ Ѳедоромъ.

Отецъ Ѳедоръ всѣмъ въ Ревелѣ былъ извѣстенъ какъ самый добродѣтельный человѣкъ и какъ трусъ: онъ и самъ себя всегда рекомендовалъ человѣкомъ робкимъ.

— Я робокъ,—говорилъ онъ.—Я боюсь, всего боюсь и всѣхъ боюсь. Дѣтей крестить—и тѣхъ боюсь: держать ихъ страшно, и покойниковъ боюсь—на нихъ глядѣть страшно.

Отецъ Ѳедоръ самъ рассказывалъ, что онъ «первый былъ присланъ сюда бороться съ нѣмцами», и «очень бы радъ былъ ихъ всѣхъ побороть, но не могъ, потому что онъ *всѣхъ ихъ боится*».

Робость этого перваго, видѣннаго мною «борца» была замѣчательная, и ее нельзя и не нужно чѣмъ-нибудь приукрашивать; да это и неудобно, потому что на свѣтѣ еще живы коллеги отца Ѳедора и множество частныхъ людей, которые хорошо его знали.

Онъ боялся всего на свѣтѣ: неодушевленной природы, всѣхъ людей и всѣхъ животныхъ и даже насѣкомыхъ. И самъ онъ, какъ выше замѣчено, надъ этою своею слабостью смѣялся и шутилъ, но побороть ее въ себѣ не могъ.

Онъ не могъ войти безъ провожатаго въ темную комнату, хотя бы она была ему какъ нельзя болѣе извѣстна; убѣгалъ изъ-за стола, если падала соль; замиралъ, если въ комнатѣ появлялись три свѣчки; обходилъ далеко кругомъ каждую корову, потому что она «можетъ боднуть», обходилъ лошадей, потому что она «можетъ брыкнуть»; обходилъ и овцу, и свинью, и рассказывалъ, что все-таки съ нимъ былъ разъ такой случай, что свинья остановилась передъ нимъ и завизжала. По счастью, онъ убѣжалъ, но послѣ все-таки у него долго болѣло сердце билось. Собакъ, кошекъ, крысъ и мышей онъ боялся еще болѣе. Онъ былъ увѣренъ, что одинъ разъ даже мышь укусила его соннаго за пятку. О собакахъ уже и говорить нечего, а кошки представляли въ его глазахъ двойную опасность: во-первыхъ, онѣ царапаются, а потомъ онѣ могутъ переѣсть сонному горло.

И этот-то великій трусь расхаживалъ по саду и разговаривалъ самымъ пріятельскимъ образомъ съ драчуномъ, приче́мъ одинъ только драчунъ обнаруживалъ нѣкоторое внутреннее волненіе и обрывалъ губами листочки съ вѣтки сирени, которую держалъ въ рукѣ, а отецъ Федоръ даже похохатывалъ и, присѣдая на ходу, хлопалъ себя длинными руками по колѣнамъ.

При одномъ изъ оборотовъ, онъ увидалъ меня у окна и, совсѣмъ развеселившись, закричалъ:

— Пожалуйте сюда, къ намъ, поскорѣе! Пожалуйте! Мы васъ ждемъ.

Драчунъ былъ человѣкъ въ цвѣтущей порѣ; онъ по виду могъ имѣть немного за тридцать. Онъ былъ съ открытымъ, довольно пріятнымъ и даже, можно сказать, привлекательнымъ русскимъ лицомъ, выражавшимъ присутствіе здраваго смысла, добродушной довѣрчивости и большой терпѣливости. По общему выраженію большихъ и въ своемъ родѣ прекрасныхъ темно-карихъ глазъ и всей его фізіономіи и движеніямъ головы онъ напоминалъ бычка,—молодого, смирнаго и добронравнаго заводскаго бычка. Онъ все потихоньку отматывалъ головою въ одну сторону, и очевидно могъ такъ мотать долго, но потомъ могъ и боднуть, не разбирая, во что попадетъ и во что ему самому это обойдется. Теперь въ большихъ карихъ глазахъ у бычка какъ-разъ свѣтилось отраженіе большой, свѣжеперенесенной и тяжелой обиды, послѣ которой онъ только боднулъ и еще не совсѣмъ успокоился. Довольно полное лицо его то блѣднѣло, то покрывалось краскою гнѣва, внезапно набѣгавшею и разливавшееся подъ загорѣлою и огрубѣвшею отъ морского вѣтра кожей.

Все это отчетливо и ясно бросилось мнѣ въ глаза, когда я вошелъ въ садъ, гдѣ меня отецъ Федоръ тотчасъ же схватилъ за руки и, весело смѣясь, закричалъ:

— Здравствуйте! здравствуйте!.. Пожалуйте скорѣе сюда, сюда... Вотъ вамъ рекомендую — Иванъ Никитичъ Синачевъ *). Отличный, образованный человѣкъ, говоритъ на трехъ языкахъ, и мой духовный сынъ, и музыкантъ, и

*) Имя, отчество и фамилія этого съ природы воспроизводимаго мною лица въ дѣйствительности были иныя. Имена лицъ, которые будутъ выведены далѣе, я всѣ замѣняю *вымышленными* названіями въ соответственномъ родѣ.

пѣвецъ, и все, что хотите... Ха-ха-ха!.. Любите меня—полюбите и его... Ха-ха-ха!.. Вы думаете, что Иванъ Никитичъ бунячъ и разбойникъ?.. Ха-ха-ха! Онъ смиренный, какъ самый смиренный теленокъ.

Мнѣ Иванъ Никитичъ казался бычкомъ, а отецъ Ѳедоръ его почиталъ теленочкомъ: разница выходила небольшая, и если онъ даже отцу Ѳедору кажется не страшнымъ, то уже вѣрно онъ въ самомъ дѣлѣ не страшенъ.

А отецъ Ѳедоръ продолжаетъ свою рекомендацію и говорить:

— Ивану Никитичу съ вами надо объясниться... Это не онъ придумалъ, а я, я. Вы меня за это простите. Онъ растерялся и придумывалъ Богъ знаетъ что... Хотѣлъ на себя руки наложить, а я его удержалъ. Я говорю: этотъ чловѣкъ мнѣ знакомъ, пойдите къ нему и объяснитесь... Онъ—«ни за что!» говоритъ. «Я такъ себя велъ». А я говорю: «Что же теперь дѣлать! Надо все объяснить... Объяснить съ русской точки зрѣнія, а не стрѣляться и не сваливать себя въ гробъ собственною рукою». Иванъ Никитичъ прибѣгаетъ сегодня чѣмъ-свѣтъ, будить меня и что говоритъ... Вы только подумайте, вы подумайте, вы вспомните, что вы мнѣ говорили!—обратился онъ къ офицеру.—Ай-ай-ай! Ай, не хорошо!.. Ай, не хорошо!.. А я утѣшать словами никого не умѣю... Что, братцы, дѣлать—не умѣю. Отецъ Михаилъ, или отецъ Константинъ—тѣ умѣютъ, а я не умѣю. Я только сказалъ:—Отложи попечение! Все это еще, можетъ-быть, обмнется. Такъ это, или нѣтъ?

Офицеръ тихо качнулъ головой и сказалъ:

— Такъ!

— Да, я такъ его отъ себя и не пустилъ, и вотъ такъ его сюда и привелъ,—и пусть онъ самъ все расскажетъ.

— Зачѣмъ же это?—говорю.

— Нѣтъ, отчего же? Ему легче будетъ, чтобы о немъ не думали дурно. Онъ самъ желаетъ...

Въ это время и самъ морякъ отозвался.

— Да, говоритъ,—извините: я себя поставилъ въ такое недостойное положеніе, что мнѣ нельзя оставить безъ объясненія то, что я надѣлалъ. Мнѣ это необходимо... Потребность души... потребность души...

— Вы теперь очень взволнованы, а послѣ можете пожалѣть.

— Нѣтъ, я не буду жалѣть. Я, дѣйствительно, взволнованъ, но жалѣть не буду.

— Вотъ видите!—поддержалъ о. Ѳеодоръ.—Пусть онъ все говоритъ,—ему будетъ легче.

— Да, мнѣ будетъ легче, — подсказалъ офицеръ и бросилъ на скамейку свою фуражку.—Я не хочу, чтобы обо мнѣ думали, что я негодай, и буянъ, и оскорбляю женщинъ. Довольно того, что это было, и что причины этого я столько лѣтъ таилъ, снося въ моемъ сердцѣ; но тутъ я больше не выдержалъ, я не могъ выдержать — прорвало. Подлю, но надо знать за что. Вы должны выслушать мою повѣсть.

Отецъ Ѳеодоръ сблизилъ мою руку съ рукой офицера и подсказалъ:

— Да, голубчики,—это повѣсть.

Что же мнѣ оставалось дѣлать? Я, разумѣется, согласился слушать оправданіе о томъ, за что были выгнаны воспитанныя и милыя дамы, изъ которыхъ одна была жена рассказчика, а другая—ея мать, самая внушающая почтеніе старушка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Бычокъ махнулъ головою въ сторону и началъ:

— Вы и всякій имѣеть полнѣйшее право презирать меня послѣ того, что я надѣлалъ, и если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, а въ моей сегодняшней роли подвизался другой, то я, можетъ-быть, даже не сталъ бы съ нимъ говорить. Что тутъ ужъ и рассказывать! Человѣкъ поступилъ совсѣмъ какъ мерзавецъ, но повѣрьте... (у него задрожало все лицо и грудь) повѣрьте, я совсѣмъ не мерзавецъ, и я не былъ пьянъ. Да, я морякъ, но я вина по люблю, и никогда не пью вина.

— Не пить, никогда не пить,—поддержалъ отецъ Ѳеодоръ.

Священникъ ручается. Надо вѣрить. А онъ оказывается такъ наблюдателенъ, что какъ будто читаетъ на лицѣ всѣ отраженія мыслей.

— Мнѣ это стыдно,—говорить онъ:—стыдно взрослому человѣку увѣрять, что я совсѣмъ не пью вина. Вѣдь я совершеннолѣтній мужчина и морякъ, а не институтка. Отчего бы я и не смѣлъ пить вино? Но я его дѣйствительно не пью, потому что оно мнѣ не нравится, мнѣ всѣ вина

противны. И это, можетъ-быть, тѣмъ хуже, что я былъ совершенно трезвъ, когда обидѣлъ и выгналъ мою жену и тещу... Да, я былъ трезвъ точно такъ же, какъ теперь, когда я не знаю, какъ мнѣ васъ благодарить за то, что вы дали имъ у себя пріютъ, иначе онѣ должны бы были ночевать съ дѣтьми въ паркѣ или въ гостиницѣ, и теперь объ этомъ моемъ тиранствѣ знали бы уже цѣлый городъ. Здѣсь вѣдь кишитъ сплетня. Подняли бы такой вой... «Русскій офицеръ какъ обращается съ своею женою! Мужикъ, невѣжа. Женился на баронессѣ». И все это правда: я русскій офицеръ, и дѣйствительно, если вамъ угодно, по образованію я мужикъ въ сравненіи съ моею женою, особенно съ ея матерью; но, вѣдь, онѣ обѣ знали, что я русскій человѣкъ, воспитывался въ морскомъ училищѣ на казенный счетъ, но по-французски и по-нѣмецки я, однако, говорю, и благодаря родительскимъ заботамъ кое-что знаю, но надъ общимъ уровнемъ я, конечно, не возвышаюсь и имѣю свои привязанности. Я какимъ себя предъявлялъ имъ, таковъ я и есть, такъ и живу. Я ни въ чемъ ихъ не обманулъ, ни жену, ни всѣми уважаемую мою тещу, между тѣмъ какъ онѣ сдѣлали изъ моей семьи мой позоръ и терзаніе.

— Всякій, услышавъ то, что я говорю, вѣроятно подумалъ бы, что, конечно, моя жена мнѣ не вѣрна, что она измѣняетъ своимъ супружескимъ обѣтамъ; но это неправда. Моя жена прелестная, добрая женщина и относится ко всѣмъ своимъ семейнымъ обязанностямъ чрезвычайно добросовѣстно и строго. Въ этомъ отношеніи я счастливѣй великаго множества женатыхъ смертныхъ; но у меня есть горе хуже этого, больнѣе.

— Да, гораздо хуже!—вдохнулъ отецъ Оедоръ.—Больнѣе.

Я недоумѣвалъ: что же можетъ быть «хуже этого и больнѣе».

А мореходъ продолжалъ:

— Измѣна тяжела, но ее можно простить. Трудно, но можно. Женщины же намъ прощаютъ наши измѣны, отчего же и мы имъ простить не можемъ? Я знаю, что на этотъ счетъ говорятъ, но вѣдь это предразсудокъ. «Чужое дитя!» Ну и что же такое? Ну и покорми чужое дитя. Вѣдь это не грѣхъ, а мы вѣдь считаемъ, что мы умнѣе и справедливѣе женщинъ, и во всѣхъ отношеніяхъ ихъ совершеннѣе.

Покорми! И если женщина увлеклась и потомъ сожалѣть о своемъ увлеченіи, прости ее и не обличай. Она можетъ переѣниться и исправиться. Тоже и онѣ вѣдь недаромъ живутъ на свѣтѣ и приобрѣтають опытѣ. Я такихъ убѣжденій, и я чувствую, что я все это могъ бы исполнить, но этого въ моей жизни нѣтъ. Этимъ я не наказанъ; но то, что я переношу и что уже два раза перенесъ, да вѣроятно и третій перенесу — этому нѣтъ сравненія, потому что это уязвляетъ меня въ самый корень. Это поражаетъ меня до нѣдръ моего духа; это убивало моего отца и мать, отторгало меня отъ самыхъ священныхъ узъ съ моею родней, съ моимъ народомъ. Это, наконецъ, дѣлаетъ меня смѣшнымъ и жалкимъ шуткомъ, которому тычуть въ носъ шиши. Однако, я и это сносилъ, но когда это повторяется безъ конца—этого снести невозможно.

— Извините, говорю,—я не понимаю въ чемъ дѣло.

— Я поясню. У меня былъ отецъ старикъ и уважаемый старикъ. Онъ жилъ въ своемъ имѣньицѣ въ калужской губерніи и матушка тоже достойная всякаго уваженія: они жили мирно, покойно и ихъ уважали. Я у нихъ одинъ, единственный сынъ. Есть сестра, но она далеко, замужемъ за докторомъ-нѣмцемъ, на Амурѣ. У нея уже другая фамилія, а мужского поколѣнія только одинъ и есть — это я. Дядюшка въ Москвѣ, отцовъ братъ, старый холостякъ, весь вѣкъ все славянской археологіей занимался и забылъ жениться. И отецъ мой, и мать, разумѣется, были насквозь русскіе люди, а о московскомъ дядѣ ужъ и говорить нечего. Онъ съ Кирѣевскими, съ Аксаковыми—со всѣми знакомъ. Словомъ, все самые настоящіе родовитые и истинно русскіе люди, а изъ меня вышла какая-то «игра природы». Моя жизнь—это какой-то глупый романъ. Но это говорить надо по пунктамъ.

— И прекрасно!—воскликнулъ отецъ Федоръ:—теперь я вижу, что вы разговоритесь и дѣло будетъ хорошо, а я уйду—мнѣ есть дѣло.

Мы его не удерживали и остались вдвоемъ въ бесѣдкѣ изъ купы сирени.

Разсказчикъ продолжалъ свою страстную и странную повѣсть.

— Это мой третій бракъ—на Линѣ N. Первый разъ я былъ женатъ въ Москвѣ, по общему семейному избранію,

на «дѣвицѣ изъ благословеннаго дома». Это должно было принести мнѣ большое счастье. Мнѣ тогда было 24 года, а ей 26 лѣтъ. Она была красива и порочна, какъ будто она была настоящая теремница, искусившаяся во всѣхъ видахъ скрытности. Одинъ годъ жизни съ нею — это была цѣлая эпопея, которой я рассказывать не стану. Кончилось тѣмъ, что она попала во что не мѣтила, и я ее увидѣлъ однажды въ литерной ложѣ, въ которую она поѣхала съ родственною намъ княгиней Марьей Алексѣевной. Я хотѣлъ войти, а княгиня говоритъ: «Это нельзя, — твоя жена тамъ не одна». — Это что?! «Это, говоритъ, этикетъ». Я плюнулъ и сейчасъ же ушелъ изъ дома и хотѣлъ застрѣлиться, или кого-то застрѣлить. Такое было возбужденіе!

Я вамъ говорилъ, какъ я терпимо отношусь къ ошибкамъ женщины; но это тамъ, гдѣ есть увлеченіе, а не тамъ, гдѣ этикетъ. Я не изъ такихъ. Я ударился въ противный лагерь, гдѣ не было этикета. Именно — противный! Въ душѣ моей клокотала ненависть, и я попалъ къ ненавистникамъ. По-моему, они были не то, за что слыли. Впрочемъ, я дѣлъ съ ними не надѣлалъ, а два года изъ своей жизни за нихъ вычеркнулъ. Жена изъ «благословеннаго семейства» въ это время жила за границею и проигралась въ рулетку. Вслѣдъ затѣмъ дифтеритъ и ея печальный конецъ, а мое освобожденіе. Я никакъ не могу уйти отъ внутренняго чувства, которое говоритъ мнѣ, что эти два событія находились въ какой-то причинной связи. Я мчался куда-то, — чортъ меня знаетъ куда, и съ разбѣга попалъ въ «общезитіе», гдѣ одна барышня, представлявшая изъ себя помѣсь нигилистки и жандарма, отхватала меня въ два пріема такъ, что я опять ни къ чорту. Сначала она прозвала меня для чего-то псевдонимомъ «Левель-вдовець», а потомъ «во имя принципа» потребовала, чтобы я вступилъ съ нею въ фиктивный бракъ для того, чтобы она могла жить свободно съ кѣмъ захочетъ. Я имѣлъ честь всю эту глупость продѣлать, а она исполняла то, что жила какъ хотѣла, но требовала съ меня половину моего жалованья, котораго мнѣ самому на себя не доставало. Я вооружился противъ такой неожиданности. Она явилась къ начальству, — меня призвали, пристыдили и обязали давать. Я чувствовалъ униженіе сверхъ мѣры и, дождавшись вечера, взялъ пистолетъ и пошелъ опять къ частоколу у Таврическаго сада. Мнѣ по-

чему-то казалось, что я непременно там долженъ застрѣлиться, чтобы упасть въ канаву. Я и упалъ въ канаву, но только съ такой раной, отъ которой скоро поправился. Мой строгій начальникъ былъ тронутъ моимъ положеніемъ и послалъ меня въ отпускъ къ роднымъ. «Здѣсь, въ Петербургѣ, скверный воздухъ,—сказалъ онъ.—Поѣзжайте домой. Подумайте тамъ общимъ семейнымъ судомъ, какъ вамъ облегчить свою участь». Я пріѣхалъ къ отцу и къ матери, но что же я имъ могъ рассказать? Развѣ они, добрые помѣщики и славяне, могли понять, что такое я надѣлалъ? Дядѣ при концѣ отпуска я, однако, все открылъ. Онъ говоритъ:

— Очень скверно; но постой, мнѣ одна мысль приходитъ. Тебѣ отъ этой курносой надо куда-нибудь уйти.

Онъ поднялся изъ-за своего письменнаго стола, походилъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ своемъ синемъ шелковомъ халатѣ, подпоясанномъ краснымъ, мужичьимъ кушакомъ, и сталъ соображать:

— Есть какая-то морская служба въ Ревелѣ. Тамъ теперь живетъ баронесса Генріэта Васильевна. У себя въ Москвѣ мы ее звали Венигретой. Она замѣчательно умная, очень образованная и очень добрая женщина, съ прямымъ и честнымъ характеромъ. Я ее зналъ, когда она еще была воспитательницею и безъ всякихъ интригъ пользовалась большимъ вѣсомъ, но не злоупотребляла этимъ, а напротивъ—дѣлала много добра. Она должна быть и тамъ, въ своей сторонѣ, съ большими связями. Нѣмцы вѣдь всегда со связями, а Венигрета Васильевна въ свое время много своихъ нѣмцевъ вывела. У нея непременно должны быть и въ вашемъ вѣдомствѣ люди ей обязанные. Я ей напишу, и знаю какъ напишу—совершенно откровенно и правду.

Я говорю: всего-то лучше не пишете,—совѣстно.

— Нѣтъ, отчего же?

— Да что ужъ такую глупость безъ нужды рассказывать!

— А-а, нѣтъ, ты этого не говори. «Быль молодцу не укоръ», а нѣмки вѣдь, братецъ, сентиментальны и на всѣхъ ступеняхъ развитія сохраняютъ чувствительность. Онѣ любятъ о чемъ-нибудь повздыхать и вздыхаться! Ah Gott! Ah Herr Jesu! Ah Himmel! Вотъ до этого-то и надо возогрѣть Венигрету! Тогда дѣло и пойдетъ, а безъ этого имъ неопасно.

Написалъ дядя въ Ревель баронессѣ Венигретѣ, и вразѣ дней черезъ десять оттуда письмо и самое задушевное и удачное, и какъ разъ начинается со словъ: «Ah, mein Gott!.. Пишетъ: «какъ я была потрясена и взволнована, читая письмо ваше, уважаемый другъ. Бѣдный вы, бѣдный молодой человекъ, и еще сто разъ болѣе достойны сожалѣнія его несчастные родители! Какъ я о нихъ сожалею. Schreckliche Geschichte! Я думала, что такія исторіи только сочиняютъ. Бѣдный вашъ племянникъ! Я прочитала ваше письмо сама, а потомъ мѣстами прочитала его моей дочери Линѣ и племянницѣ Аврорѣ, которую мать прислала ко мнѣ изъ Курляндіи для того, чтобы я прошла съ нею высшій курсъ англійскаго языка и вообще закончила образованіе, полученное ею въ пансіонѣ. Понятно, что я передала дѣвочкамъ только то, что можетъ быть доступно ихъ юнымъ понятіямъ объ ужасныхъ характерахъ тѣхъ русскихъ женщинъ, которыя утратили жаръ въ сердцѣ и любовь къ Всевышнему. Бѣдныя дѣти были глубоко тронуты страданіями вашего молодого Вертера и отнеслись ко всему этому каждая сообразно своимъ наклонностямъ и характерамъ. Дочь моя Лина, которой теперь семнадцать лѣтъ, тихо плакала и сказала: «Ah, mein Gott! Я бы не пожалѣла себя, чтобы спасти жизнь и счастье этому несчастному молодому человѣку»; а маленькая Аврора, которой еще нѣтъ и шестнадцати лѣтъ, но которая хороша какъ ангелъ на Каульбаховской фрескѣ, вся исполнилась гнѣвомъ и, насунивъ свои прямыя брови, замѣтила: «А я бы гораздо больше хотѣла наказать такихъ женщинъ своимъ примѣромъ». У вашего претерпѣвшаго юноши здѣсь теперь есть друзья,—не одна я, старуха, а еще два молодыхъ существа, которыя его очень жалѣютъ, и когда онъ будетъ съ нами, — онѣ своимъ чистымъ участіемъ помогутъ ему если не забыть, то съ достоинствомъ терпѣть муки отъ ранъ, нанесенныхъ грубыми и безчеловѣчными руками его сердцу».

Это такъ именно было написано. Я привожу вамъ это письмо хотя и на память, но совершенно дословно, какъ будто я его сейчасъ читаю. Оно было получено мною въ такой моментъ моей жизни, когда я былъ въ пухъ и прахъ разбитъ и растрепанъ, и эти теплыя, умныя и полныя участія строки баронессы Венигреты были для меня какъ посланіе съ неба. Я уже не добивался того, есть ли какая-

нибудь возможность устранить меня отъ Петербурга и убрать въ спокойный Ревель; но меня теперь оживило и согрѣло одно сознаніе, что есть гдѣ-то такая милая и добрая, образованная пожилая женщина и при ней такія прекрасныя дѣвушки. Съ направленскими дамами, съ которыми я обращался, въ моей душѣ угасло чувство ютливости,—меня уже даже не тянуло къ женщинѣ, а теперь вдругъ во мнѣ опять разлилось чувство благодарности и чувство признанія, которыя манили меня къ какой-то сладостной покорности всѣмъ этимъ существамъ, молодымъ особенно. А между тѣмъ, въ письмѣ баронессы было полное удовлетвореніе и на главный, на самый существенный вопросъ для моего спасенія отъ скандализовавшихъ меня въ Петербургѣ нападокъ. Она извѣщала, что просила за меня своего брата, барона Андрея Васильевича Z., начальствующаго надъ извѣстною частью морского вѣдомства въ Ревелѣ, и что я непременно получу здѣсь мѣсто. А вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ надлежащій служебный запросъ и состоялся мой переводъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

— Я, разумѣется, былъ такъ радъ, что себя не помнилъ отъ радости, и сейчасъ же наваялъ баронессѣ Венигретѣ самое нелѣпое благодарственное письмо, полное разной чувствительной чепухи, которой вскорѣ же послѣ отправленія письма мнѣ самому стало стыдно. Но въ Ревелѣ это письмо понравилось. Баронесса отвѣтила мнѣ въ нѣжномъ, почти материнскомъ тонѣ, и въ ея конвертѣ оказалась иллюминированная карточка, на которой, среди гирлянды цвѣтовъ, два бѣлые голубка или, быть-можетъ, двѣ голубки держали въ розовыхъ клювахъ голубую ленту съ подписью: «Willkommen». Дѣтское это было что-то такое, точно или меня привѣчали, какъ дитя, или это было отъ дѣтей: «Милому Ванѣ отъ Лины и Авроры». Надписано это не было, но такъ мнѣ чувствовалось. Я былъ увѣренъ, что этотъ листочекъ всунули въ конвертикъ или ручки мечтательной Лины, или маленькая ланка энергической и гнѣвной Авроры, которая хочетъ всѣмъ примѣръ задать. И я унесъ этотъ листокъ въ свою комнату, поцѣловалъ его и положилъ въ бумажникъ, который всегда носилъ у своего сердца. Во мнѣ не только шевелилась, но уже жила

самая поэтическая и дружественная расположенность къ обѣимъ дѣвушкамъ. Я ожидалъ и даже началъ мечтать, хотя очень хорошо зналъ, что мнѣ мечтать не о чемъ, что для меня все кончено, потому что я погубилъ свою жизнь и мнѣ остается только заботиться о томъ, чтобы избѣгать дрянныхъ скандаловъ и какъ-нибудь легче влачить свое существованіе.

Словомъ, я сюда рвался и летѣлъ, и не зная лично ни баронессу, ни дѣвицу, уже любилъ ихъ отъ всего сердца и былъ въ увѣренности, что могу броситься въ ихъ объятія, обнимать ихъ колѣни и цѣловать ихъ руки. А пока я только обнималъ и цѣловалъ дядю, который устроилъ мнѣ это совершенное благополучіе.

Но родители мои, къ которымъ я вернулся, чтобы проститься, отнеслись къ этому холоднѣе и съ предосторожностями, которыя мнѣ казались даже обидными. Они меня все предостерегали. Отецъ говорилъ:

— Это хорошо,—я ни слова не возражаю. Между нѣмцами есть даже очень честные и хорошіе люди, но все-таки они нѣмцы.

— Да ужъ это, говорю,—конечно, какъ водится.

— Нѣтъ, но мы обезьяны,—мы очень любимъ подражать. Вотъ и скверность.

— Но если хорошему?

— Хотъ и хорошему. Вспомни «Любушинъ судъ». Не хорошо, коли искать правду въ нѣмцахъ. У насъ правда по закону святу, которую принесли наши дѣды черезъ три рѣки.

— Пышно, говорю,—это какъ-то чрезъ мѣру.

— Да, это пышно, а у нихъ, у нѣмцевъ, хороша экономія и опрятность. Въ старину тоже было довольно и справедливости: въ Берлинѣ разъ судъ въ пользу простого мельника противъ короля рѣшилъ. Очень справедливо, но все-таки они нѣмцы и нашего брата русака любятъ передѣлывать. Вотъ ты и смотри, чтобы никакъ гадъ собою этого не допустить.

— Да съ какой же, говорю,—статі!

— Нѣтъ, это бываетъ. У нихъ система, или, пожалуй, даже двѣ системы и чертовская выдумка. Ты это помни и вѣру отцовъ уважай. Живи, хлѣбъ-соль води, и даже пожалуй дружи, во всякомъ случаѣ будь благодаренъ, потому

что «ласковое телятко двѣ матки сосетъ», и неблагодарный человекъ—это не человекъ, а какая-то скверность, но похаживай почаще къ священнику и эту суть-то свою,—нашу-то настоящую русскую суть не позволяй изъ себя нѣмцамъ выкуривать.

— Да ужъ за это, говорю,—будьте покойны,—и привелъ ему шутя слова Тургенева, что «нашей русской сути изъ насъ ничѣмъ не выкуришь».

А отецъ поморщился:

— Твой Тургеневъ-то, говоритъ,—самъ, братецъ, западникъ. Онъ ужъ и сознался, что съ тѣхъ поръ, какъ окунулся въ нѣмецкое море, такъ своей сути и лишился.

— Да и Некрасовъ тоже,—хотѣлъ-было я продолжать, но при этомъ имени отецъ меня перебилъ и погрозился.

— Этого, говоритъ,—ужъ и совѣмъ не трожь,—этотъ чего еще ненадежнѣе. Самъ и зудъ зудить, самъ и расчесъ расчесывается, и взманъ манить, и казнить велить: самъ просить «виновныхъ не щади!» Нѣтъ, намъ надо чистыя руки... Вотъ какъ Самарины, Хомяковы, братья Аксаковы—вотъ съ кого намъ надо примѣръ брать. Самаринъ-то—вѣдь онъ былъ въ этомъ, въ ихъ Колыванскомъ краю, но они, небось, его не завертѣли. Думали завертѣть, да онъ имъ шишъ показалъ. И ты будь таковъ же. Дружба дружбой и служба службой, а за пазухой шишъ. Помни это и чаще къ духовенству похаживай и мнѣ пиши. Я тебѣ буду отвѣчать и укрѣплять тебя въ направленіи, а по воскресеньямъ непременно къ священнику похаживай. Какой ни есть попъ—онъ не тутъ, такъ тамъ, не въ церкви, такъ за пирогомъ, а все патріотическое слово скажетъ. А проѣздомъ черезъ Москву появись Аксакову. Скажи, что я тебѣ говорилъ, и послушай, что онъ еще тебѣ скажетъ. Онъ мужикъ вѣщій!

Матушка наказала только въ Москвѣ у Иверской покротиться.

— А за прочее,—сказала она,—я за тебя ужъ не боюсь—ты уже такъ себя погубилъ, что теперь тебя отъ женщинъ предостерегать нечего: самая хитрая нѣмка тебя больше спутать не можетъ; но объ опрятности ихъ говорить много лишняго: я ихъ тоже знаю,—у насъ акушерка была Катерина Христофоровна; бывало, въ которомъ тазу осенью ва-

ренъ варить, въ томъ же сама цѣлый годъ воротнички подсиниваетъ.

Дядя повелъ меня въ Москвѣ къ Аксакову.

— Нельзя, говорить, — безъ этого. А когда станешь съ нимъ разговаривать, то помни, какого ты роду и племени, и пускай что-нибудь отъ глаголовъ. Сипачевы, братецъ, издавна были стояльцы, а теперь и ты уже созрѣлъ—и давай понимать, что отправляешься для борьбы.

Я, признаться, совсѣмъ этого не думалъ, но промолчалъ и былъ представленъ Аксакову, который, узнавъ о моей «мисси», долго смотрѣлъ мнѣ въ глаза и сказалъ:

— Шествуйте и сразу утверждайтесь твердой пятой. Мы должны быть хозяевами на Кольванскомъ побережьи. Ревель—вѣдь это наша старая Кольвань!

И дядя тоже вспомнилъ про «Кольвань». Когда мы «шествовали» отъ Аксакова домой, дядя меня поучалъ:

— Если встрѣтишь добрый привѣтъ въ *кольванскомъ семействѣ* (такъ именовалъ онъ семью Венигреты), будь имъ благодаренъ, но не увлекайся до безразсудства, дабы не опутить въ себѣ измѣны русскимъ обычаямъ. Лучше старайся самъ получить вліяніе на нихъ.

Я чувствовалъ, какъ будто все это что-то фальшивое. Какая Кольвань? Какая моя тамъ «миссія»? На кого я могъ вліять и кому стану показывать «шинь», когда я самъ какая-то чортова кукла и нуждаюсь въ спасеніи бѣгствомъ!

Было въ этомъ во всемъ даже нѣчто дѣтски-эгонстическое: никакого вниманія къ душевному состоянію человѣка, а только—*свой вкусъ* и баста! Можно было думать, что и этимъ, какъ и другимъ, до *личнаго счастья* человѣка нѣтъ никакого дѣла!

Все, къ чему я самъ стремился, заключалось именно только въ томъ, чтобы свободно вздохнуть и оправиться. На это были настроены все мои помыслы, въ этомъ на мой взглядъ состояла вся моя «миссія» на Кольванскомъ морѣ. Но тѣмъ болѣе я снѣнился на эту Кольвань, къ своимъ кольванскимъ «друзьямъ», и дѣйствительно встрѣтилъ друзей прелестныхъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Баронесса Венигрета Васильевна жила въ своемъ домикѣ въ новой части города. Она была небогата. Мужъ, котораго

она по всѣмъ вѣроятностямъ очень любила, умеръ очень рано и ничего ей не оставилъ, кромѣ честнаго имени и дочки Лины. Баронесса была красавица и отлично образована, что, впрочемъ, не рѣдкость между женщинами изъ остзейской аристократіи,—даже и въ захудалыхъ родахъ. Благодаря этому образованію, а также, конечно, хорошимъ связямъ, Венигрета Васильевна попала въ воспитательницы. Она окончила свое дѣло съ честію и пять лѣтъ передъ этимъ отпущена съ пенсією, которой ей было довольно на то, чтобы жить съ дочерью въ своемъ городкѣ бездѣдно. Она имѣла полную возможность остаться и въ Петербургѣ, но свѣтъ ей прискучилъ, и она предпочла возвратиться подъ свой отчий кровъ, гдѣ у нихъ еще была жива бабушка. Смѣшного въ баронессѣ не было ровно ничего: напротивъ, она всегда была препотенная и всѣмъ внушала къ себѣ уваженіе. Прозвать ее «Венигретой» могло только наше русское пустосмѣшество.

Домикъ, гдѣ жила семья баронессы, былъ небольшой, но прехорошенькій, съ флигелькомъ въ три комнаты, гдѣ жила бабушка, которую и я засталъ еще въ живыхъ, и при домѣ прелестнѣйшій садикъ. Словомъ, настоящее жилище честной нѣмецкой образованной семьи.

Когда я сюда первый разъ пришелъ, мнѣ показалось, что я вступилъ въ рай и встрѣтилъ ангеловъ. О баронессѣ нечего и говорить: вы и теперь еще видите, какая это жепщина,—она всѣмъ внушаетъ почтеніе. И она его стѣбитъ и больше того стѣбитъ. Лина... вы тоже видите... Ангелъ. Кузина Аврора—эта вся блескъ и аромать; даже старая бабушка, которой тогда было восемьдесятъ лѣтъ, и та была очарованіе: бѣленькая, чистенькая и воплощенная доброта. Приняли онѣ меня—я хотѣлъ бы сказать: какъ родные, но я никогда не видалъ, чтобы у насъ самые лучшіе родные умѣли такъ принять челоуѣка, такъ тихо и просто, а въ то же время ласково и деликатно.

Я тутъ и привился. Меня пригласили приходиться всякій день, и я это буквально исполнялъ. Прекрасный, тихій и всегда пріятный образъ жизни «колыванскаго семейства» охватилъ меня со всею душою. Мы сошлись во всѣхъ вкусахъ. Я любилъ домашнюю жизнь—и онѣ тоже. Я любилъ литературу—онѣ, кажется, еще болѣе. Не было образованнаго языка, который имъ былъ бы недоступенъ. Я немножко

музыкантъ, а онѣ всѣ артистки. Лина съ матерью играли въ четыре руки на фортепiano, я на флейтѣ, а Аврора на скрипкѣ. Да, эта миниатюрная фея играла на скрипкѣ твердо и сильно, какъ бравый скрипачъ въ оркестрѣ. Кромѣ того, обѣ дѣвушки занимались живописью на матеріи и на фарфорѣ, и произведенія ихъ въ обоихъ этихъ родахъ были такъ замѣчательны, что ихъ покупали за границу. Было кѣмъ и чѣмъ залюбоваться и не скучать домоѣдствомъ, а даже забывать свое горе. Мой здѣшній начальникъ, братъ баронессы, баронъ Андрей Васильчъ, тоже былъ ихъ ежедневный гость и очень одобрялъ установившуюся у насъ дружбу. Онъ былъ гернгутерь и чудакъ, но человекъ глубокой честности и благородства. Терпѣть не могъ кутежей и разгула и очень утѣшался моимъ поведеніемъ.

— Чтѣ можетъ быть этого лучше,—говорилъ онъ,—какъ встрѣтить утро молитвою къ Богу, днемъ послужить царю, а вечеръ провести въ образованномъ и честномъ семейномъ домѣ. Васъ, мой юный другъ, сюда привелъ Божій перстъ, а я всегда радъ это видѣть и позаботиться о такомъ благоправномъ молодомъ человекѣ.

Я ужъ не знаю, было ли ему извѣстно все, что я натворилъ до этого времени, но онъ былъ ко мнѣ неизмѣнно милостивъ и дѣйствительно позаботился обо мнѣ, какъ никто изъ русскихъ, а баронесса и вообще все женское поколѣніе знали всѣ мои бѣдствія. И это ихъ престранно занимало, особенно баронессу, которая имѣла общія понятія о тогдашнихъ нашихъ русскихъ «сѣянiяхъ и вѣянiяхъ», но интересовалась подробностями. Она, впрочемъ, и вообще любила говорить о нравахъ, причемъ обнаруживала удивительную и привлекательную терпимость, свойственную только большому уму, доброму сердцу и большой опытности. Такъ, напримѣръ, поговоривъ разъ со мною наединѣ о тѣхъ и другихъ «дикостяхъ», она умолкла, потомъ сложила въ корзину свою работу и, поднявшись съ мѣста, сказала съ какимъ-то возвышеннымъ чувствомъ:

— Да! Спаси Боже насъ отъ нихъ, но спаси и ихъ отъ насъ. Они ужасны, а мы слишкомъ мало дѣлаемъ, или ничего не дѣлаемъ для того, чтобы они стали иными.

Я вскочилъ и поцѣловалъ ея руку, а она поцѣловала меня въ голову и добавила:

— Да будетъ прощень и пощаженъ и отъ вѣка наказанный.

И понялъ ея религіозное настроеніе и отвѣтилъ:

— Аминь.

Къ бесѣдамъ такого рода мы возвращались, бывало, не разъ. Часто, какъ усядемся у лампы, онѣ съ работою, а я начну читать для нихъ французскую или нѣмецкую книжку, такъ разговоръ незамѣтно опять и свернемъ на эти «ужасныя сердца и противныя вкусы». И смотришь — опять я уже, какъ оный венеціанскій мавръ, рассказываю что-то, а онѣ слушаютъ, бабушка тихонько посвистываетъ носомъ и спитъ, баронесса слушаетъ и изрѣдка покачиваетъ головою, а дѣвушки опускаютъ руки съ работою и смотрятъ въ глаза мнѣ: Лина съ снисходительнымъ состраданіемъ, а Аврора съ загаеннымъ гнѣвомъ.

Такъ мы достигли одного вечера ранней весною, когда «наша бабушка» одинъ разъ, по обыкновенію, уснула въ своемъ креслѣ и болѣе не проснулась. Мы ее хоронили очень для меня памятнымъ образомъ. Можетъ ли что-нибудь нравиться въ погребальномъ обрядѣ? Одни только русскіе репортеры пишутъ про «красивые» гроба и «прекрасныя» похороны; однако, обычай, какъ хоронили бабушку, и мнѣ понравился. Старушка лежала въ бѣломъ гробѣ и вокругъ нея не было ни пустоты, ни суеты, ни бормотанья: днемъ было свѣтло, а вечеромъ на столѣ горѣли обыкновенныя свѣчи, въ обыкновенныхъ подсвѣчникахъ, а вокругъ были разставлены старинныя желтыя кресла, на которыхъ сидѣли свои и посторонніе и вели шлолгося тихую бесѣду о *ней*, — припоминали ея жизнь, ея хорошіе честные поступки, о которыхъ у всѣхъ оказались воспоминанія. Она любила, была несчастлива, — мужъ ея, французскій выходецъ, былъ ревнивецъ, мотъ и игрокъ, онъ ее бросалъ и опять находилъ, когда ему не за кого было, кромѣ нея, взяться, и вдругъ оказался женатымъ, раньше ея, на полькѣ изъ Плоцка. Когда эта жена явилась съ тѣмъ, чтобы донести на него, — его ударилъ параличъ, бабушка сейчасъ же отдала претенденткѣ свое имѣніе въ Курляндіи и осталась при разбитомъ и была его ангеломъ, а потомъ удивительно воспитала сына Андрея и дочерей — Генріэтту и Августу, которая была матерью кузины Авроры и жила за Митавой.

Этотъ рассказъ такъ расположилъ слушателей къ лежавшей во гробѣ бабушкѣ, что многіе поперемѣнно вставали

и подходили, чтобы посмотреть ей въ лицо. И какъ это было уже вечеромъ, когда всѣ сидѣвшіе здѣсь сторонніе люди удалялись, то вскорѣ остались только мы вдвоемъ— я и Лина. Но и намъ пора было выйти къ баронессѣ, и я всталъ и подошелъ ко гробу старушки съ одной стороны, а Лина—съ другой. Оба мы долго смотрѣли въ тихое лицо усопшей, потомъ оба разомъ взглянули другъ на друга и оба вразъ произнесли:

— Какой благородный характеръ!

Съ этимъ я протянулъ свою руку, чтобы коснуться руки доброй старушки, и вздрогнулъ: рука моя возлѣ самой руки мертвой бабушки прикоснулась и сжала руку Лины, а въ это же самое мгновеніе тихій голосъ изъ глубины комнаты произнесъ:

— Тотъ же самый характеръ есть у живой Лины.

Мы оглянулись и увидали Аврору, которая сидѣла за трельяжемъ, гдѣ мы ее ранѣе не замѣтили.

Это не былъ поводъ сконфузиться, но и я, и Лина—оба сконфузились.

Лина отошла и тихо сказала:

— Другъ мой Аврора, къ несчастью—это не такъ.

А Аврора ей отвѣчала:

— Нѣтъ, другъ мой Лина, *для меня*—это такъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Послѣ этого происшествія у гроба я не спалъ цѣлую ночь, и съ этого случая меня не оставляло чувство необъяснимой и страшной тревоги. Бабушка была схоронена, а я, по приглашенію баронессы и по совѣту барона Андрея Васильевича, перешелъ жить во флигель старушки. Баронъ говорилъ:

— Это перстъ Божій! (Онъ вездѣ видѣлъ перстъ Божій). Вы должны быть какъ сынъ и какъ братъ у вашихъ достойныхъ друзей.

— О, я очень радъ,—отвѣчалъ я.

— Да, да; я вѣрю, что вы ихъ любите.

— Конечно, баронъ: онѣ показали мнѣ такъ много добра.

— Прекрасно, прекрасно! Вы благородный молодой человекъ, — сказалъ мнѣ баронъ и, пожавъ мою руку, тихо заплакалъ отъ умиленія.

Я поселился и сталъ жить еще ближе къ нимъ и со-

всѣмъ слился душою съ этими женщинами. Меня приглашали прїѣхать повидаться въ Москву и въ калужскую губернію, — я не ѣхалъ и чувствовалъ, что это не надо. Станутъ разспрашивать, а я не хотѣлъ, чтобы меня разспрашивали и какъ-нибудь называли ихъ шутивно или обидно-снисходительно. Я даже мучился, когда въ получаемыхъ письмахъ отца были напоминанія: смотрѣть, — не онѣмечиться съ нѣмками. «Держи ухо остро. Друзи, а камень за пазухой носи, — чтобы шишъ взяли». Все это меня мучило и казалось мнѣ напрасно, неделикатно и нечестно. Какъ я могъ говорить или слушать о нихъ что-нибудь, кромѣ похвалъ и восторговъ? Я никогда и во всю мою жизнь не жилъ такъ мирно и хорошо, какъ теперь. Всегдашній миръ, всегдашняя цѣломудренная простота, доведенная до предѣловъ въ нашемъ обществѣ невѣроятныхъ. Моя квартира—это былъ рай, и я зналъ, я не могъ не знать, что эти букеты цвѣтовъ на столѣ перемѣняетъ не толстая эстонка-служанка, съ которою я могъ говорить только одно слово «еймуста», т. е. «не понимаю». Мое бѣлье — и то было осмотрѣно, и это меня сначала мучило. Я не могъ спросить и не могъ не догадываться, что за этимъ смотреть такія образованныя женщины, которыя въ другой средѣ гнушались бы подобными занятіями, — нашли бы ихъ съ своимъ положеніемъ несомвѣстными, даже, пожалуй, шокирующими и унижительными. Англійская литература, поэзія, классическая музыка, живопись на фарфорѣ — и мои полотенца! Но у нихъ все это мирилось вмѣстѣ.

Лѣто проходило. Аврора ѣздила къ матери въ Курляндію и возвратилась. Мы ее нетерпѣливо ждали и разучили ко встрѣчѣ ея новый вальсъ Шопена. Аврора прїѣхала нѣсколькими днями раньше, чѣмъ обѣщала, но нимало не поправилась, а даже какъ будто похудѣла и имѣла видъ «грозный». Мы такъ надъ нею шутили, и она шутила и улыбалась, но потомъ черезъ минуту ея очаровательное дѣтское лицо опять становилось «грозно». Она стала какъ будто уединяться, и осенью, когда уже съ деревьевъ съпались листья, не позволяла снять качель и своего гамака, въ которомъ она всегда любила лежать и качаться какъ индіанка. На участливые вопросы Лины, отчего она стала держать себя нѣсколько странно, Аврора долго не отвѣчала, а потомъ одинъ разъ сказала:

— Не спрашивай меня: у меня есть предчувствія.

— Какія?

— Ахъ, вотъ ты какъ любопытна! Я боюсь, что дождь повредилъ шнурки моего гамака, и онъ оборвется.

И она съ этимъ такъ сильно повернулась въ гамакъ, что выпала изъ него на землю и до слезъ больно подвинула себѣ ногу.

Это произвело въ домѣ тревогу, и мы цѣлыя сутки клали ледъ къ больной ногѣ Авроры; а черезъ нѣсколько дней она стала ходить съ палочкой, причемъ въ ея фигурѣ и походкѣ обнаружилось чрезвычайно большое сходство съ покойной бабушкой. Оно было такъ велико, что сначала всѣхъ насъ удивило и заставило улыбаться, а потомъ показалось и поразительнымъ.

— Вотъ видишь,—говорила Аврорѣ Лина:—не я, а ты будешь похожа на бабушку.

— Да, я похожа, но только наружно, а ты внутренно: у тебя прекрасное сердце, а у меня—злое. Ты вѣстникъ жизни и свободы, я—вѣстникъ смерти и неволи. Я деспоть.

Лина и я размѣялись, Аврора же продолжала быть веселою, и въ самый этотъ день, дѣйствительно, сдѣлалась «вѣстникомъ смерти».

Я никогда не забуду этого важнѣйшаго дня въ моей жизни. Онъ былъ день свѣжій и ясный. Солнце ярко обливало своимъ сверканьемъ деревья, на полуобнаженныхъ вѣтвяхъ которыхъ слабо качались пожелтѣвшіе и озолотившіеся листья, въ гроздахъ красной рябины тяжело шевелились ожирѣвшіе дрозды. Баронессы и Лины не было дома, служанка работала на кухнѣ, Аврора качалась съ книгою въ рукахъ въ своемъ гамакѣ, а я составлялъ служебный отчетъ въ своей комнатѣ. Ради прекраснаго дня, окна въ садъ у меня были открыты.

Сильно занятый вычисленіями, я слышалъ среди работы, что какъ будто стукнулъ молотокъ у занертой входной двери, а потомъ какъ будто мимо оконъ промелькнула стройная фигурка Авроры. Я подумалъ, что, вѣроятно, некому отпереть двери, и Аврора сама пошла это сдѣлать. Конечно, было бы вѣжливо, если бы я ее предупредилъ, но мнѣ было некогда, я сводилъ сложное вычисленіе, и сейчасъ же опять въ него погрузился.

Однако, мнѣ въ этотъ разъ не суждено было кончить

мою работу, потому что въ окно ко мнѣ влетѣло и прямо упало на столъ письмо въ траурномъ конвертѣ, съ очень рѣзкими и, какъ мнѣ показалось, чрезмѣрно-широкими черными каймами по краямъ и крестъ-на-крестъ.

Я вздрогнулъ и взглянулъ въ окно, — отъ него тихо и молча отходила Аврора.

«Вѣстникъ смерти!» промелькнули у меня въ памяти ея слова.

Женщины, которая такъ предательски меня обманула и опошшила мою жизнь, не было больше на свѣтѣ. Моя жена умерла такъ же гадко и скандалезно, какъ жила. О ея смерти меня извѣщала ея сестра, шедшая съ нею нѣкогда тѣмъ же беспорядочнымъ путемъ, но болѣе ловко воспользовавшаяся случаемъ, чтобы свернуть на торную дорогу приличій. Я съ нею едва былъ знакомъ, но зналъ, что она притворщица и лицемерка. Какъ всѣ неискренніе люди, желающіе казаться не тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ, она пересаливала и была несносна въ своемъ новомъ направленіи точно такъ же, какъ была противна въ прежнемъ. Отъ этого, можетъ-быть, и трауръ на ея конвертѣ былъ слишкомъ жиренъ для обозначенія горя. Извѣстительное письмо носило тѣ же слѣды неумѣренности: она писала, что ея сестра «довела себя до крайнихъ положеній и сама прекратила свою жизнь безтрепетною рукою». Затѣмъшло описаніе самаго этого происшествія и потомъ выраженіе участія ко мнѣ: «Вы свободны, и да благословить васъ Богъ большимъ счастьемъ, чѣмъ вы имѣли».

Я, какъ гоголевскій городничій, могъ тоже сказать: «Боже благослови, а я не виновать». Но какъ бы тамъ ни было, — я свободенъ, во второй разъ свободенъ, и теперь я уже умѣю цѣнить свободу и ее не процыганю.

И первая мысль, которая явилась въ моей головѣ вслѣдъ за сознаніемъ моей свободы, была мысль о томъ, какъ я долженъ повести себя съ этимъ извѣстіемъ передъ «колыванскимъ семействомъ».

Скрывать это отъ нихъ я бы не хотѣлъ, но мнѣ казалось неловко и сообщать объ этомъ баронессѣ. Печаль въ моемъ лицѣ была неумѣстна, равнодушіе — глуно, а радость — противна. Другое дѣло дѣвицы: онѣ молоды, и я съ ними короче.

Аврора проходила съ книгою со своего гамака. Я ее позвалъ. Она остановилась.

— Не поставьте себѣ въ трудъ пробѣжать это письмо.

Она посмотрѣла на листокъ и не приняла его, а спросила:

— Въ чемъ дѣло?

Я неловко и застыбчиво сообщилъ ей новость. Аврора выслушала ее такъ спокойно, какъ будто она это знала, и отошла, не сказавъ мнѣ ни одного слова. Непосредственно затѣмъ она вошла въ домъ и черезъ минуту оттуда, изъ залы, послышались трудныя упражненія на скрипкѣ. За ними служанкѣ не слышать было, какъ снова ударилъ дверной молотокъ. Я пошелъ и открылъ двери.

Это возвратилась баронесса и Лина. У Лины развязалась и упала одна изъ ея покупокъ. Я ее поднялъ и сталъ завязывать. Баронесса тѣмъ временемъ вошла въ домъ, а мы остались вдвоемъ на дворѣ.

Стоя на одномъ колѣнѣ и на другомъ обвязывая развязавшійся узелъ, я почти безотчетно досталъ изъ кармана полученное письмо и сказалъ: «Пожалуйста прочтите», а самъ опять опустилъ глаза къ узлу и, когда поднялъ ихъ, то увидалъ, что за минуту передъ этимъ свѣжее и спокойное лицо Лины было покрыто слезами.

Она поспѣшно сунула мнѣ назадъ письмо, воскликнула: «Gott! O, Gott!» и скрылась въ домѣ. Аврора теперь стояла у окна, и я видѣлъ ея бѣлую, маленькую руку и тонкіе пальцы, красиво державшіе смычокъ, выводившій фугу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Я никогда не желалъ никому зла. Да; никому, и потому не желалъ и смерти моей мучительницѣ, и не ожидалъ, что это случится. Еще болѣе я считалъ бы за отвратительную гадость мечтать о свободѣ, пока эта женщина была жива; но «вѣдь воля дорога и птичкѣ», а тѣмъ болѣе молодому человѣку, какимъ я былъ тогда, семь лѣтъ тому назадъ. Я чувствовалъ, что у меня опять есть перья въ крыльяхъ, есть шансъ на долю счастья въ жизни, но мнѣ было странно, что вмѣстѣ съ этимъ оживляющимъ меня сознаниемъ я чувствовалъ мертвящую немощь передъ тѣмъ, что мнѣ надо объявить свою новость баронессѣ.

Какъ? въ какихъ выраженія я ей скажу это?

Я ее такъ уважалъ и такъ дорожилъ ея мнѣніемъ, что

не могъ придумать, какимъ образомъ это выразить такъ, чтобы не вышло ни непристойной радости, ни неумѣстнаго и притворнаго сокрушенія. Но я надъ этимъ напрасно ломалъ голову: мнѣ вовсе и не пришлось говорить объ этомъ баронессѣ; но у меня также и не оставалось мѣста ни для подозрѣнія, что она этого не знаетъ, ни для недоумѣнія, какъ она къ этому относится.

За столомъ у насъ былъ такой обычай, что прежде, чѣмъ сѣсть на свои мѣста, всѣ становились на минуту за своими стульями и брались руками за ихъ спинки. Баронесса на короткое мгновеніе поникала головою. Всѣ мы знали, что она въ это мгновеніе произносила мысленно короткую молитву. Лина тоже слѣдовала примѣру матери. Я и Аврора не наклонялись. Это никого не раздражало и не обижало. Здѣсь понимали, что вѣрить и не вѣрить—это не во власти человѣка, и о вѣрѣ не спорили, а прямую искренность умѣли уважать выше притворства. Потомъ Лина снимала крышку съ суповой вазы, и мы сѣлись, а баронесса начинала намъ раздавать налитыя ея рукою тарелки.

Нынче это произошло не такъ. Послѣ того, какъ баронесса нагнула въ молчаніи свою голову, она ее подняла и, не отодвигая, по обыкновенію, своего стула, взглянула вверхъ и произнесла вслухъ:

— Прости всѣхъ и убѣди ихъ грѣхи Твоею кровію.

Лина сказала «Аминь», и онѣ всѣ — мать, дочь и Аврора — взглянули на меня и сѣли.

Обѣдъ прошелъ своимъ чередомъ. Я все понялъ. Порою мнѣ думалось: зачѣмъ онѣ, протестантки, молились за умершую? Потомъ мнѣ подумалось, что это онѣ молились и за меня, и за другихъ, «за всѣхъ». Мнѣ припомнились первые дни и первые разговоры въ этомъ дорогомъ мнѣ колыванскомъ семействѣ, и тогдашній вздохъ баронессы и ея слова: «Спаси насъ отъ нихъ, но и ихъ спаси отъ насъ, потому что и мы слишкомъ мало дѣлаемъ, или ничего не дѣлаемъ».

Какая гармонія чувствъ и ощущеній! Какая во всемъ этомъ деликатность и грація, и теплота, и ширь, и свобода! Кто могъ бы устоять противъ тихаго, но неодолимаго обаянія этого круга, исполненнаго благодати! Конечно, не я. Если бы я въ ту пору, несмотря на мою молодость, въ двадцать-пять лѣтъ не былъ уже нравственнымъ калѣкою,

съ изломанной и исковерканной прошедшею жизнью,—я бы, конечно, занесся мечтами и, можетъ-быть, возмнилъ бы себя въ правѣ претендовать на болѣе тѣсное сближеніе съ этимъ семействомъ. Но Провидѣніе дало мнѣ каплю разсудка и каплю честности; я зналъ всю раздѣляющую насъ бездну, я понималъ ихъ недосыгаемую для меня чистоту и свою омраченность. Чтѣ бы тамъ ни заговорилъ за меня какой-нибудь софизмъ, я все-таки былъ виноватъ, я путался въ недостойныхъ исторіяхъ, водился съ безнравственными людьми и, волей-неволей, ко мнѣ все-таки прилипла грязь моего прошедшаго. Я зналъ, что я ни о чемъ не смѣю думать, и что мнѣ нѣтъ, да и не нужно поправки; но тѣмъ не менѣе я вспомнилъ теперь, что я здѣсь не крѣпокъ, что я тутъ чужой, что эти прекрасныя, достойныя дѣвушки непременно найдутъ себѣ достойныхъ мужей, и нашъ теперешній милый кружокъ разлетится, и я останусь одинъ... одинъ...

«Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!»

Окончивъ обѣдъ, я подошелъ къ баронессѣ, чтобы поблагодарить ее, и, цѣлуя ея руку, тихо сказалъ ей:

— Не прогоняйте меня никогда отъ себя!

Она мнѣ отвѣчала рукопожатіемъ.

Что же дальше скажу? Дальше случилось именно то, о чемъ я не смѣлъ и думать, какъ о высшемъ и никогда для меня недосыгаемомъ счастьи. Слѣдующей весной я былъ мужемъ Лины—счастливейшимъ и недостойнымъ мужемъ самой святой и самой высокой женщины, какую Богъ послалъ на землю, чтобы осчастливить лучшаго человѣка. И это Божіе благословеніе выпало на мою горькую долю... и я... я... его теперь утратилъ, какъ неразумный звѣрь, или какъ каторжникъ. Я не могу жить... я долженъ себя убить... Я не могу... Но я вамъ доскажу все, чтобы вы знали, чтѣ я надѣлалъ и чтѣ во мнѣ происходитъ.

Возвращаюсь къ порядку.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Все это произошло радѣніемъ кузины Авроры, въ которой, Богъ ее знаетъ, какое біеніе пульса и какое кровѣобращеніе. Глядя на нее, иногда можно зафантазироваться

надъ теоріями метапсихоза и подумать, что въ ней живеть душа какой-то тевтобургской вѣкши. Прыгъ туда, прыгъ сюда! Ей все ниночемъ. У насъ такъ долго живутъ въ общеніи съ нѣмцами и такъ мало знаютъ характеры нѣмецкихъ женщинъ. То-есть, я говорю, знаютъ только одну заурядность. У этой же все горитъ: одна рука строить, другая—ломаеть, а первая уже опять возводитъ что-то заново. Ходить по залу со своею скрипкою и все фуги и фуги... Всѣмъ надоѣла! Случилась надобность ее о чемъ-то спросить. Вхожу и спрашиваю. Видитъ—и ни слова не отвѣчаетъ: идетъ прямо, прямо на меня, какъ лунатикъ, и вырабатываетъ свою фугу. Принилось то же самое во второй разъ—и опять результатъ тотъ же самый. Зато въ третій разъ нѣчто совсѣмъ особенное: шла, шла, играла, вела фугу, и вдругъ у самаго моего уха струна хлопъ—и завизжала по грифу.

— Лопнуло терпѣніе! говорю.

— Да! отвѣчаетъ.—Когда же вы, наконецъ, соберетесь?

— Что?

— Сдѣлать Лигъ предложеніе!

— Я?! дѣлать предложеніе!! Лигъ!!!

— Да, я думаю,— *вы*, а не я, и никто другой за васъ.

— Да вы вспомните, что вы это говорите!

— О, я все помню и все знаю.

— Развѣ я смѣю думать... развѣ я стою вниманія Лигъ!

— Говоря по совѣсти, какъ надо между друзьями, конечно, нѣтъ, но... произошла роковая неосторожность: мы, сентиментальныя нѣмки, мы иногда бываемъ излишне чувствительны къ человѣческому несчастію... Если вы честный человѣкъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, вы должны уѣхать изъ этого города, или... я вѣдь вамъ не позволю, чтобы Лина страдала. Она васъ любитъ и *поэтому* вы ей стоите. А я васъ спрашиваю: когда вы хотите уѣхать?

— Никогда!

— Въ такомъ случаѣ... Лина!

— Бога ради! Дайте время!.. Дайте подумать!

— Лина! Лина!—позвала она еще громче.

— А-а?—отозвался изъ сосѣдней гостиной голосъ Лигъ.

— Иди скорѣй, или я разобью мою скрипку.

Вошла, какъ всегда, милая, красивая и спокойная Лина.

— Этотъ господинъ проситъ твоей руки.

И, повернувшись на каблучкѣ, Аврора добавила:
— Извини за неожиданность, но изъ долгаго раздумья тоже ничего лучшаго бы не вышло. Я иду къ Tante!
— Лина!—прошенталь я, оставшись вдвоемъ.
Она на меня взглянула и остановилась.
— Развѣ я смѣю... развѣ могу...
Она тихо отвѣтила:
— Да.

Черезъ недѣлю Аврора уѣхала къ матери въ Курляндію. Мы всѣ передъ баронессой молчали. Наконецъ, Лина сама взялась сказать, что между нами было объясненіе. Я непремѣнно ждалъ, что мнѣ откажутъ, и вслѣдъ затѣмъ придется убираться, какъ говорятъ рижскіе раскольники, «къ себѣ въ Москву, подъ толстыѣ звѣны». Вышло совсѣмъ не то. Мы съ баронессой гуляли вдвоемъ, и она мнѣ сказала:

— Я не противъ избранія Лины, хотя я не совсѣмъ ему рада. Вы не знаете почему?

— Знаю. Мое прошлое...

— Совсѣмъ нѣтъ. Это слишкомъ глупо и жестоко тянуть за челоуѣкомъ весь вѣкъ его ошибки, но.. вы русскій!..

— Вы такъ тебнимы, баронесса!.. Такъ долго жили въ Россіи.

— Да, это я.

— А Лина тѣмъ болѣе.

— Нѣтъ — *вы*??

— Я — все, что вы хотите!

— Просите благословенія у вашихъ родителей.

Я попросилъ.

Тутъ и загудѣли изъ Москвы «толстыѣ звѣны».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Матушка сокрушалась. Она находила, что я уже два раза Богъ вѣсть чтѣ съ собою надѣлалъ, а теперь еще *тѣмъ*. Она не будетъ почтительна. Но отецъ и дядя радовались, — только съ какой стороны! Они находили, что наши стали всѣ очень верченныя, — такія затѣйницы, что никакого покоя съ ними нѣтъ, и притомъ очень требовательны, и такъ дорого стѣять, что мужу остается для ихъ угожденія либо красть, либо взятки брать.

«Нѣмки лучше», возвѣщаль отцу дядя изъ Москвы въ

Калугу и привелъ примѣры «отъ иныхъ родовъ», такихъ же «столшовыхъ», какъ и нашъ родъ Сипачевыхъ. Успокоили отецъ съ дядею и матушку, что «нѣмки хозяйственны и для заводу добры». Такъ все это мнѣ и было изъяснено въ пространныхъ отпискахъ съ изъясненіемъ, кто что думалъ, и что сказалъ, и чѣмъ одинъ другого пересилилъ. Матушка, кажется, больше всего была тѣмъ утѣшена, что онѣ «для заводу добры», но отецъ бралъ примѣры и «отъ большихъ родовъ, гдѣ много вѣдомо съ нѣмками браковъ и все хорошия жены, и между поэтами и писателями тоже многіе, которые судьбу свою съ нѣмецкою женщиною связали, получили весь нужный для правильной дѣятельности покой души и на избраніе свое не жаловались». Низводилось это до самыхъ столшовъ славянофильства. Стало-быть, мнѣ и Богъ простить. Отецъ писалъ: «Это твое дѣло. Тебѣ жить съ женою, а не намъ, ты и выбирай. Дай только Богъ счастья и не измѣняй вѣрѣ отцовъ твоихъ, а намъ желательно, наконецъ, имѣть внука Никитку. Помни, что имя Никиты въ нашемъ сипачевскомъ роду никогда прекращаться не должно, а если первая случится дочь, то она должна быть, въ честь бабушки, Марѳа». Я, разумеется, обрадовался и говорю баронессѣ, что отецъ и мать согласны. Она захотѣла видѣть письмо, и я подалъ это письмо баронессѣ, а она Линѣ. Лина покраснѣла, а уважаемая баронесса не сдѣлала никакого замѣчанія. Я ихъ обнялъ и расцѣловалъ: «Друзья мои! говорю:—истинно нѣтъ лучше, какъ нѣмецкія женщины». И я, дѣйствительно, тогда такъ думалъ—и женился. Жена моимъ старикамъ письма написала по-русски. Живемъ прекрасно; Москва и Калуга спокойны и рады,—только все освѣдомляются: «въ походѣ ль Никитка?» Наконецъ напророчили! Я пишу: «Лина, кажется, чувствуетъ себя не одною».

Сейчасъ же и дядя, и отецъ сразу съ обѣихъ колоколенъ зазвонили: «Благословеніе несправдливой и пмущей во чреві; да разверзетъ ея ложесна отрокъ», и проч., и проч. У дяди всегда все выходило такъ хорошо и высиренно, какъ будто онъ Аксакову въ газету передовицу пишетъ, а отецъ не былъ такъ литературень и на живчика прихватывалъ: «Только смотри—доставь мнѣ Никитку!.. Или развѣ въ самомъ крайнемъ случаѣ прощается на одинъ разъ Марѳа». Болѣе же одного раза не прощалось.

Матушка мало умѣла писать; лучше всего она впушала: «Береги жену—время тяготно», а отецъ съ дядею съ этихъ поръ пошли жарить про Никиту. Дядя даже прислалъ серебряный ковшикъ, изъ чего Никиту поить. А отецъ все будто сны видитъ, какъ къ нему въ садъ вскочилъ отъ нѣмецкой коровки русскій теленочекъ, а онъ его будто помянулъ: тирюси-тирюси,—а теленочекъ ему дѣтскимъ языкомъ отвѣчаетъ: «я не тируси-тируси, а я Никитушка, свѣтъ Ивановичъ по изотчеству, Синачевъ по прозванію».

Сдѣлался этотъ Никита Ивановичъ Синачевъ моимъ нравственнымъ или долговымъ обязательствомъ, котораго мнѣ никакъ избыть нельзя. Итакъ, жена моя что-то заводское, и я заводскій, и наша любовь и счастливый бракъ нашъ—все это разсматривается, оцѣнивается только съ племенной, заводской точки зрѣнія.

— «Никитка! Никитка!»—«Поддай Никитку!»— «Въ походѣ ли Никитка!» Да что же это, наконецъ, за родственная глупость и даже унижающее безстыдство! Ну, а если нѣтъ и не будетъ «въ походѣ» не только Никиты, а даже и Марѳы, то что же тогда? Неужто объ этомъ плакать, что ли, или считать это за несчастіе и укорять Лину, какъ это бывало у евреевъ ветхаго завета и у русской знати московскаго періода? Но, къ счастью, мнѣ было чего ожидать, и раздраженіе на своихъ было напрасно. Только очень они съ этимъ льнутъ. Отецъ пишетъ, что мать теперь все молится Спорушницѣ «объ имущей во чревѣ». Писали, что въ поминанье Лина у нихъ за здравіе записана Катериной, потому что Каролину священникъ находилъ неудобнымъ поминать, такъ какъ это имя неправо-славное. Лина—«еретница». Давали мнѣ совѣтъ «наклонять жену къ вѣрѣ моихъ отцовъ», но надѣялись, что «когда будетъ Никитушка, то она, вѣроятно, и сама пойметъ, что это неизбѣжно. Когда же онъ родится и станемъ его крестить, то чтобы по нѣтъ крестилъ его непременно настоящимъ троскратнымъ погруженіемъ въ купели, а не облилъ съ блюдечка, какъ будто канарейку». Мать же извѣщала, что она шьетъ Никитѣ распашоночки и дѣлаетъ пеленки изъ старенькаго, чтобы ему не рѣзало рубцами тѣлице подъ шейкой и подъ мышечками.

Словомъ, покой мой замутился съ этимъ Никитою. И чѣмъ дальше, тѣмъ все неотступнѣе.

Пришли и распашонки, и пеленочки, а отъ диди изъ Москвы старинный серебряный крестъ съ четырьмя жемчужинами, а отъ отца новыя наставленія. Пишетъ: «Когда же придетъ уреченное время — поставь къ купели вмѣсто меня стоять дьячка или понамаря. Они, каковы бы ни были, — все-таки вѣрные русскіе люди, ибо ничѣмъ инымъ и быть не способны».

Все вѣдь это надо какъ-нибудь выполнить, а здѣсь такіе приемы не приняты. Непремѣнно придется что-нибудь лгать старикамъ, а я ихъ такъ люблю и никогда ихъ не обманывалъ.

Ожиданіе Никиты стало меня нервировать и мучить. Затѣмъ они черезчуръ все это раздувають и о чемъ хлопчутъ? Все дѣлалось бы само собою несравненно спокойнѣе и лучше, если бы они не гнали такой суеты и горячки. Кто родится, того бы и окрестили, и назвали бы Никитою или Марою, а то я уже сталъ тревожиться: какъ въ самомъ дѣлѣ это будетъ? Или, можетъ-быть, и совсѣмъ ничего не будетъ, — такъ пройдетъ?

Высказался даже въ этомъ духѣ теицъ. Баронесса, взявшая въ это время одѣяльце, покачала головою и, тихо улыбнувшись, отвѣчала:

— Нѣтъ, это *такъ* не проходитъ. А они напрасно такъ много беспокоятся, и ты сталъ беспокоенъ. Тебѣ бы пока лучше проѣхаться.

— Куда же, говорю, — и какъ мнѣ теперь отлучаться?

— Отчего же? Это даже хорошо. Еще чѣсла Лины далеко, а я попрошу барона — онъ тебѣ дастъ командировку. Проѣзжайся. Чѣсла далеко.

И я получилъ командировку, и въ самомъ дѣлѣ радъ былъ проѣхаться. Вѣдь «чѣсла далеко», а Лину оставить съ нѣжно-любящею ее матерью нимало не страшно. Да и мой безпокойный видъ и нервозность, по словамъ баронессы, даже пехороню вліяли на настроеніе духа жены, а ей въ ея положеніи нужно спокойствіе.

А заботы родныхъ все не унимаются: передъ самымъ моимъ отъѣздомъ дядя пишетъ, что онъ намѣренъ завѣщать свой домъ, въ переулкѣ близъ Арбата, Никитѣ, а отецъ пишетъ, что «все наше принадлежитъ тебѣ и сыну твоему, первенцу Никитѣ Иванычу Спичачеву».

Я уѣхалъ въ командировку на особомъ катерѣ.

Прекрасно! Море, свободная стихія, маяки, запасы, пёртки знаковъ,—все это меня развлекло и заняло; но—чортъ возьми,—чуть только я удалился отъ своего берега, въ моей душѣ вдругъ зародилось какое-то безпокойство, что я обмануть, что со мной сыграли какую-то штуку, что я выгнать изъ дома нарочно, какъ какой-то дурачокъ, и вообще со мною играютъ какую-то комедію.

Кто?.. Кто могъ со мною играть комедію? Неужто моя милая, преданная жена, моя кроткая, вѣрная Лина? Или неужто моя теща, баронесса, просвѣщенная, истинно честная и всѣми уважаемая женщина, сочувствующая всему высокому и презирающая все недостойное истиннаго благородства?.. Невозможно! Не вѣрю навѣтамъ коварнымъ.

А какой-то чортъ шепчетъ на ухо: «Э, милый другъ, все на свѣтѣ возможно. Стернь, англійскій великій юмористъ, больше тебя понималъ, и онъ сказалъ: «*Tout est possible dans la nature*»—все возможно въ природѣ. И русская пословица говоритъ: «Изъ одного человѣка идетъ и горячій духъ, и холодный». Всѣ твои домашнія дамы въ своемъ родѣ прелестныя существа и достойны твоего почтенія, и другія ихъ тоже не напрасно уважаютъ, а въ чемъ-нибудь такомъ, въ чемъ онѣ никому уступить не хотятъ,—и онѣ не уступятъ, и онѣ по-своему обработаютъ.

Засыпаю подъ плащомъ на палубѣ и вижу фигуры баронессы и Лины на берегу, какъ онѣ меня провожали и махали мнѣ своими платками. Лина плакала. Она навѣрно и теперь иногда плачетъ, а я все-таки представляю себѣ, будто я нахожусь въ положеніи сказочнаго пари Салтана, а моя теща Венигрета Васильевна—«сватья баба Бабариха», и что она непременно сдѣлаетъ мнѣ страшное зло: Никитку моего изведетъ, какъ Бабариха извела Гвидона, а меня чѣмъ-нибудь на всю жизнь одурачить.

Идемъ подъ свѣжимъ вѣтеркомъ, катерокъ кренится и бортомъ захватываетъ, а я ни на что вниманія не обращаю и въ груди у меня слезы. Въ душѣ самыя теплыя чувства, а на умѣ какая-то гадость, будто отнимаютъ у меня что-то самое драгоценное, самое родное. И чуть я позабудусь, сейчасъ въ умѣ толкутся стихи: «А ткачиха съ поварихой, съ сватьей бабой Бабарихой». «Родила царица въ ночь не то сына, не то дочь, не мышонка, не лягушку, а неведома

звѣрушку». Я зарыдалъ во слѣ. «Никита, мой милый! Никитушка! Чтò съ тобою дѣлають!»

Боцманъ меня разбудилъ.

— Вы, говорить,—ваше благородіе, ужасно колобродите и руками брылявитесь! Перекреститесь.

Я перекрестился и успокоился.

Въ самомъ дѣлѣ, что за глупость: вѣдь я не царь Салтанъ, и Никитушка не Гвидонъ Салтановичъ; не посадятъ же его съ матерью въ бочку и не бросятъ въ море!

Такъ и странствую въ такомъ душевномъ расположеніи отъ одного берегового пункта къ другому, водворяю порядки и снабжаю людей продовольствіемъ. И вдругъ на одномъ изъ дальнихъ островковъ получаю депешу: «совершенно благополучно родился сынъ,—*sehr kräftiger Knabe*». Всѣ тревоги минули: такимъ именно *kräftiger Knabe* и долженъ былъ появиться Никита! «*Sehr kräftiger*». Молодецы! Знай нашихъ комаринскихъ!

Сами можете себѣ вообразить, какъ я послѣ извѣстія о рожденіи сына нетерпѣливо кончалъ свои визиты къ остальнымъ маякамъ, и съ какимъ чувствомъ черезъ двѣ недѣли выскочилъ съ катера на родной берегъ этого города, гдѣ меня ждали жена и ребенокъ.

На самой пристани матросъ передаетъ приказаніе моего начальника явиться къ нему прямо сію минуту.

Досадно, а дѣлать нечего: ѣду.

Добрѣйшій баронъ Андрей Васильевичъ прямо заключаетъ меня въ свои объятія, смотритъ на меня своими ласковыми синими глазами и, пожимая руки, говоритъ:

— Ну, поздравляю, молодой отецъ, поздравляю! Извините, что я васъ задержалъ и не пустилъ прямо домой, но это необходимо. Липа еще слаба, вѣдь она немножко обсчиталась числомъ, но зато Фриде—славный мальчикъ.

Я сначала не понялъ, что такое. Какой Фриде!

— Кто это, говорю,—Фриде?

— А этотъ вашъ славный мальчикъ! Мы его вчера окрестили и все думали: какое ему дать имя, чтобы оно понравилось...

Я перебилъ:

— И какъ же, говорю,—вы его назвали?

— Готфридъ, мой милый, Готфридъ! Это всѣмъ намъ понравилось, и пасторъ назвалъ его Готфридъ.

— Пасторъ!— закричалъ я.

— Да, конечно, пасторъ, нашъ добрый и ученый пасторъ. Я нарочно позвалъ его. Я другого не хотѣлъ, потому что это вѣдь онъ, который открылъ, что надо перенести двоеточіе послѣ слова: «Гласъ вопіеть въ пустынь: приготовьте путь Богу». Старое чтеніе не годится.

— Позвольте, говорю, — но вѣдь я его задушу моими руками!

— Кого это?

— Этого пастора!

— За то, что онъ перенесъ двоеточіе?

— Нѣтъ, за то, что онъ смѣлъ окрестить моего сына!

— Баронъ выразилъ лицомъ полнѣйшее недоумѣніе.

— Какъ зачѣмъ окрестилъ сына? Какъ душить нашего пастора? Развѣ можно не крестить?

— Его долженъ былъ крестить русскій священникъ!

— А!.. Я этого не зналъ, не зналъ. Я думалъ, вы такъ хотите! Но вѣдь лютеране очень хорошіе христіане.

— Все это вѣрно, но я самъ русскій, и мои родные русскіе, и дѣти мои должны принадлежать къ русской вѣрѣ.

— Не зналъ, не зналъ!

— Зачѣмъ же мои семейные, жена, теща не подождали моего возвращенія?

— Не знаю, — судьба, персть...

— Какая, ваше превосходительство, судьба! Судьба вотъ была въ чемъ, вотъ чего хотѣли всѣ мои русскіе родные! Разказалъ ему все и прибавилъ:

— Вотъ какова должна была быть настоящая судьба, и имя, и вѣра этого ребенка, а теперь все это вывернули вонъ. Я этого не могу снести.

— Въ такомъ случаѣ вы здѣсь прежде успокойтесь.

— Нечѣмъ мнѣ успокоиться! Это останется навсегда, что у меня первый сынъ — нѣмецъ.

— Но вѣдь нѣмцы также хорошіе люди.

— Хорошіе, да я-то этого не ожидалъ.

— А персть Божій показалъ.

Ну, что еще съ нимъ говорить! Бѣгу домой.

Отворила сама теща, — какъ всегда, въ букляхъ, въ чепцѣ и въ кожаномъ поясѣ, во всемъ своемъ добромъ здоровьѣ и въ полномъ нарядѣ, — и говоритъ мнѣ:

— Тсссъ! Потихе... Фриде спать...

— Покажите мнѣ его.

— Подожди, это сейчасъ нельзя.

— Нѣтъ, покажите, а то я сойду съ ума! Я лопну съ досады. Показали мнѣ мальчишку. Славный! Я его обнялъ и зарыдалъ.

— Ахъ, ты, говорю,—Никитка, Никитка! За что только тебя, бѣднягу, оборотили въ Готфрида!

Выплакался дѣ-сыта и ничего не сталъ говорить до тѣхъ поръ, пока жена оправилась.

Потомъ разъ выбралъ время и говорю:

— Что же это вы сдѣлали, Лина? Какъ я напишу объ этомъ на Арбатъ и въ Калужскую губернію? Какъ я его когда-нибудь повезу къ дѣду и бабушкѣ, или въ Москву къ дядѣ, русскому археологу и историку?

Она будто не понимаетъ этого и ласкается; но я-то вѣдь понимаю, какое мое положеніе съ новорожденнымъ нѣмцемъ. Встанутъ отецъ и мать: показывай, моль, намъ колыбацкое производство, а чтѣ такое я имъ могу сказать, чтѣ я покажу? Вотъ, моль, я вамъ отсюда своего производства нѣмца привезу!.. Потрудитесь получить, — называется Готфридъ Бульоновичъ, въ ласкательной формѣ Фриде, въ уничижительной — Фридка. Имя не трудное, а довольно потѣшное. Меня засмѣютъ и со двора съ нѣмцемъ сгонятъ. Или, еще вѣрнѣе, мнѣ не повѣрятъ, потому что этому и нельзя повѣрить, чтобъ я, калужанинъ, истинно русскій человекъ, борецъ за право русской народности въ здѣшнемъ краѣ, самъ себѣ первенца нѣмца родилъ! Адъ и смерть.

Прыгалъ я, прыгалъ,—разныя глупости выдумывалъ, хотѣлъ дѣло поднимать, доносъ писать, перекрещивать, да на кого доносить станешь? На свою семью, на любимую жену, на добрую и всеми уважаемую тещу Веннгрету, которую я и люблю, и уважаю!.. Чортъ знаетъ, чтѣ за положеніе!

Такъ ничего иного и не могъ придумать, какъ признать «совершившійся фактъ», а въ немъ участіе «перста», и затѣмъ начать врать моимъ старикамъ, что случилось несчастіе: Никитки, пишу, нѣтъ, а вынелъ фось-кушъ.

Ничего другого въ этомъ положеніи не выдумалъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Живемъ на-ново и опять такъ же невозмутимо хорошо, какъ жили. Мой нѣмчикъ растетъ, и я его, разумѣется,

люблю. Мое вѣдь дитя! Мое рожденіе! Лина — превосходная мать, а баронесса Венигрета — превосходная бабушка. Фридка молодецъ и красавецъ. Баронъ Андрей Васильевичъ носить ему конфеты и со слезами слушаетъ, когда Лина ему разсказываетъ, какъ я люблю дитя. Оботреть шелковымъ платочкомъ свои слезливые голубые глазки, приложить ко лбу мальчика свой бѣлый палець и шепчетъ:

— Перстъ Божій! персты! Мы всѣ сами по себѣ не значимъ ничего. И прочитаетъ въ нѣмецкомъ переводѣ изъ Гафиза:

«Тщетно, художникъ, ты мнишь,
Что твореній своихъ—ты создатель.»

Меня повысили въ должности и дали мнѣ новый чинъ. Это поправило наши достатки. Прошло три года. Дѣтей болѣе не было. Лина прихварывала. Андрей Васильевичъ далъ мнѣ командировку въ Англію для приѣма портовыхъ заказовъ. Линѣ совѣтовали погѣниться въ Дубельнѣ у Нордштрема, въ его гидронатической лѣчебницѣ. Я ихъ завезъ туда и устроилъ въ Майоренгофѣ, на самомъ берегу моря. Слагалось прекрасно: я пробуду мѣсяца два за границей, а онѣ у Нордштрема. Чудесный старикъ-нѣмецъ, и терпѣть не могъ остзейскихъ нѣмцевъ, все ихъ ругалъ по-русски «прохвостами». Больныхъ заставлялъ ходить по берегу то босикомъ, то совсѣмъ нагиномъ. Въ аптечное лѣченіе не вѣрилъ нисколько и надъ всѣми докторами смѣялся. Исключеніе дѣлалъ только для одного московскаго Захарьина.

— Этотъ, говорилъ, — одинъ чисто дѣйствуетъ: онѣ попялъ дѣло и напалъ на свою роль.

А похвала эта, впрочемъ, въ простомъ изъясненіи сводилась къ тому, что онѣ почиталъ знаменитаго московскаго врача «объюродѣвшимъ», но увѣрялъ, что «въ Москвѣ такіе люди необходимы», и что она потому и крѣпка, что держится «credo quia absurdum».

Любопытный былъ человекъ! Жилъ холостякомъ, бракъ считалъ недостойнымъ и запоздалымъ учрежденіемъ, остающимся пока еще только потому, что люди не могутъ найти, чѣмъ бы его замѣнить; ходилъ часто безъ шапки, съ толстой дубиной въ рукѣ, ѣлъ мало, вина не пилъ и не курилъ, и былъ очень уменъ.

Моя теща пользовалась его расположеніемъ «какъ умная нѣмка». Жена моя должна была у него лѣчиться. Постѣ

она хотѣла съѣздить къ Tante Августѣ въ Полагенъ, гдѣ море гораздо солонѣе.

Я сказала:

— Прекрасно.

— И Фриде съ собою возьмемъ: надо его показать тантѣ и Аврорѣ; она вѣдь его еще не видала.

— Пожалуйста, возьмите; его только и остается показывать тантѣ Августѣ да Аврорѣ.

Лина укоризненно покачала головою.

— Какой ты, говорить,—злой!

— Да, я злой; а вы съ своей мамой очень добрыя: вы такъ устроили, что мнѣ своимъ роднымъ сына показывать стыдно.

— Почему же стыдно?

— Нѣмецъ!.. лютеранинъ!

— Ну, такъ что же такое?

— Ничего больше.

— Будто не все равно? Всѣ христіане.

— То-то и есть, вѣрно, не все равно. И я такъ думаю: не все ли равно, а вотъ по-вашему, видно, не все равно: вы взяли да и переправили его изъ Никитки на Готфрида.

А женѣ ужъ нечего сказать, такъ она отвѣчаетъ:

— Ты придираешься. Лишнюю комнату, которая у насъ наверху, мы отдадимъ дядѣ-барону (т. е. Андрею Васильевичу).

— Чудесно.

— Вѣдь мы ему много обязаны.

— Конечно.

— Онъ очень любитъ Нордстрема.

— И Нордстремъ его любитъ.

— Правда?

— Да.

— Онъ тебѣ говорилъ это?

— Какъ же. Онъ мнѣ говорилъ, что баронъ — гороховый шутъ.

Лина обидѣлась.

— Я, говорить,—думаю, что ты шутишь.

— Нѣтъ, не шучу; но, впрочемъ, Нордстремъ хотѣлъ свести барона съ какимъ-то пасторомъ, который одну ночь говорить во снѣ по-еврейски, а другую—по-гречески.

Лина замѣтила мнѣ, что я дерзокъ и неблагодаренъ.

Въ ней была какая-то нервность. Такъ мы разстались и почти три мѣсяца не видались. Въ разлукѣ, въ моемъ настроеніи, разумѣется, произошла переменна: огорченія потеряли свою остроту, а хорошія, радостныя минуты жизни всплывали и манили къ женѣ. Я вѣдь ее любилъ и теперь люблю.

Андрей Васильевичъ встрѣтилъ меня въ Ригѣ на самомъ вокзалѣ, повелъ завтракать въ паркъ и въ первую статью рассказалъ свою радость. Пасторъ, съ которымъ познакомилъ его Нордштремъ и который «во снѣ говорилъ одну ночь по-еврейски, а другую — по-гречески», принесъ ему «обновленіе смысла».

— Что же такое онъ открылъ?

— А, другъ мой,—это благословенная, это великая вещь! Я теперь могу молиться такъ, какъ до этой поры никогда не молился. Сомнѣнья больше нѣтъ!

— Это большая радость.

— Да, это радость. Впрочемъ, я всегда думалъ и подозревалъ, что здѣсь нѣчто должно быть не такъ, что здѣсь что-то должно быть иначе. Я говорю о «Молитвѣ Господней».

— Я ничего не понимаю.

— Но вѣдь вы ее знаете?

— «Отче нашъ»-то?—Ну, конечно, знаю.

— И помните прошеніе: «Хлѣбъ нашъ *насущный* дай намъ сегодня?»

— Да, это такъ.

— А вотъ то-то и есть, что это не такъ.

— Позвольте...

— Да, не такъ, не такъ! Я и прежде задумывался: какъ это странно!.. «Не о хлѣбѣ чловѣкъ живѣтъ», и «не безпокойтесь, что будете ѣсть или пить», а тутъ вдругъ прошеніе о хлѣбѣ... Но теперь онъ мнѣ открылъ глаза.

— А мнѣ хочется сперва въ Дубельнъ, къ женѣ... боюсь, какъ бы не пропустить поѣзда.

— Нѣтъ, не пропустимъ. Вы понимаете по-гречески слово: «ἐπιούσιος»?

— Не понимаю.

— Это значитъ: «над-сущный», а не насущный,—хлѣбъ не вещественный, а духовный... Все ясно!

— Я перебилъ:

— Позвольте, говорю, — вы мнѣ это что-то еретическое внушаете. Мнѣ это нельзя.

— Почему?

— Я человекъ истинно русскій и православный, — мнѣ нуженъ «хлѣбъ насущный», а не *над-сущный*!

— Ахъ, да! А я теперь въ восторгѣ читаю эту молитву, и васъ все-таки съ пасторомъ познакомлю. Это я непременно и хотѣлъ, чтобы онъ, а не другой пасторъ крестилъ маленькаго Волю, и онъ это сдѣлалъ...

— Какого Волю?

— А второй сынъ вашъ, Освальдъ!

— Ничего не понимаю!.. Какой сынъ?.. У меня одинъ сынъ, Готфридъ!

— Это первый, а второй-то, второй, который мѣсяцъ назадъ родился!

— Что?.. Мѣсяцъ назадъ?.. Что же онъ тоже «επιόβολος», что ли, необыкновенный, *над-сущный*? Откуда онъ взялся?

— Его мать—Лина.

— Но она не была беременна.

— А, этого я не знаю.

Я виѣ себя, бросаю Андрея Васильевича и лечу къ себѣ на дачу, и первое, что встрѣчаю—теща, «всѣми уважаемая баронесса». Не могу здороваться и прямо спрашиваю:

— Что случилось?

— Ничего особеннаго.

— У Лины родился ребенокъ?

— Да.

— Какъ же это такъ?.. Отчего же?..

— Что за вопросъ!

— Нѣтъ, позвольте!.. Какъ же, три мѣсяца тому назадъ, когда я уѣзжалъ... я ничего не зналъ? Въ три мѣсяца это не могло сдѣлаться!

— Конечно... Это надо девять мѣсяцевъ. Зачѣмъ же ты это не зналъ?

— Почему же я могъ знать, когда мнѣ ничего не говорили?

— Ты самъ могъ знать по числамъ.

— Чортъ вы, говорю, — чортъ, а не женщина! Чорты! чорты!

Это вдругъ такой оборотъ-то послѣ того, какъ я къ ба-

ронессѣ чувствовалъ одно уваженіе и почтительно къ ней относился!

Ну, дальше что же рассказывать! Разумѣется, хоть лопни съ досады — ничего не подѣлаешь! Опять все кончилось, какъ и въ первомъ случаѣ. Только я уже не истеричничалъ, не плакалъ надъ своимъ вторымъ нѣмцемъ, а окончила объясненіе въ мажорномъ тонѣ.

Я сказала баронессѣ, что терпѣніе мое лопнуло и что я въ моихъ отношеніяхъ къ семьѣ перемѣняюсь.

— Какъ? Зачѣмъ перемѣняться?

— А такъ, говорю, — что совсѣмъ перемѣнюсь, — вы вѣдь еще не знаете, какой у меня неизвѣстный характеръ.

— А какой неизвѣстный характеръ?

— Я вамъ говорю — «неизвѣстный». Я и самъ не знаю, что я могу сдѣлать, если выйду изъ терпѣнія. Вы это имѣйте въ виду, если еще разъ захотите мнѣ сдѣлать сюрпризъ по числамъ.

— Какая глупость!

— Ну, вотъ, смотрите!

У меня явился какой-то дьявольскій порывъ — схватить пѣтихоньку у нихъ этого Освальда и швырнуть его въ море. Слава Богу, что это прошло. Я ходилъ-ходилъ, — и по горѣ, и по берегу, а при восходѣ луны сѣлъ на песчаной дюнѣ и все еще ничего не могъ придумать: какъ же мнѣ теперь быть, что написать въ Москву и въ Калугу, и какъ дальше держать себя въ своемъ собственномъ, пѣвкогда мнѣ столь милomъ семействѣ, которое теперь какъ будто взбѣсилось и стало самымъ упрямымъ и самымъ строптивымъ.

Вдругъ, на счастье мое, вижу, по берегу моря идетъ мой благодѣтель, Андрей Васильевичъ, одинъ, съ своей вѣрной собачкой и съ книгой, съ библией. Кортикъ мотается, а самъ какъ пѣтушокъ распѣваетъ, безмятежнымъ старческимъ выкрикомъ:

Я усталъ, — иду къ покою;

Отче! очи мнѣ закрой,

И съ любовью надо мною

Будь хранитель вѣрный мой!

И какимъ молодцомъ идетъ на своихъ тоненькихъ ножкахъ, и все выше и выше задуваетъ высокимъ фальцетомъ:

И сегодня, безъ сомнѣнья,

Я виновень предъ Тобой;

Дай мнѣ всѣхъ грѣховъ прощенье,
Тѣлу—сонъ, душѣ—покой!

Мнѣ стало завидно его бодрости и спокойствію, да и къ жизни, къ общенію съ людьми опять меня поманило, и на умъ пришла шутка.

«Нѣтъ, постой ты, думаю, — старый пѣвунъ: пока ты дойдешь до своей постели, чтобы вкушать сонъ и покой, котораго просишь, — я тебя порастравлю за то, въ чемъ, кажется, и ты «виновенъ безъ сомнѣнья».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Я покинулъ холмъ, гдѣ сидѣлъ, и безъ труда догналъ Андрея Васильевича.

Адмиралъ, увидя меня, очень обрадовался и сердечно меня обнялъ.

— Здравствуйте, говорить, — мой другъ, здравствуйте! Какая послѣ чудеснаго дня становится чудесная ночь! Я въ упоеньи, — гуляю и молюсь, все повторяю «Отче нашъ» въ новомъ разночтеніи, — благодарю за «хлѣбъ *над-сущный*» и моему сердцу легко. «Сердце полно, — будемъ Богу благодарны». А вы какъ себя чувствуете?.. Вы тоже гуляли?

— Да, гулялъ.

— Прекрасный вечеръ. Теперь домой?

— Домой.

— Вотъ и чудесно, и пойдемъ вмѣстѣ. Я не скучаю и одинъ, но съ сердечнымъ, съ сочувственнымъ и благородно-мыслящимъ человѣкомъ вдвоемъ еще веселѣй... А вы вѣрно узнали все, какъ это случилось, и тоже спокойны?

— Нѣтъ, отвѣчаю, — я ничего не узналъ, да и не хочу узнавать!

— Да, это перстъ Божій.

— Ну, позвольте... ужъ вы хоть перстъ-то оставьте.

— Отчего же? Когда нельзя понять, — надо признать перстъ.

— А я скорѣе согласенъ видѣть въ этомъ чей-то шишъ, а не перстъ.

Онъ остановился, какъ будто долго не могъ понять, а потомъ помоталъ передъ собою пальцемъ и произнесъ:

— Ни-ни-ни! Это перстъ!.. И вы никогда больше не говорите «шишъ», потому что «шишъ», — это русскій нигилизмъ.

— Ну, ужъ нигилизмъ или не нигилизмъ, а я тутъ перста не вижу. Перстъ не указываетъ, какъ обманывать чело-вѣка, а здѣсь обманъ, и потому я принимаю это за нишгъ, показанный всему моему дальнѣйшему семейному благополу-чю. Семейное счастье мое разстроено...

— Почему?

«Ахъ, ты, думаю, — тупица этакій! Еще извольте ему разъяснить «почему»!»

— Я не могу больше вѣрить самымъ близкимъ людямъ.

— То-то: почему?

«Фу, чортъ тебя возьми! думаю.—Ишь въ чемъ у нихъ, между прочимъ, сила кроется. Чего они не хотятъ понять, того и не понимаютъ. Такъ и моя жена, и всѣми уважае-мая теща, и этотъ благочестивый пѣвунюкъ.—А я же васъ разочарую по-русски, откровенно.»

И говорю:

— Я, ваше превосходительство, вамъ скажу только одно: я вамъ скажу, до какихъ острыхъ объясненій у насъ дошло стъ баронессою, которую, какъ вы знаете, я любилъ и ува-жать какъ родную мать.

— Знаю, знаю! И она этого стѣдить.

— Да, а теперь я ей пригрозилъ.

— Чѣмъ?... Какъ можно пригрозать!

— Такъ... сказалъ, что я больше ничего не потерплю, и что у меня есть ужасныя черты въ характерѣ, которыхъ я самъ боюсь.

— Вы это пошутили?

— Нѣтъ,—совершенно серьезно.

— А чтѣ вы, на примѣръ, можете сдѣлать?

— Не знаю...

— Какъ же не знаете?

— Въ томъ-то для меня и есть самый большой ужасъ, что я самъ не знаю. Я терплю много и долго, держу себя... какъ воспитанный челоувѣкъ, какъ европеецъ; а потомъ, если меня стануть очень сильно скребсти,—я и освирипѣю, какъ быкъ.

— Какъ быкъ!.. Гм!.. Это скверно.

— И я впередъ вамъ говорю, что это можетъ кончиться скверно.

— На примѣръ—какъ?

— А напимѣрь такъ, что я сегодня-было вздумалъ швырнуть за ноги это дитя.

— Ой, какая гадость!

— Да, это гадость, но вѣдь и со мною дѣлають нехорошее. Пословица говорить: «противъ жару и котель треснетъ».

— А-га! Хорошая пословица. Я очень люблю русскія пословицы. Но это не годится. Дитя ничѣмъ не виновато.

— Ну, я донось на собственную семью напину и пошло.

— Офицеръ!.. Доносъ!

— Да, самъ на себя.

— Этого никто не дѣлаеть.

— Нѣтъ, дѣлають; въ бракоразводныхъ дѣлахъ даже очень часто дѣлають.

— Нѣтъ, ужъ вы этого не дѣлайте.

— Ну, такъ вотъ вы меня, ваше превосходительство, научите, что же мнѣ дѣлать-то, чего держаться и какъ изъ себя не выйти?

— Держитесь русской пословицы.

— Которой прикажете?

— «Когда ты хочешь разсердиться, подумай, что ты говоришь съ генераль-губернаторомъ».

— Такой пословицы нѣтъ.

— Есть.

— Да ужъ позвольте мнѣ, какъ русскому, лучше знать, что такой пословицы нѣтъ.

— Я ее отъ князя Суворова въ Ригѣ слышалъ.

— Про рижскаго князя Суворова про самого-то етѣдить пословицу сложить.

— Это правда, правда. Онъ фантазеръ, но добрякъ. Много, что было невозможно, онъ сдѣлать возможнымъ. Его, бывало, попросятъ, — онъ скажетъ: «это возможно». Очень жаль, что его больше нѣтъ, — и вамъ было бы хорошо.

— Мнѣ все равно, меня мучить только, какъ своимъ роднымъ написать, что у меня все нѣмцы родятся.

— Да!.. въ самомъ дѣлѣ: какъ бы имъ это написать?

— Я имъ чистосердечно во всемъ признаюсь, что я ихъ по вашей милости обманывалъ, и что у меня сына Никиты нѣтъ, а есть даже два сына, и оба нѣмца. Пусть и отецъ и дядя это узнають, и они меня пожалѣють, и отпишутъ свое наслѣдство, находящееся въ Россіи, дѣтямъ моей

сестры; русскимъ и православнымъ, а не моимъ дѣтямъ-нѣмцамъ, Роберту и Бертраму.

— Фуй!

— Отчего фуй? Я больше лгать не хочу. Приду домой и напишу: мнѣ будетъ легче.

— Чѣмъ же легче?

— Тѣмъ, что я не буду больше моихъ честныхъ стариковъ обманывать.

Адмираль задумался и прошепталъ:

— Это тоже правда.

— Конечно, правда.

— А вы первый разъ имъ... о первомъ ребенкѣ какъ написали?

— Я тогда солгалъ.

— А-а! Какъ жалъ!

— Да, я нагло и гнусно солгалъ.

— Что же именно?

— Свалилъ все дѣло на *fausse couche*.

— Недурно! Очень хорошо!—Теперь свалите на фоскушку!

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я попробую придумать что-нибудь другое.

— Зачѣмъ? Лучше этого не придумаете.

Разстались. Я вернулся домой и въ самомъ дѣлѣ сѣлъ писать чистосердечное признаніе... Какъ-то не пишется... Противно это излагать, какая я тряпка, что у меня все рождаются нѣмцы, и я не могу этого прекратить.

Чортъ возьми нашу телѣгу и всѣ четыре колеса! При случаѣ напишаль про фоскушку.

Опять живемъ. Получилъ брестъ и денегъ дали.

Къ жизни охладѣлъ, и къ тѣмъ вопросамъ, которые приходятъ изъ Россіи, охладѣлъ. Семья-нѣмцы растутъ, живу хорошо и очень тихо. Ну ихъ совсѣмъ, всѣ вопросы! Это надо имѣть къ нимъ охоту и здоровые нервы, чтобы ими заниматься. И то не здѣсь и не въ колыванской семьѣ. Никитки отъ меня больше не ждуть и не требуютъ. Все замерло тамъ и приутихло, и во мнѣ, казалось бы, конецъ. Но только какъ пуганая ворона сучка боится, такъ и я: изъ дому отлучаться боюсь. Думаю: кажется, безопасно, кажется, ничего нѣтъ, а между тѣмъ, Богъ ихъ знаетъ, какая у нихъ... природа какай-то «над-сущная»: неравно вернешься, а у нихъ уже и поеть въ пеленкахъ новый нѣмецъ.

Этого я не хотѣлъ больше ни за что, и, признаюсь вамъ въ своей низости, болѣе для этого и съ отцомъ Федоромъ Знаменскимъ познакомился, когда его назначили благочиннымъ. Пошелъ къ нему исповѣдаться и говорю:

— Вотъ что въ моемъ семействѣ два раза было. Я самъ вамъ объ этомъ объявляю. Вы теперь благочинный, должны за этимъ смотрѣть, чтобы законъ не обходили. Я часто бываю въ отлучкахъ, а вы смотрите... А то я самъ послѣ на васъ донесу.

Онъ испугался и денегъ за исповѣдь не взялъ и вмѣсто отпуска сказалъ мнѣ: «мое почтенье», а деноса не подалъ.

Трусъ неописанный. Но зато и безъ его помощи нечего стало бояться. Одно горе прошло,—стала надвигаться другая туча. Моему семейному счастью угрожало неожиданное бѣдствіе съ другой стороны: всегда пользовавшаяся превосходнымъ здоровьемъ Лина начала хворать. Измѣняется въ лицѣ, цвѣтъ дѣлается сѣроватый, зловѣщій.

Я себя не помню отъ отчаянія. Клянусь себя за то, что когда-нибудь что-нибудь ей скажалъ, плачу какъ безумный.

• Она меня ободряетъ и утѣшаетъ.

— Успокойся, говоритъ,—я буду жить.

Мать, баронесса, являетъ безмѣрную силу любви и самообладанія.

Здѣшніе врачи нашли у нея что-то непонятное. Лина и баронесса отправились въ Ригу. Тамъ имъ сказали, что нужна скорая операція. Разсуждаемъ: въ Петербургъ, или въ Берлинъ? Разумѣется, въ Берлинъ: лучше и дешевле. Я не спорю; гдѣ больная хочетъ, пусть тамъ и будетъ. Дѣтей, чтобы они не оставались одни при моихъ отлучкахъ по службѣ, рѣшили завезти по дорогѣ къ тантѣ Августѣ и кузинѣ Аврорѣ. Такъ я по необходимой служебной надобности ушелъ въ море тотчасъ съ началомъ навигаціи, а онѣ должны были выѣхать черезъ недѣлю, когда Лина будетъ себя немножко крѣпче чувствовать. Я жду отъ нихъ въ условленныхъ мѣстахъ извѣстій объ отъѣздѣ; но сначала писемъ нѣтъ, а потомъ извѣщаютъ, что «еще не выѣхали», послѣ, — что «на Лину прекрасно дѣйствуетъ покой и воздухъ», еще позже, — что «къ удивленію можно сказать, что врачи въ Ригѣ, кажется, ошибались и что операціи вовсе, можетъ-быть, не нужно», и наконецъ, —

что «Лина поправляется и онѣ переѣзжаютъ изъ города на дачу въ Екатерининталь».

Это послѣднее извѣстіе шло долго, и я получилъ его только двѣ недѣли тому назадъ, вмѣстѣ съ другимъ извѣстіемъ, что дядя изъ Москвы пишетъ, что отецъ мой умеръ и завѣщалъ имѣніице мнѣ и «моимъ дѣтямъ».

Я и обрадовался благоприятной ошибкѣ врачей, и очень поскорбѣлъ и поплакалъ объ отцѣ, котораго давно не видалъ, а теперь совсѣмъ его лишился. И вотъ вчерашній день, разстроенный всѣмъ этимъ, возвращаюсь домой, влетаю въ комнаты, стремлюсь обнять жену—и вижу у нея на рукахъ грудное дитя!

Боже мой! Я ударилъ себя ладонью въ лобъ и спросилъ только:

— Какъ его имя?

— Гуня.

— Что это значить?

— Гунтеръ!

— Значить, я и въ третій разъ обмануть!

Выходитъ баронесса и тихо говоритъ:

— Никакого обмана нѣтъ,—это ошибкой подкралось.

Остальное вы сами знаете. Слово «подкралось» такъ вдругъ лишило меня разсудка, что я надѣлалъ все, что вы знаете. Я ихъ прогналъ, какъ грубіянь. И вотъ теперь, когда я все это сдѣлалъ,—открылъ въ себѣ татарина и разбилъ навсегда свое семейство, я презираю и себя, и всю эту свою борьбу, и всю возню изъ-за Никитки: теперь я хочу одного—умереть! Отецъ Федоръ думаетъ, что у меня это прошло, но онъ ошибается: я не стану жить.

— Вы хотите довольно дешево отдѣлаться,—произнесъ по-нѣмецки молодой и сильный женскій голосъ, впадающій въ контраalto.

Мы оба оглянулись и увидѣли на дорожкѣ, у самой дверцы, стройную молодую дѣвушку, изо всего лица которой, отгнѣннаго широкими полями соломенной шляпы, былъ виденъ одинъ нѣжный, но сильный подбородокъ.

Я узналъ, что это была Аврора, и почувствовалъ въ душѣ большую радость. Я здѣсь становился совершенно излишнимъ, и притомъ этотъ разбитый человекъ теперь будетъ управленъ хорошимъ кормчимъ.

Кузина Аврора, конечно, за этимъ предстала и, посмо-

трѣвъ на нее, можно было сказать, что она знаетъ, что надо сдѣлать, и что надо, то и будетъ сдѣлано.

— Умереть легко; надо не умереть и оставить семью безъ опоры... *а возвратитъ себѣ расположеніе жены и уваженіе людей*— вотъ что должно быть достигнуто!— услыхаль я черезъ открытое окно своей комнаты, и тотчасъ же посиѣвшиль взять шляпу и уйти изъ дома, чтобы не быть нескромнымъ свидѣтелемъ щекотливаго и важнаго семейнаго разговора. Но живое любопытство и особенное вниманіе, какое возбуждала къ себѣ эта, такъ театрално какъ будто по пьесѣ для развязки назначенная, эфирная Аврора, — побуждали меня узнать: что тутъ случится, что эта оригинальная и смѣлая дѣвушка выдумаетъ, и что устроить. Какъ она поможетъ этому бѣдняку достигъ исполненія очень трудной, но въ самомъ дѣлѣ необходимой и единственно достойной въ его положеніи задачи: «не оставить семью безъ своей опоры и возвратитъ себѣ расположеніе жены и уваженіе людей».

Это совсѣмъ не пѣсенка изъ московскаго пѣсенника на голосѣ: «Когда сынъ у насъ родится—мы Никитой назовемъ», а это трудная, серьезно задуманная fuga, развить которую есть серьезная цѣль для всего предстоящаго, но зато сколько надо имѣть смысла и терпѣнія, чтобы всю эту fuga вывести одною рукою!

Fuga, какъ стройный рядъ повтораемостей, берется сначала однимъ голосомъ безъ всякаго аккомпанемента и ея основная тема называется «вождемъ» (Führer), а когда онъ окончитъ—другіе повторяютъ то же въ ладѣ доминанты главнаго тона (Antwort).

Иначе это не идетъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Въ семьѣ, потрясенной описанными событіями, все стало тихо: весь безпорядокъ прекратился и какъ будто ничего особеннаго и не случилось. Было опять утро и былъ вечеръ въ день второй. Я, кажется, больше всѣхъ былъ обезпокоенъ и боялся взглянуть въ садъ, а по двору проходилъ не иначе какъ послѣ обозрѣнія, что путь свободенъ. На третій день былъ праздникъ «Johannes», соотвѣтствующій нашему Купалѣ. Всѣ уѣзжали in's Grüne на мызу. Тамъ пили, ѣли, пѣли и танцовали, а дѣвушки

плели вѣнки и украшались ими. И я былъ тамъ. Много ходилъ, усталъ и за небольшую плату, внесенную какому-то рабочему при мызѣ, помѣстился отдохнуть на сѣносушкѣ. Это была деревянная постройка, сдѣланная такимъ образомъ: внизу срубъ небольшой, на немъ балки, превосходящая величиною этотъ срубъ, и на нихъ второй, верхній срубъ, обширнѣе нижняго. Въ этомъ верхнемъ срубѣ—кладовая и сушильня. Выше ея, подь самую крышею, оригинальный карнизъ, состоящій изъ цѣлаго ряда совершенно однообразныхъ и правильно размѣщенныхъ скворешницъ. Здѣсь свѣжо, сухо, нѣтъ никакихъ досадительныхъ насѣкомыхъ, а только скворцы то тихо копошатся въ своихъ скворешняхъ, то торопливо рокочутъ, веди другъ съ другомъ торопливыя и жаркія бесѣды на трехъ огромнѣйшихъ липахъ.

Вся площадка, гдѣ построена эта сушильня, обнесена высокимъ частоколомъ, образовавшимъ дворикъ, на которомъ стояли подь навѣсомъ два плуга, тележка и ометъ соломы. Подь липами былъ круглый столъ, утвержденный на столбѣ, двѣ скамейки и самодѣльный тяжелый стулъ изъ карельской березы. Въ нижнемъ этажѣ сушильни было жилое помѣщеніе для того работника, который далъ мнѣ отрядный пріютъ на сѣнѣ.

Я спалъ довольно долго и крѣпко, и проснулся какъ будто отъ оживленнаго говора, который слышался снизу.

Это и въ самомъ дѣлѣ было такъ.

При пробужденіи своемъ я услыхалъ три раза и твердо повторенное:

— Pain! pain! pain!

Это произносилъ молодой, сильный голосъ, и произносилъ именно «pain», а не «pein», и притомъ съ усиленною твердостью и съ энергіею. Голосъ мнѣ показался знакомымъ.

Другой, болѣе густой, но тихій голосъ отвѣчалъ:

— Но вѣдь это же очень несправедливо и странно, Аврора. Ты должна же признать, что если не правъ и даже много виноватъ я въ своей непростительной несдержанности и грубости, для которой я и не ищу оправданій, то вѣдь не правы и онѣ.

Это былъ голосъ моряка Сипачева.

Въ отвѣтъ на его слова опять послышалось то же самое упорное:

— Nain, nain!

— Какое возмутительное упорство!

— Nain, это не упорство. Упорство въ тебѣ.

— Ну, въ такомъ случаѣ это — дикость.

— О да, да! Непремѣнно! Но тебѣ, можетъ-быть, неудобно говорить о дикости! Вѣдь ты сегодня именинникъ, мы сегодня пируемъ здѣсь твой день, и я тебя увела сюда не для того, чтобы говорить о прошломъ, а для того, чтобы сказать тебѣ наединѣ радость, что открывается въ настоящемъ и будущемъ.

— Ты всегда живешь въ будущемъ.

— Nain! Я живу *только въ настоящемъ*, но для будущаго.

— Слушаю.

— Onkel баронъ сейчасъ мнѣ шепнулъ, что онъ получилъ отъ Литке отвѣтную денешу: тебя назначаютъ на корабль, который выйдетъ въ кругосвѣтное плаваніе. Онъ теперь уже въ Плимутѣ, и ты долженъ его догнать; тебѣ послѣзавтра надо выѣхать.

— Гм!.. Прекрасно. Это баронъ Андрей Васильевичъ все исполнилъ по вашей командѣ, милая Аврора?

— Аврора никѣмъ не командуетъ.

— Я готовъ... готовъ, и я даже радъ, что ты это исплотала, Аврора.

— Еще бы не радоваться! Это единственный способъ дать всему успокоиться. Ты послѣ возвратишься домой съ успокоеннымъ сердцемъ.

— Да, но только это вѣдь я возвращусь не ближе какъ черезъ два года, Аврора.

— Да, это будетъ *всего* черезъ два года; но если сильно надъ собою наблюдать и хорошо себя школить, то и этого времени довольно, чтобы передѣлать въ себѣ, что не годится.

— Это все одинъ я долженъ въ себѣ все передѣлывать?

— Конечно, ты; но вовсе не все, а только то, что мѣшаетъ твоему семейному благополучію.

— А два года изъ жизни вонъ?

— Почему «вонъ»? Что употреблено на исправленіе себя, то не потеряно. Дѣло не въ *долгой* жизни, а въ *достойной* жизни.

— А другіе въ это время ничего не будутъ въ себѣ ни исправлять, ни передѣлывать?

— Имъ нечего передѣлывать. Развѣ постараться сдѣлать себя хуже.

Аврора захохотала и шутливо добавила:— Можеть - быть ты думаешь, что это и стоило бы для тебя сдѣлать?

— Я думаю не это, а я думаю, что я вспыльчивый и дурно воспитанный человекъ, но что и тѣ, кто привелъ меня въ состояніе безумнаго гнѣва, тоже не правы.

— Nain!—перебила Аврора.

— Вы поступали со мною непростительно дурно.

— Nain!

— Вы поступили зло, упрямо, узко...

— Nain!

— И, наконецъ, безчестно!..

— Nain!

— Вы отравили мое спокойствіе, вы лишили меня возможности откровенныхъ отношеній съ моими родными, сдѣлали всѣхъ дѣтей лютеранами, когда они должны были быть русскими.

— Nain!

Очевидно, — ей теперь хоть колъ на головѣ теши — она все будетъ твердить свое «nain».

Я приложилъ глазъ къ одной изъ рѣзныхъ продушинъ сушильной стѣны, чтобы посмотрѣть на ея лицо. Я хотѣлъ видѣть: какое оно теперь имѣетъ выраженіе—и оно меня неприятно поразило. Это лицо ясно говорило, что Аврора не желаетъ знать никакихъ доводовъ, и что къ справедливости или къ разсудку въ разговорѣ съ нею теперь звать напрасно. Она видѣла только то, что хотѣла видѣть, и шла къ тому, чего хотѣла достигать. Все это можно бы принять за тупость, но такому заключенію противорѣчилъ быстрый и умный взглядъ ея изящныхъ сѣрыхъ глазъ и чертовски твердое выраженіе подбородка.

Произнося свое «nain», она точно что-то отгрызала и, откусивъ, даже не смыкала губъ, а оставляла ихъ открытыми, чтобы опять еще и еще разъ что-то перекусить и бросить. Ея бѣлые, правильные зубы были оскалены какъ у разсерженнаго звѣрка.

Она говорила стоя, поворотясь къ собесѣднику спиною,

и судорожно копала и расшвыривала землю наскою своего сѣраго кружевного зонтика съ коричневой лентой.

Морякъ сидѣлъ на одной изъ скамеекъ; но когда Аврора на всѣ его доводы отвѣтила «найнъ», онъ порывисто всталъ и сказалъ:

— Ну, хорошо. Довольно. Я не буду съ тобою болѣе спорить. Я тебя даже очень благодарю. Твое жестокое упрямство послужить мнѣ въ пользу... Когда я буду отъ васъ далеко... и одинъ... и когда мнѣ станеть о васъ скучно... я вспомню тебя вотъ такую, какой вижу теперь... и мнѣ будетъ легче.

— Nain!

— Какъ это «найнъ»?.. Я тебѣ сказалъ: мнѣ будетъ легче.

— Nain!

— Почему «найнъ»?

Аврора полуоборотилась къ нему и, топнувъ ногою, произнесла придыханіемъ:

— Потому, что ты меня будешь вспоминать не такую!

Офицеръ улыбнулся и, тихо вставъ съ мѣста, взялъ и поцѣловалъ руку Авроры.

— Ты права,—проговорилъ онъ, поцѣловалъ ту же руку вторично и добавилъ:—но знай, Аврора, что ты сегодня самая противная, самая упрямая нѣмка.

— О, я думаю!—отвѣчала, такъ же улыбаясь и пожавъ плечами Аврора.—Вѣдь это только мы, упрямья нѣмки, и имѣемъ дурную привычку додѣлывать до конца свое дѣло. Не-нѣмка надѣлала бы совсѣмъ другое,—у нея тутъ были бы и слезы, и угрозы, и sacrifice или примиреніе ни на чемъ, до перваго новаго случая ни изъ-за чего. Да, я нѣмка, мой милый Johann!.. я упрямая нѣмка.

— И очень красивая, чортъ возьми, нѣмка!

— Да, да, да! «Чортъ кого-нибудь возьми» — я и довольно красивая нѣмка.

Онъ опять взялъ ея руку и проговорилъ:

— Но уступи же мнѣ хоть что-нибудь.

— Ничего!

— Ну, такъ и я же поставлю на своемъ: я буду звать вашего Гунтера—Никиткой.

— Что-о?!

— Вотъ этого третьяго мальчишку я буду звать Никиткой.

Аврора громко разсмѣялась.

— Можешь, можешь... Это будетъ очень забавно!

А въ это время изъ-за частоккола показался баронъ Андрей Васильевичъ и ласково заговорилъ:

— Что это могло такъ разсмѣшить нашу милую крошку, Аврору?

Аврора показала пальцемъ на офицера и проговорила:

— Онъ будетъ называть своего третьяго сына Никиткой!

— И прекрасно!—воскликнулъ баронъ.—А ты, Аврора, въ самомъ дѣлѣ остаешься здѣсь, съ нами, съ кузиной и съ тантой?

— Да, Onkel, я буду жить съ Tante и съ Линой.

— И пробудешь все время, пока онъ возвратится?

— Да, Onkel.

— Милое дитя! А ты сама... Думаешь ли ты когда-нибудь о себѣ?

— Что думать, Onkel!—это вредно.

— Ты развѣ до сихъ поръ никого особенно не любишь?

— Ай-ай! къ чему вамъ знать это, Onkel?

— Прости. Я думалъ, вѣдь и тебѣ пора. Года идутъ.

— О, не беспокойтесь, Onkel! Моя пора любить уже настала, и я съ нея собираю плоды.

— Ага! Что же даетъ тебѣ эта любовь?

— Удовольствіе видѣть счастье тѣхъ, кого я люблю, Onkel!

— И этого съ тебя развѣ довольно?

— Этого?... Этого много, Onkel. Это только стѣбитъ пачать,—и потомъ это никогда не окончится!

Старикъ покачалъ головой и сказалъ:

— Да, ты найдешь себѣ роль въ жизни, Аврора.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

И она, дѣйствительно, ее нашла.

Со времени описаннаго происшествія минуло пятнадцать лѣтъ. Я заѣхалъ въ Дрезденъ навѣстить поселившееся тамъ дружественное мнѣ русское семейство, и однажды неожиданно встрѣтилъ у нихъ слабенькаго, но благообразнаго старичка, котораго мнѣ называли барономъ Андреемъ Васильевичемъ. Мы другъ друга насилу узнали и загово-

рили про Ревель, гдѣ видѣлись, и про людей, которыхъ видѣли. Я спросилъ о Сипачевѣ.

— Ну да, да, да!.. Какъ же!.. Онъ здѣсь, былъ здѣсь... здѣсь.

Андрей Васильевичъ говорилъ такъ же ласково и мягко, или даже еще мягче, и теперь онъ даже одѣтъ былъ во все самое мякенькое.

— «Былъ»,—а гдѣ же онъ теперь?

— Онъ умеръ, но умеръ здѣсь. Вѣдь здѣсь его семейство и здѣсь его похоронили. Перстъ Божій! Аврора ему поставила очень хорошій памятникъ на большомъ кладбищѣ. Вы можете видѣть. У нихъ реестръ. Спросите: «гдѣ контръ-адмиралъ Сипачевъ», сейчасъ укажутъ.

— А онъ уже былъ контръ-адмиралъ?

— Какъ же! Какъ же!.. Разумѣется, чинъ дали къ отставкѣ. Прекрасно сдѣлалъ кругосвѣтное плаваніе и прекрасно кончилъ весь кругъ своей жизни. Аврора получаетъ пенсію и много пишетъ сама на фарфорѣ. «W» и «R» внутри буквы «A»—это ея монограмма. Ей очень хорошо платятъ, но у нея вѣдь не мало дѣтей. Старшая дочь уже помогаетъ Аврорѣ.

— Позвольте, говорю,—я не все понимаю: сколько помню, имя его жены—Лина.

— Ахъ, вы еще про ту старину! Лина давно умерла, и мать ея, баронесса, сестра моя, тоже умерла. А когда Лина умирала, она взяла мужа за руку и сказала:—«Ты не плачь, я не боюсь умереть, я боюсь только за тебя и дѣтей. А чтобы я не боялась отойти къ Богу съ покойной душой, дай мнѣ слово непременно жениться на Аврорѣ». И онъ, чтобы не огорчать кроткую Лину, далъ ей это слово. Тогда она позвала Аврору и сказала: «Облегчи мнѣ уходъ мой отсюда: подай ему руку и сохрани его и моихъ дѣтей».—И Аврора подала ему руку. Все такъ и сдѣлалось, какъ просила Лина. Но вы знаете, тамъ... у насъ это было нельзя, потому что когда онъ еще не былъ христианиномъ, онъ былъ два раза женатъ, Лина была его третья жена, и хотя одинъ бракъ его совсѣмъ не былъ бракомъ, но тѣмъ не менѣе ему жениться на Аврорѣ было невозможно. Тогда Аврора сказала:—«пойдемъ отсюда», и они продали все тамъ и пришли сюда, и купили все здѣсь. Ихъ благословилъ пасторъ, у нихъ миленькій домъ, садъ

и мастерская, и печь для фарфора. Перевели сюда его пенсію, и послѣ того, когда Аврора стала его женою, у нихъ было три дочери, и всѣ одна другой лучше. Они прожили въ счастіѣ одиннадцать лѣтъ. Мнѣ стало скучно, и Аврора мнѣ написала: «Onkel, пріѣзжай и ты», и я у нихъ жилъ и живу. Теперь я и совсѣмъ остался здѣсь, при нихъ, потому что одинъ я только мужчина. Надо всегда быть готовымъ въ помощь другъ другу, и перстъ Божій мнѣ такъ указалъ.

— А гдѣ же его сыновья? Вѣдь имъ, я думаю, надо отбывать воинскую повинность въ Россіи?

Баронъ pokrивился и сказалъ:

— Нѣтъ, имъ, я думаю, это не надо. Они вѣдь совсѣмъ... Все ихнее теперь здѣсь... И мать, — эта Tante Augusta. Она вѣдь ихъ воспитала и очень ихъ любитъ, и они ее любятъ, а Аврора Россію не любитъ.

— Да за что она ее такъ — не любитъ?

Адмиралъ пожалъ недоумѣнно плечами и молвилъ:

— Навѣрно не знаю, но думаю такъ, что... Аврора вѣдь очень опредѣленная... и она боится всего неопредѣленного. Мать... и дѣтей любитъ, а тамъ выходитъ все... что-то не-предѣленное.

Иванъ Никитичъ погребенъ въ Дрезденѣ не на рускомъ кладбищѣ; онъ, какъ бычокъ, окончательно отмахнулъ головою и отъ Москвы, и отъ Калуги, и кончилъ свой курсъ нѣмцемъ.

РАКУШАНСКІЙ МЕЛАМЕДЪ.

РАЗСКАЗЪ НА БИВУАКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣло было для насъ неудачливо: мы отступили, но, къ счастью, неприятель насъ болѣе не тревожилъ и давалъ намъ время отдохнуть и оправиться. Мы расположились бивуакомъ въ безопасномъ ущельѣ, раздѣляемъ самыми маленькими сторожевыми отрядами. Нашимъ отрядомъ командовалъ маіоръ Никаноръ Ивановичъ Плескуновъ, очень добрый, спокойный и мужественный офицеръ и изрядный оригиналъ, изъ вымирающей породы Лермонтовскихъ Максимъ Максимовичей. Онъ считалъ за собой одно немаловажное, по его мнѣнію, преимущество, что съ тѣхъ поръ какъ произведенъ въ офицеры, все время служилъ «въ сѣрыхъ войскахъ». Такъ онъ называлъ таможенную стражу, по которой числился, состоя начальникомъ небольшой команды на одномъ изъ весьма извѣстныхъ контрабандныхъ пунктовъ на австрійской границѣ. Война съ турками его разсердила, и онъ бросилъ свой «сѣрый постъ», и перешелъ въ дѣйствующую армію.

Маіоръ Плескуновъ былъ не старъ и не молодъ, не высокъ ростомъ, коренастъ и немножко мужиковать въ манерахъ и въ движеніяхъ, но былъ, какъ я сказала, прямая душа, добрая, и во всѣхъ своихъ сужденіяхъ и взглядахъ на вещи оригиналъ. Онъ былъ беззаветно храбръ, хотя по наружности казался изряднымъ рохлей: не горячился, не вскидывался, не подымался на дыбы, но не робѣлъ и не

надалѣ духомъ, а всегда и вездѣ разсуждалъ и дѣйствовалъ съ настоящимъ твердымъ мужествомъ и съ «прохладкой». Похвалбы онъ терпѣть не могъ и считалъ ее и недостойною военнаго человѣка, и вредною.

— Это,—говорилъ онъ,—дѣло кунечское; наври, чтобы было можно изъ чего уступить, а потомъ и спускай. А наше дѣло солдатское, тутъ что Богъ дастъ.

Понятно, что, держась такого правила, онъ не имѣлъ въ своемъ обычаѣ ни малѣйшей тѣни самохвальства и задора. Рѣчей онъ никакихъ не говорилъ, ни обширныхъ, ни краткихъ, кромѣ общаго внушенія:

— Дѣлай свое дѣло, не стой на мѣстѣ, когда шлютъ впередъ, и не хвались впередъ, чья будетъ горка, а работай.

Горка—это была его поговорка, то-есть чья возьметъ, чей гэрхъ будетъ.

Солдаты Плескунова любили и называли его «настоящимъ командиромъ».

— Форсу, говорили,— не задаешь, а воюешь какъ надо и судить умно: дѣлай, говорить, какъ надо, а горку кому Богъ дастъ, на то Его воля, а не твое распоряженіе.

Хорошъ Плескуновъ былъ и съ офицерами, и съ нами, юнкерами, которыхъ у него въ батальонѣ было не мало. Между нашими офицерами водились люди довольно различнаго калибра: были у насъ и настоящіе армейцы, были и «привилегиранты», прибывшіе къ Балканамъ изъ дальней сѣверной столицы. Никаноръ Ивановичъ не дѣлалъ между ними никакого различія и держалъ себя со всѣми съ нами на самой короткой, товарищеской ногѣ, хотя, впрочемъ, очевидно, въ дѣлѣ оказывалъ больше довѣрія настоящимъ армейцамъ и политиковалъ, говоря, что «у привилегирантовъ мундиры дорого стоятъ, ихъ надо пожалѣть». Но, поступая такимъ образомъ, онъ все-таки не любилъ, чтобы армейцы задирали привилегирантовъ или какъ-нибудь надъ ними подсмѣивались.

— О храбрости Плескунова и о его преданности дѣлу, за которое онъ пришелъ сражаться, покинувъ свою таможенную стражу, не могло быть и рѣчи; первая досаточно доказывалась многочисленными рубцами, которыми все лицо Никанора Ивановича было изборождено отъ контрабандистовъ, съ которыми онъ велъ тридцатилѣтнюю войну, безъ

единого дня перемирія. А что онъ считалъ войну за сла-
внѣе близкою своему сердцу, въ этомъ убѣждало то, что
онъ оставилъ для нея свою старуху, о которой ничего не
говорилъ, кромѣ какъ то, что «она набожна», но которую,
очевидно, любилъ очень сильно.

Ни главнаго, ни ближайшаго своего начальства Плеску-
новъ никогда не критиковалъ и терпѣть не могъ слышать
что-нибудь подобное отъ другихъ.

— Что тебѣ до него за дѣло?—говорилъ онъ, стараясь
всегда остановить критика.—Хорошо намъ съ тобой раз-
суждать, какъ у насъ ума мало, а они, можетъ-быть, больше
знаютъ и путаются. Ты, что ли, въ отвѣтъ за него пойдешь?
Свой носъ, смотри, въ чистотѣ содержи.

Плескуновъ имѣлъ нерасположеніе къ «политиканамъ»,
въ числѣ которыхъ считалъ всѣхъ интересующихся газет-
ными толками и дѣлающихъ по этимъ толкамъ какія бы то
ни было предположенія о высшихъ соображеніяхъ и общей
судьбѣ событій. Газеты же просто ненавидѣлъ, — и всѣ
равно безъ различія, какого бы онѣ ни были направленія,
о чемъ, впрочемъ, онъ едва ли и имѣлъ надлежащее по-
нятіе. Онъ былъ о газетахъ того мнѣнія, какое одно изъ
Грибоѣдовскихъ лицъ высказывало о календаряхъ: «Всѣ
врутъ календари».

— Врутъ-съ,—говорилъ Никаноръ Ивановичъ.

Впрочемъ, Никаноръ Ивановичъ и вообще съ печатью
не дружилъ, окромя какъ съ церковною, въ которой былъ
весьма начитанъ, такъ какъ, по его разсказамъ, они съ же-
ной эти книги всегда другъ другу въ зимніе вечера «гласно»
читали. Если же у кого-нибудь въ отрядѣ появлялся ли-
стокъ газеты, которую тотъ намѣревался прочесть прочимъ,
то Плескуновъ сейчасъ звалъ казака и нарочно громко чѣмъ-
нибудь распорядился. Иной разъ, не зная что сказать, онъ
посылалъ «пошарить», нельзя ли гдѣ-нибудь достать для
него бутылку чуфурляръ-лафиту.

Что это за вино имѣло быть, этотъ «чуфурляръ-лафитъ» —
мы не могли себѣ представить, и думали, что Плескуновъ
его просто намъ на смѣхъ выдумалъ, но Никаноръ Ивано-
вичъ увѣрялъ, что въ Балканахъ неперемѣнно есть такое
вино, что его отецъ, когда дѣлалъ прошедшую турецкую
кампанію, такъ пилъ чуфурляръ-лафитъ и помнилъ о немъ

до самой смерти; а потому какъ Никанору Ивановичу станетъ что-нибудь досадительно, онъ сейчасъ и вспомнить.

— Вѣдь не можетъ же быть, чтобы наши тогда его весь вышили; а если вышили, такъ съ тѣхъ поръ новаго надо было память. Ступай, братецъ казакъ, пошарь хорошенько, — непременно долженъ найти.

Казакъ отправлялся «шарить», но обыкновенно всегда шарилъ безуспѣшно: вина или совсѣмъ не было, или же казакъ, шаря, находилъ вино, но только это было не чуфурляръ-лафитъ.

Плескуновъ и этимъ довольствовался: онъ шилъ, что ему добывалъ казакъ, и говорилъ, что чуфурляръ-лафиту надо будетъ въ другомъ мѣстѣ пошарить. Впрочемъ, вся эта возня съ чуфурляръ-лафитомъ поднималась только тогда, когда маіору угрожало слушаніе газетъ.

Всѣ мы знали эту слабость нашего добраго маіора и порой его щадили, а порой ему досаждали: нарочно заводили съ нимъ споръ, доказывали, что въ наше время невозможно такъ вести дѣла, чтобы не читать газетъ, не думать и не соображать по ходу дѣлъ: чья будетъ горка? И въ тотъ разъ, съ котораго начинается мой разсказъ, мы были на этотъ счетъ очень упрямые: горе каждому изъ насъ брало и досады много накопилось, и ничего-то путемъ нигдѣ узнать не можемъ, а тутъ еще этотъ чудакъ съ своими рацеями.

— Что тебѣ знать хочется? Себя знай хорошенько! Ума, что ли, очень много набралось, тяготить начало! Ступай за пригорокъ, высунь лобъ. Турокъ сейчасъ лишнее выпустить.

Мы его и принялись допекать и, можетъ-быть, первый разъ за всю кампанію такъ пропекли, что онъ ужъ не одного, а двухъ казаковъ послалъ шарить, какъ мы въ ту пору думали, нигдѣ не существующаго чуфурляръ-лафита, а самъ даже отошелъ отъ насъ въ сторону. Но добрая душа его не умѣла долго сердиться, да вѣрно и онъ не всѣмъ былъ доволенъ послѣ несчастливаго дѣла, выбравшись изъ котораго мы не досчитывали и половины своихъ товарищей.

Нельзя было не чувствовать, что намъ жутко и горько, и Плескуновъ, понимая это, сдалъ тону: онъ вернулся къ

нашему кружку, гдѣ жарился болгарскій баранъ, и терпѣливо слушала наши сѣтованія.

Тутъ ему кто-то изъ насъ и молвилъ:

— Что же, Никаноръ Иванычъ, и теперь еще не станете ли ругаться, что смѣемъ считать себя несчастливými?

Онъ вздохнулъ и отвѣчаетъ:

— Нѣтъ; что же ругаться: мы съ женой у Исаи пророка читали, что «усталый и голодный на Самого Бога ропщеть», стало ужъ этому такъ надо быть. Поругайтесь, поругайтесь, можетъ-быть вамъ отъ этого полегчаетъ; а какъ отлежитесь, да поѣдите, такъ можетъ и сдобрится.

Но мы и на это не сдавались.

— Поѣсть, говоримъ, — мы поѣдимъ, а все при своемъ останемся, что не хорошо идетъ.

— Не хорошо-то, отвѣчаетъ, — не хорошо, и говорить нечего, а все еще повременимъ: чья будетъ горка?

— Да нечего, говоримъ, — и временишь, когда уже видно: на чьей сторонѣ горка, если все такъ будетъ.

— Ну, я еще этого не вижу, да и удивляюсь, въ чемъ вы это видите?

Тутъ наши политиканы и пошли:

— Какъ въ чемъ? говорятъ: — а во что вы ставите всѣ эти подыски всей Европы при коварномъ нейтралитетѣ Беконсфильда, виляняхъ Андраши и...

Словомъ, и пошли, и пошли. Все ему высчитали, чего отъ кого ждать, кому не вѣрить и чего бояться. И свели опять къ тому, что нынче-де уже не тѣ времена, когда можно было во всемъ полагаться на силу да на отвагу, а нуженъ умъ и расчетъ, да капиталъ. Что капиталъ — душа движенія, и что гдѣ будетъ больше дальнозоркой сообразительности, тонкаго расчета и капитала, на той сторонѣ будетъ и горка. А у насъ, молъ, и ни того-то, и ни этого-то, да и жиды одолѣли: и въ Лондонѣ жидъ, и въ Вѣнѣ жиды, страсть что жидовъ, и у насъ они въ гору пошли — даже и кормить насъ подрядчикъ, женатый на Беконсфильдовой племянницѣ, да и самые славяне-то, за которыхъ воюемъ, въ рукахъ вѣнскихъ жидовъ. Что же этого безотрадиѣ: жидъ страшный человекъ, — онъ все разотчетъ, всѣхъ заберетъ въ свои лапы и всѣхъ опугаетъ.

Никаноръ Иванычъ и разсердился.

— Ну вотъ, говорить, — еще что вздумаете: ужъ и жидъ у васъ сталъ страшный человѣкъ.

— А разумѣется страшный, потому что онъ коварный, а коварство—большая сила: она, какъ зубная боль, сильнаго гь безсидіе приведетъ.

А Никаноръ Ивановичъ отвѣчаетъ:

— А мы зубную боль заговоримъ.

— Да, да; вотъ это развѣ! Ну, такъ пошлите-ка казака «пошарить», гдѣ такого мастера, найдете?

— А что же, казакъ, разумѣется найдетъ.

— Да; найдетъ онъ ихъ, вотъ все равно какъ вашего чуфурляръ-лафиту.

— А что же: надо вѣру имѣть и ждать, и лафиту до-станеть.

И что же вы думаете. Въ эту самую минуту, какъ нарочно, къ Плескунову бѣжить казакъ и подаетъ бутылку, а на бутылкѣ надпись: «чуфурляръ-лафитъ». Даже самъ Никаноръ Ивановичъ смутился и спросилъ:

— Гдѣ ты это сперъ, благодѣтель?

А казакъ отвѣчаетъ:

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе: у маркитанта взялъ.

— Что же онъ прежде-то его не давалъ?

— Давно, говорить,—съ собой вожу, только подавать не смѣлъ, больно пакостное.

Маіоръ отбилъ горлышко, сплеснулъ немного въ сторону, попробовалъ, и говорить:

— Хорошо, братецъ, маркитантъ тебѣ правду сказалъ: винишко поганое, и я теперь вспомнилъ, что мой отецъ его пилъ совсѣмъ не въ Турціи, а на Кавказѣ; ну да не въ томъ дѣло; а это, господа, вамъ отвѣтъ: видите,—пошарить, такъ все найдешь. Я политики не читаю и споровъ не люблю, но ничего, чѣмъ вы меня пугаете, не боюсь. Спросите: почему? Отвѣчу вамъ: «по Писанію». О Тирѣ сказано, что тамъ не будетъ горка, гдѣ «князья купцы и гдѣ сильные земли барышничаютъ», а сила въ тѣхъ, кои «не видали самоцвѣтныхъ камней и не завистны на золото». Оно такъ и бываетъ, какъ пророкъ говорить, и мнѣ теперь приходитъ на память одна исторія про самага, что ни на есть каверзѣйшаго, тонкаго израильскаго политика, который въ своемъ мѣстѣ всѣ пружины въ рукахъ держалъ

и во всемя собаку съѣлъ, а заилъ такимъ чуфурляромъ, что и съ ума снятилъ. И я, чтобы не позабыть и чтобы васъ кстати немножко поразвлечь, пока баранъ сжарится, пожалуй, готовъ вамъ это разсказать въ видѣ притчи...

Тутъ всѣ и заговорили:

— Помилуйте, Никаноръ Ивановичъ, да когда же мы не хотимъ васъ слушать? пожалуйста, разскажите.

Никаноръ Ивановичъ и началъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Старый Схарія, про котораго я вамъ буду разсказывать, былъ, такъ сказать, прирожденный политикъ, ученый-преученный и притомъ святой, которому, казалось, все было открыто и само небо съ нимъ перешептывалось. По занятіямъ онъ былъ меламедъ, держалъ школу, гдѣ юные сыны Израиля получали высшее направленіе на весь проспектъ жизни. Жилъ Схарія отъ меня всего въ полуверстѣ, въ торговомъ мѣстечкѣ, по тотъ бокъ австрійской границы; а славенъ былъ по обѣ ея стороны.

Схарія былъ человѣкъ старый и для своихъ мѣсть очень богатый. Состояніе онъ нажилъ своею обширною ученостью, святостью и плутовствомъ. Если бы вы знали еврея какъ слѣдуетъ, то не удивились бы, что всѣ эти три вещи въ немъ не только совершенно совмѣстимы, но даже одна другую требуютъ, а не исключаютъ. Сколько именно было лѣтъ этому патриарху, я съ точностью опредѣлить не берусь, потому что, когда я, тридцать лѣтъ тому назадъ, поступилъ на таможеню, Схарія уже былъ меламедъ, обучившій рядъ поколѣній, и тогда уже былъ почти такъ же старъ и ходилъ съ такою же сѣдою бородой, съ какою ходитъ и нынче. Только нынче онъ слыветъ безумцемъ и служитъ поношеніемъ и посмѣшищемъ для безумцевъ, а до того анекдотическаго случая, который его такимъ сдѣлалъ, онъ былъ у всѣхъ въ почетѣ, въ ласкѣ; онъ первенствовалъ на моленіяхъ, предсѣдалъ на пиршествахъ и вездѣ имѣлъ рѣшающій голосъ. Какъ наисовершеннѣйшій знатокъ закона и наилучшій его истолкователь, чтб бывало онъ скажетъ, то такъ и дѣлается. Нынѣ же жизнь его пригодна только развѣ на то, чтобы показать основательность словъ Псалмопѣвца: «не хочетъ Господь смерти грѣшника». Но нѣкогда было совѣмъ иное: ученая слава Схарія была такъ велика, что

говорили, будто ей завидовалъ даже самъ караймъ Фирковичъ. Святость Схарія равнялась его учености, но славилась еще болѣе первой. Разумѣется, это была та каверзная праведность и та убивающая духъ ученость, которыми огорчался нашъ Спаситель и за которыя возглашалъ: «горе вамъ, горе и горе».

Схарія зналъ все, чрезъ что можно прослыть праведнымъ между евреями, и съ этой стороны былъ для многихъ, и въ томъ числѣ и для меня грѣшного, необыкновенно интересенъ. Онъ жилъ весь по правиламъ, «почивалъ на законѣ»: каждый часъ дня и ночи, каждый его шагъ и движеніе,— все это шло такъ, чтобы могло возвѣщать его прендобность. Кто знаетъ, что значить соблюсти всю еврейскую обрядовую праведность, тотъ знаетъ, какъ это трудно. Я же, весь свой вѣкъ проведи съ евреями, могу вамъ это показать, хотя, разумѣется, только отчасти.

Наблюдая наказъ рабби Еліазара, Схарія просыпался до разсвѣта, но какъ бы ему ни хотѣлось встать, онъ не вставалъ и даже знака не подавалъ, что онъ проснулся, и такъ лежалъ до тѣхъ поръ, пока его не побудитъ жена. Это такъ должна сдѣлать каждая воспитанная въ законѣ еврейка. И зато въ ту самую секунду, какъ жена его будила, онъ сразу же вскакивалъ и на весь домъ кричалъ: «Благословенъ Богъ, одарившій глѣтуха разумомъ, что онъ различаетъ день отъ ночи», а потомъ читалъ вслухъ: «Возстану рано». Все это дѣлалось такъ энергично, что всѣ въ домѣ проклипали «возставшаго рано», но непремѣнно и сами поднимались. Схарія никогда не надѣвалъ рубашки сидя или стоя, а исправлялъ все это непремѣнно лежа подъ одеяломъ, чтобы сатана, подсматривающій за каждымъ евреемъ, не увидалъ бы его чудеснаго тѣла и не вздумалъ бы самъ смастерить что-нибудь, если не совершенно такое, то, по крайней мѣрѣ, хоть подходящее къ еврею. Схарія никогда не позабывалъ спуститься съ кровати непремѣнно правою ногой. Умываясь, онъ аккуратно обливалъ каждую руку по три раза и вытиралъ лицо такъ сухо, чтобы не испарилась память.

Пергаментъ съ написанными на немъ словами изъ книгъ Моисея былъ у него обмотанъ волосами изъ телячьяго хвоста и снабженъ прикрѣпленнымъ къ нему репейникомъ, который долженъ былъ колоть Схарію, если онъ задумаетъ

какъ-нибудь нарушить какую-нибудь изъ десяти заповѣдей. Колотъ ли его этотъ репейникъ или нѣтъ, этого не знаю; но поколотъ, кажется, было за что. Свитки на дверяхъ дома этого законника были самые полномѣрные; ихъ всѣ должны были издали видѣть и понимать, что на домъ Схаріи снисходитъ безпрестанное благословеніе, какъ на браду Ааронову и на ометы его ризъ.

Никто никогда не видалъ, чтобъ у Схаріи хранилище висѣло на ремешкѣ или оставалось не спрятаннымъ въ три коробочка, если въ той комнатѣ спала женщина; хранилище онъ надѣвалъ на себя, какъ только можно было отличать бѣлый цвѣтъ отъ голубого и носилъ до темноты. Въ школу Схарія не шель, а бѣжалъ, чтобы Богъ видѣлъ, что онъ «духомъ гонимъ». Его талось или мантия была изъ бѣлой шерсти, выпряденной еврейкой, и притомъ съ известными приговорами. Молился онъ много и долго, оборотился непремѣнно на югъ, откуда идетъ мудрость, а съ нею, разумѣется, и всѣ благополучія. Люди алчные и глухие молятся на сѣверъ, откуда приходитъ богатство, но Схарія, какъ Соломонъ, зналъ, что все дѣло въ премудрости. Онъ молился, всегда тщательно выровнивъ ноги въ первой позиціи, и качался, и трясся не щади колѣнъ, чтобы ангелы видѣли, какъ сильно колеблетъ его страхъ предъ Вездѣсущимъ. Моленія свои онъ сначала выкрикивалъ по-еврейски, а потомъ посылалъ особыя молитвы по-сирски и по-халдейски, чтобы ангелы, не понимающіе этихъ языковъ, не позавидовали тому, чего онъ просить у грядущаго Мессіи. Еще болѣе тонкая осторожность нужна была противъ діавола, чтобы этотъ хитрецъ не провѣдалъ о прошеніяхъ Схаріи и не повредилъ ему; но это было предусмотрено: діаволь никогда не могъ узнать, чего просить Схарія, потому что діаволь тоже по-сирски и по-халдейски не знаетъ, а обучиться этимъ языкамъ не можетъ, потому что учиться у человѣка ему не позволяеть его пустая «свинячья» гордость.

Если Схарія случалось плюнуть во время молитвы, то онъ дѣлалъ это невѣжество не иначе, какъ въ лѣвую сторону, чтобы не оплевать толпой на него любовавшихся съ правой его руки ангеловъ. Каждый день онъ возсылалъ сто благодареній, и такъ на виду у людей и ангеловъ пребывалъ въ моленіи почти весь день. Отдыхъ его начинался

только съ той поры, когда наступающія сумерки возвѣщали, что Егова уже далъ ангеламъ приказъ затворить двери и окна неба. Съ этихъ поръ, рѣзвится, оттуда на землю уже ничего не было видно и потому чиниться было нечего, да и продолжать самое моленіе не было никакого расчета.

Но большая ученость Схаріи обнаруживалась не въ одномъ только богомоленіи,—нѣтъ, она также была видна во всехъ его житейскихъ поступкахъ: онъ развелся съ нѣсколькими женами по одному подозрѣнію, что онѣ происходятъ не отъ Евы, а отъ первой жены Адама, строптивой Лались, и, подобно своей матери, склонны заниматься не однимъ тѣмъ, чтобъ угождать мужу. Самъ же онъ никогда не смотрѣлъ въ лицо никакой сторонней женщины, хотя бы даже это была недостойная вниманія христіанка. Все были увѣрены, что онъ ни разу не видалъ лица къ ряду десять лѣтъ служившей у него молчаливой и туной хохлуши Оксаны, о которой и прошу помнить, потому что ей въ моей повѣсти будетъ своя роль.

Любя во всемъ ортодоксальный порядокъ, Схарія самъ подавалъ въ немъ первый примѣръ повиновенія «Закона»: онъ ломалъ хлѣбъ не прежде, какъ растопыривъ надъ нимъ все свои десять пальцевъ, чтобы все видящіе это вспоминали о десяти «Божіихъ приказаніяхъ». Заботясь о нравственности и о душѣ, онъ не забывалъ и гигиѣну, для чего всегда завтракалъ рано, чтобы въ желчь его по пустому проходу не успѣли вскочить съ голодомъ тридцать шесть болѣзней, а обѣдая—поспѣшно отдѣлялъ Оксанѣ кусокъ отъ всякаго кушанья, имѣющаго вкусный запахъ, способный возбудить въ человѣкѣ ашкетизмъ. Дѣлалось это не изъ состраданія къ нетерпѣливости Оксаны, а для того, чтобы она отъ жадности не затряслась, какъ Исавъ, и не опрокинула другого блюда. Все знали, что Схарія во всю свою жизнь никогда еще не уронилъ на полъ ни одной крошки хлѣба, и строгій ангелъ Набель, приставленный смотрѣть за этимъ, ни разу не могъ сдѣлать на него въ этомъ смыслѣ доноса по начальству. Къ ангеламъ Схарія наблюдалъ большую осторожность и никогда не клалъ ножа лезвеемъ вверхъ. Даже этого докучнаго наблюдателя, Набеля—онъ и того берегъ, чтобы онъ, вертясь у стола, какъ-нибудь не обрѣзался.

Схарія не умствовалъ о томъ «чи все добре на свѣтѣ—чи не все дже добре». Боже сохрани! Онъ благословилъ Бога за все, что понималъ и чего не понималъ, потому что все устроено премудростію, даже тупая Оксана и вообще всѣ прочіе дураки, такъ какъ они, по увѣренію рабби Геноха, созданы для увеселенія умныхъ, а въ числѣ такихъ умныхъ былъ, конечно, нашъ мудрый и ученый Схарія, котораго всѣ давно признали въ этомъ чинѣ. И его дѣйствительно увеселяла сильная и глупая наймычка Оксана, когда она позволяла колотить себя не только жепѣ Схаріа, золотушной Хавѣ, но и всѣмъ крошечнымъ ребятамъ Схаріина отрожденія. По огромной силѣ своей, съ которою эта Оксана молча и безъ отдыха ворочала въ домѣ всѣ тяжкія работы, она могла бы смахнуть и Схарію, и Хаву такъ, что ничего бы отъ нихъ не осталось, а она все сносила безропотно и много содѣйствовала тому, что Схарія могъ благоугождать Богу, благословляя Его, что Онъ создалъ такую невѣжественную дуру для удовольствія всѣхъ домашнихъ такого ученаго праведника, какъ онъ, Схарія. Опытомъ убѣжденный, какъ хорошо жить по «Закону», онъ даже спалъ по «Закону»; для этого онъ всегда ложился на лѣвый бокъ, на которомъ лежалъ Исаакъ, когда Авраамъ хотѣлъ заколотъ его въ жертву Богу, и такъ Схарія почивалъ всегда, какъ готовая жертва. А чтобы еще болѣе удобляться Исааку, онъ всегда спалъ нагой, безъ рубашки, и на кровати, обращенной непременно головами къ югу, а ногами къ сѣверу.

При такомъ рабѣи о житьѣ по «Закону», сѣмя Схаріа множилось и обѣщало ему славу въ потомствѣ. Отъ нѣсколькихъ браковъ у него были въ живыхъ и женатыя сыновья, и замужнія дочери, и маленькія дѣти, а еще не мало ихъ было и на мѣстномъ кладбищѣ. Схарія любилъ дѣтей, даже и тѣхъ, которыя были зарыты въ землю. Благочестивый отецъ и о нихъ заботился; онъ каждый годъ нанималъ нѣсколько человекъ, чтобы тѣ за нихъ постились, и платилъ за это каждому говѣльщику, по крайней мѣрѣ, по двадцати гульденовъ въ недѣлю; а въ день разоренія Храма онъ самъ собственноручно клалъ на могилы дѣтей соль и муку и кричалъ имъ въ землю, чтобы они за то хорошенько о немъ молилися и выкликали ему столько новыхъ дѣтей изъ предѣловъ небытія,

сколько онъ прокормить можетъ. Словомъ, жизнь Схаріи была образцовая и пренотенная: какъ настоящій мѣстечковый патріархъ, онъ давалъ рѣшающій совѣтъ во всѣхъ трудныхъ дѣлахъ и, должно сказать правду, достоинство его совѣтовъ стояло чрезвычайно высоко и каждому приносило несомнѣнную пользу, а это дѣлало Схарію необходимымъ человѣкомъ, которому всякій охотно уступалъ долю въ генештахъ.

Такимъ образомъ праведность была основаніемъ прочнаго благосостоянія Схаріи, а благосостояніе опять давало ему средство еще болѣе увеличивать свою праведность. Онъ былъ уже такъ прославленъ, что чтець синагоги, обходя собраніе съ предложеніемъ купить право развернуть и носить книгу закона, хотя и выкликали: «Кто хочетъ купить Геліу? Кто хочетъ купить Ець-Хаюмъ? Кто хочетъ купить Хахбо? Кто дастъ болѣе?» но въ существѣ чтець исполнялъ это только для формы. На самомъ же дѣлѣ онъ зналъ, что священныя права никто другой откупить не можетъ, кромѣ Схаріи, потому что никто за нихъ болѣе его предложить не въ состояніи. А потому только одинъ Схарія всегда носилъ свитокъ закона и держалъ «древо жизни», а его ближайшіе родственники имѣли привилегію, ходя за нимъ, прикасаться къ этой святынѣ, въ то время какъ ихъ ученый родоначальникъ, принявъ изъ рукъ кантора свитокъ, обносилъ его посреди умиленной толпы. Ему канторъ давалъ серебрянымъ грифелемъ знакъ, когда вскричать: «возвеличьте Господа!» На его зовъ весь народъ привыкъ отвѣчать: «Благословенъ Господь Богъ нашъ, избравшій насъ предъ всѣми иными народами», и надъ нимъ всегда произносилось благословеніе: «со всѣмъ его домомъ, гдѣ соблюдены всѣ заповѣди и гдѣ всякое задуманное предпріятіе должно быть благоуспѣшно». Поэтому всѣ самыя ловкія контрабандныя предпріятія задумывались въ благословенномъ домѣ Схаріи въ тѣ сумеречныя часы, когда заширалось небо, и у него же хоронились ихъ концы.

Вотъ какой былъ Схарія поистинѣ важный изъ важныхъ человѣкъ. Смѣстить его съ его высокаго положенія, казалось, никто не могъ: всѣ знали, что какъ ни подними цѣну послѣдняго урока «Закона» въ день Куцей, Схарія все-таки откупить этотъ урокъ и опять на цѣлый годъ останется «женихомъ Закона». Ну, вотъ и посудите, какъ можно

было одолѣть такого тонкаго и дальновиднаго человѣка, п какой для этого былъ нуженъ борець? А пришелъ часъ Схаріи и разбило всю его механику громомъ, да не изъ тучи, а изъ навозной кучи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

По моей дозорной, таможенной обязанности я, разумѣется, зналъ всѣхъ окрестныхъ евреевъ по обѣ стороны своей границы,—какъ нашихъ русскихъ подданныхъ, такъ и австріяковъ. Это нашему брату, таможенному, необходимо, потому что насъ всѣ стараются обмануть, особенно евреи. Это первые наши непріятели, и мы должны знать, сколько какал шельма изъ нихъ въ этомъ искусна. Свѣдѣнія эти у насъ, пограничныхъ жителей, собираются очень просто, такъ какъ *граница* для насъ, вѣдь, совсѣмъ не то, что она для васъ и для всѣхъ другихъ людей, которые ее видятъ разъ, либо два въ жизни. Вы когда переѣзжаете границу, будто изъ одного міра въ другой переходите; а для насъ это просто дѣло сосѣдское. Мы смотримъ на границу безъ впечатлѣній, а знаемъ только, что и у нихъ, и у насъ есть молодцы, которые нашего брата надувать хотятъ, и зато никому не вѣримъ. Пограничная жизнь этимъ очень скверная: она тому способствуетъ, чтобы не вѣрить человѣку. И мы хотя съ инымъ по виду и ведемъ дружбу, а все ему пальца въ ротъ не положимъ. Я даже удивлялся этому и нарочно себя пробовалъ: къ тепѣ съ женой повидаться въ воронежскую губернію ѣздилъ—и ничего: тамъ всѣмъ вѣрю. Иной хоть и знаю, что плутъ, а вѣрю ему, и по дорогѣ ѣду—все вѣрю; а какъ къ себѣ на границу приѣду—сейчасъ и отрѣзало: никому не вѣрю. Право, удивительно. Такъ тоже и съ этимъ съ праведнымъ Схаріей я былъ весьма знакомъ, и о пророкахъ любилъ съ нимъ толковать, потому что у меня жена большая до Писанія охотница, но все бывало, знаете, говоришь про Даниловы седмины, а самъ думаешь, а когда же я тебя, пріятель, въ ровъ посажу! Потому что я зналъ, какъ этотъ праведникъ по всѣмъ швамъ плутией шить, и мнѣ очень хотѣлось его сцанать. Разумѣется, я его лично въ числѣ контрабандистовъ не замѣчалъ; но намъ было хорошо извѣстно, что въ благочестивомъ домѣ этого «жениха Закона» затѣ-

вались самыя дерзкія противъ насъ предпріятія, и я большую охоту имѣлъ наказать его.

Надо вамъ знать, что у одного изъ зятъевъ Схаріи, по имени Нахмана, на той сторонѣ, въ Австріи, было что-то въ родѣ трактира, или кофейни, а, вѣрнѣе сказать, просто игорный пріютъ, въ которомъ страсть какъ любили рѣзаться и австрійскіе, и наши таможенники. Чуть имъ свободное время, уже они и тамъ.

Это такъ шло у насъ много лѣтъ, и зять Схаріи наживалъ съ своего вертепа добрые гроши, изъ которыхъ перепала частица и Схаріи. Съ разваломъ нашей послѣдней польской рухавки и сборомъ нашихъ войскъ на границу гешефты Нахмана въ его игрецкомъ притонѣ достигли неожиданнаго успѣха; и австрійскіе, и наши офицеры, столпившіе по границѣ, скучали отъ бездѣйствія, и все шныряли къ Нахману. Да оно и простиительно: взаправду, вѣдь, очень скучно!

Нашъ братъ стражникъ, который и въ мирное, и въ военное время всегда воюетъ, онъ отъ всякой веселости отвыкъ—мы какъ одинъ разъ насунимся, такъ и живемъ насунясь. Все удовольствіе наше развѣ въ картишки перекинуть, или въ церковь сходить помолиться. На бѣду въ церкви у насъ дьяконъ изъ хохловъ былъ, очень томителенъ: голосъ имѣлъ козелковатый и произносилъ, гдѣ не надо, мягко, а гдѣ не надо, грубо. Очень неприятно. Заѣзжій же человекъ съ городскими привычками, разумѣется, могъ ли нашимъ простымъ житьемъ довольствоваться? А самое большее веселье, какое въ нашемъ мѣстѣ можно было получать, было за границей въ этомъ заведеніи у Нахмана. Наши чиновники давно еще когда-то хотѣли было Австрію перещеголять, чтобъ у себя что-то гораздо лучше завести, да ничего не вышло; сначала столоначальникъ въ казенной палатѣ долго не разрѣшалъ, а потомъ всѣ товарищи перессорились, и съ тѣхъ поръ уже ничего не затѣвали, а ходили на австрійскую сторону, потому что тамъ какъ-то живѣе и развязнѣе. Ничего особеннаго, а какъ только на ихъ сторону перевалишь, такъ сразу въ мысляхъ другое ощущеніе и фантазіи больше: издали слышите, какъ то кегли катаютъ, то жидки тамъ на платформѣ сидятъ, разныя пьески наигрываютъ,—и недурно, каналы, парѣзываютъ. Тутъ сейчасъ и ресторанъ, и кафе, или эти

арфисточки, а у насъ только развѣ и услышишь какъ кто-нибудь съ досады крѣпкимъ словомъ обругается. Всего четверть версты черезъ лошинку и перекаатишь,—но люди живутъ иначе—хоть не важно, а припѣваючи. Разумѣется, гдѣ веселѣе, туда и манить.

Какъ понаѣхали къ намъ по случаю польскихъ дѣлъ военные, такъ и началось у нихъ болтанье на ту сторону въ Нахмановъ трактиръ. Конечно, бродяжничать такъ за границу дѣло незаконное, но дѣлалось все это будто подъ секретомъ, а къ тому же: кому до этого и надобность, если съ той стороны не претендуютъ? А австріаки же насчетъ вѣрности хотя народъ самый сомнительный, но очень обходительны со всякимъ; жалуй къ нимъ сколько хочешь, они компанію дѣлать любятъ. Такъ, бывало; наши офицеры снимутъ здѣсь съ себя сабельки и идутъ на австрійскую половину и рѣжуются тамъ съ австріаками въ трактирѣ, кто на бильярдѣ, кто въ кегли, а иные и въ карты. Картежная игра длилась, бывало, иногда по цѣлымъ суткамъ. Все это шло семейно,—особенно какъ австріакъ въ это время по случаю мятежа съ нами заодно дѣйствовалъ, и сближеніе нашихъ офицеровъ съ австріадками, по всей вѣроятности, было даже желательно.

Теперь же нужно вамъ знать, что у австріаковъ, на ихъ сторонѣ, былъ одинъ комиссаръ изъ поляковъ, самый невѣроятный картежникъ. Такой былъ страстный игрокъ, что я всегда удивлялся: какъ ему могли довѣрять казенныя деньги и имущество. Но онъ, шельма, такой корень у себя имѣлъ, что казеннаго не трогалъ, а уже зато свое только и зналъ, что изъ рукъ въ руки перепускалъ. Нынче его горка,—онъ на парѣ лошадей взадъ и впередъ катаетъ и тогда добръ, всѣхъ угощаетъ, а завтра горка другому досталась,—комиссаръ самъ у другихъ кушать просить. Не игралъ онъ только тогда, когда было или совсѣмъ некогда, или совсѣмъ не на что, или совсѣмъ не съ кѣмъ. И когда это случалось, потому что противъ его игрецкой неутомимости никто не могъ выдержать, то ходитъ онъ, бывало, какъ въ воду опущенный и отъ скуки все въ рукахъ карты тасуетъ. Я въ призоры очесъ, но правдѣ сказать, не вѣрю, но говорили о немъ, что онъ будто такимъ манеромъ испорченъ, и вдругъ на этого-то испорченнаго наскочилъ съ нашей стороны челоуѣкъ, должно-быть, уже совсѣмъ пере-

порченный: пасы́лъ отъ насъ комиссару такой компаніонъ, что даже еще превосходилъ его и въ постоянствѣ страсти, и въ неутомимости. Былъ это нашъ армейскаго полку маіоръ Аванасьевъ, который и подалъ поводъ къ Схаринной потѣбѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Армейскіе маіоры, какъ извѣстно, большею частію бываютъ меланхолики, все думать любятъ. Живетъ человѣкъ въ молодыхъ чинахъ, все фантазируетъ, а схватитъ маіорство и задумается. Можетъ это оттого, что имъ въ этомъ чинѣ предѣлъ положенъ, его же не преидени. Оттого они мрачны и не веселы. И маіоръ Аванасьевъ тоже былъ не веселаго нрава и словно «отыгрывался» отъ какого-то червя, который неустанно глѣдалъ его душу.

И австрійскій комиссаръ, и нашъ маіоръ духомъ другъ друга почувли и чуть только ихъ свели, какъ ужъ ихъ и водой разлить стало невозможно. Дѣлъ боевыхъ на ту пору не было, а въ междучасіе отрядомъ маіора у насъ, по всеобщему россійскому обыкновенію, правилъ его помощникъ, а онъ, бывало, только на нѣкоторый часъ домой появится, и если горка на его сторонѣ, то поблеститъ своимъ вышрышемъ и опять улизнетъ за границу въ Нахмановъ игорный домъ, и тамъ и рѣжутся, пока или тотъ или другой обертутъ другъ друга до-чиста и, осоловѣвъ, выходятъ отдохнуть, какъ мученики послѣ истязанія. До чего они доигрывались, про это и рассказывать нельзя: деньги ихъ въ цѣломъ составѣ всей наличности безпрестанно переходили отъ одного къ другому, но все это не такъ замѣтно, потому деньги вещь миниатюрная, а главный курьезъ происходилъ съ громоздкими движимостями, передвиженія которыхъ скрыть невозможно. У комиссара, напримѣръ, былъ фортепіанчикъ,—хорошенькій и большой фортепіаль, настоящій рояль, на которомъ онъ не умѣлъ играть и никогда не игралъ, а имѣлъ его Богъ знаетъ по какому-то особому случаю,—вѣроятно за самую дешевую цѣну съ аукціона досталъ, да была еще охотничья собака, легавая; а маіоръ пріѣхалъ къ намъ въ мѣстечко въ польской бричкѣ на своей парѣ лошадей. Вотъ эти фортепіаль и бричка и балансировали: какъ денежная наличность у игроковъ кончится, они сейчасъ и начинаютъ двигать эту свою движи-

мость. И мы уже и счетъ потеряли, сколько разъ эти фортепиано и бричка съ конями переходили у нихъ изъ рукъ въ руки. Переходила нѣсколько разъ и собака, но ей скоро наскучило мѣнять хозяевъ, и она сначала обоихъ ихъ искусила, а потомъ, когда они оба ее за это вышорали, она ихъ обоихъ бросила и сбѣжала.

Разумѣется, звѣрь умный, съ такими пустыми людьми жить не захотѣла. Ну, а остальное все шло своимъ правиломъ: то нашъ маіоръ поѣдетъ въ бричку, а возвращается съ палочкой, то онъ идетъ, а за нимъ тащатъ фортепиано, и стоять они у него, при его квартирѣ подъ сараемъ, и только намъ докучаютъ, потому что ключъ отъ нихъ въ этихъ переѣздахъ потерялся, и какъ они стояли разиня ротъ, то по нимъ все, бывало, жиденята пальцами тыпаютъ. Играть на нихъ у насъ никто не умѣлъ, кромѣ какъ одинъ нашъ таможенный дяконъ, да и тотъ только хвалился, что будто умѣетъ, а на самомъ дѣлѣ всей его игры было, что могъ однимъ пальцемъ подбирать «аллилуію», да Царю Небесный. Тюкаетъ съ утра до ночи и подгвѣваетъ. Бывало страшно надоѣсть этимъ, а попросить его лучше что-нибудь свѣтское, такъ онъ еще хуже затянетъ:

Скука прелубэзна
Серцю приполэзна.

Совсѣмъ тоску наведетъ, и мы всегда очень радовались, когда нашъ маіоръ проигрывался и фортепиано опять въ Австрію увозили. И шла такая азартная игра безъ отдыха и безъ перерыва, съ постояннымъ переходомъ однихъ и тѣхъ же фондовъ изъ кармана въ карманъ, а въ чистыхъ отъ нея прибыткахъ были одни Нахманъ да Схарія.

Но какъ и комиссаръ, и маіоръ оба были люди служащіе и ни одному изъ нихъ нельзя было не держаться на чеку по своимъ обязанностямъ, то надо было устроить для этого благонадежную почту. Дѣло было не совсѣмъ удобное,—однако устроили: если комиссаръ на нашей сторонѣ, а дома въ немъ надобность, — къ намъ бѣжить за нимъ кургузый цесарецъ въ курткѣ, а наши за своимъ игрокомъ казака Өомку посылали. Казакъ Өомка былъ мужикъ здоровый, краснощекій, находчивый и расторопный, но шельма чищенный. Маіоръ хорошо узналъ его и говорилъ, что онъ человѣкъ очень надежный и службистъ. Былъ такой случай, что этотъ Өомка Апальевъ или Канальевъ при разгромѣ

одного опального дома увидалъ, что простодушные армейскіе солдатики присѣли около суповой чаши, горяченькаго похлебать, онъ сейчасъ это искоренилъ:

— Развѣ, говорить, — это можно? а можетъ-быть это отравленное! — и чтобы споровъ не было, сейчасъ же чашу разбилъ объ уголь, а серебряныя ложки себѣ въ карманъ спряталъ.

— Это, говорить, — отъ грѣха убрать надо, чтобы молодые некрута не баловались.

Словомъ, Өомка былъ человѣкъ, который обладалъ военнымъ тактомъ.

Военный тактъ казака Ананьева я особенно рекомендую вашему вниманію, потому что мнѣ придется въ этой исторіи поставить его супротивъ тонкаго, талмудическаго такта ученаго Схарін. Служба нашего Өомки, разумѣется, была гораздо труднѣе службы цесарца, потому что комиссаръ бывалъ у насъ рѣдко, а нашъ майоръ сидѣлъ на той сторонѣ постоянно. Потомъ у австріаковъ по всѣмъ должностямъ мало пишутъ, а у насъ на это больше аккуратности и всякому офицеру постоянно надо что-нибудь подписывать. А потому нашъ землячокъ Ананьевъ безпрестанно и шмыгалъ за границу къ майору, то одно подписать, то другое, — чаще всего съ «рапортчиками». И всегда казачокъ въ этихъ поѣздкахъ былъ исправенъ и благополученъ: только надало кой-кому въ примѣту, что онъ на возвратномъ пути изъ Австріи точно какъ будто выше ростомъ на сѣдлѣ дѣлался: иногда, бывало, точно каланча движется. Ну, а пріѣдетъ домой, спѣшится, разберется, и опять въ свою мѣру войдетъ. Я его даже разъ или два объ этомъ спрашивалъ. Отвѣчаетъ:

— Никакъ нѣтъ, ваше выскобродіе, — это такъ только показывается.

— Ты, можетъ-быть, говорю, — подбадриваешься этакъ чтобы молодцоватѣй высматривать.

— Это точно такъ, отвѣчаетъ, — я хорохорюсь, чтобы чужой народъ на насъ дивовался, и подъ нашу державу желалъ, а впрочемъ... ни Боже мой!

Казакъ былъ смѣтливый, зналъ, на что я намекалъ, ну и увѣрялъ меня крѣпко.

— Вотъ крестъ, говорить, — на себя кладу, что ѣзжу честно.

— То-то, молъ, ты помни, что это земля чужая и что нашъ государь теперь съ ихъ цезаремъ въ дружбѣ,—такъ и мы этою дружбой должны дорожить, а не то чтобы какую худую славу на себя класть.

— Помилуйте, утверждаетъ,—нешто мы деревенскіе мужики, что этого не понимаемъ, или не можемъ политику чувствовать.

И знаете, пожалуй, по-своему онъ это и чувствовалъ, но только, тѣмъ не менѣе, въ его владѣніи скоро стали обнаруживаться разные странные запасы, происхожденіе которыхъ онъ объяснялъ не совсѣмъ вѣроятно; но вѣдь что же, кто не пойманъ, тотъ не воръ,—это вездѣ такое правило,—особенно на боевомъ положеніи. Но вотъ доходить до меня слухъ, что на той сторонѣ бабы-хохлушки обижаются, будто Оомка-политикъ, проѣзжая по лугу, гдѣ стадо паслось, ес-скачилъ и сталъ корову въ киверъ донть; а пока на него дивовались, онъ взялъ да и другую выдолтъ.

Я его этотъ грѣхъ покрылъ и обѣщался даже маіору не разсказать, если признается. Оомка признался.

— Точно такъ, говоритъ,—виновать, ошибся: я думалъ, что съ нашей стороны корова; въ грудяхъ очень тяжело чувствовалъ.—Знахарка, вѣдьма, научила: молочкомъ, сказала, смягчить. Послушалъ ее, лукавый и понуталъ, коровой ошибся.

— Ну, смотри же, говорю,—чтобы больше тебя не путало.

— Вотъ вамъ Христосъ, отвѣчаетъ,—я этой знахарки не стану теперь слушать, и киверка больше не буду одѣвать, въ фуражкѣ стану ѣздить.

— И прекрасно, говорю,— оно даже такъ и лучше будетъ: то вѣдь не наша земля, ѣзди-ка въ фуражкѣ. Незачѣмъ тамъ киверомъ махать и соблазну не будетъ.

— Убѣдительно благодарю, говоритъ,—ваше высокоблагородіе, радъ стараться.

Я и оставилъ. Что же, казакъ вѣдь не красная дѣвушка, — его много-то никогда не сконфузишь и не передѣлаешь; у него природа такая, что онъ не рохля, не ротозѣй, любитъ, чтобы мимо его ни птица не пролетала, ни звѣрь не прорыскивалъ, и ничто не убранный не валялось. Вотъ эта-то казацкая споровка и была причиной одного казуснаго столкновенія нашего Оомки Авальева съ казусетомъ Схаріей.

Случай попутал нашего казака на той сторонѣ рыжею козой, которая принадлежала какой-то еврейкѣ. Была эта коза непокорна къ доенью — брыкалась, а казакъ ѣдетъ и увидѣлъ черезъ заборъ, что коза отбрыкнула и опрокинула мѣдную доенку, а молодая еврейка заплакала. Онь и сжа-достился, остановилъ коня и говорить:

— Постой, постой, евреечка,—не скучай, и гляди, только тяткѣ не сказывай, а я тебѣ эту козу выучу.

И съ этимъ прыгнулъ черезъ заборъ, свистнулъ брыкли-вую козу нагайкой, такъ что та и голосъ дать позабыла, и тутъ же подпихнулъ ее куда-то всю подъ сѣдло, такъ что развѣ только ножки да рожки наружу оставались, а кстати захватилъ и доенку, сѣлъ и поѣхалъ.

Еврейка только послѣ его отѣзда догадалась кричать; сбѣжались сосѣди, бросились въ погоню и нагнали Ананьева, потому что онъ по своей политикѣ ѣхалъ не спѣша, тихонечко, да и доенку-то, разбойникъ, наружи держать.

Нагнали его евреи и кричатъ:

— Ты зачѣмъ это взял?—а сами за доенку хватаются.

— А что, развѣ это ваше?

— Разумѣется, наше.

— А ваше, братцы, такъ свое берите; мнѣ Богъ съ вами съ вашимъ добромъ; мнѣ чужого не нужно.

И онъ возвратилъ великодушно доенку, а самъ ускакалъ, прежде чѣмъ о козѣ успѣли ему слово сказать.

Впослѣдствіи онъ объяснилъ, будто потому не воротилъ козу, что ея у него не спрашивали.

— А я, говорить,—по ея виду думалъ, что она дикая, а не свѣтская, и приколотъ ее дома, потому что мнѣ шкурка на потничокъ подъ сѣдло надобилась.

Такъ эта коза и пропала, но зато съ той поры пошли большіе разговоры. Пропажъ оказывалось много и у евреевъ, и у крестьянъ. Хохлы-крестьяне, впрочемъ, что за люди,—ихъ можно и не очень слушать, а вотъ евреи, это другое дѣло; они какъ загадать, такъ ихъ надо скоро успокоить. А какъ успокоить?

Чтобы не ѣздить туда больше Ананьевъ? Такъ; но майоръ говорилъ, что у него нѣтъ такого другого расторопнаго человѣка: не будетъ ѣзды Ананьеву,—не будетъ майору по-кой играть по цѣлымъ днямъ въ карты; не будетъ игры—не будетъ самага лучшаго гешефта Нахману, будетъ боль-

шой убытокъ и ему, и Схаріи. Какъ тутъ быть, какъ вернуться? Нельзя же дать пропасть хорошему гешефту!

А на что это есть на свѣтѣ ученый Схарія: онъ долженъ найти средства, какъ сдѣлать, чтобъ и овцы были цѣлы, и волки сыты!

И вотъ явились къ Схаріи и Нахманъ, и его воставщики и говорятъ:

— Ты, Схарія, самый умный, думай и скажи намъ, какъ это сдѣлать.

Схарія почесалъ себѣ затылокъ, много разъ помотавъ предъ носомъ пальцами, и сталъ думать. Думалъ онъ, думалъ и объявилъ, что «будетъ еще думать», ушелъ въ завитную хороминку, часа три и слуху оттуда не подавалъ, а потомъ выслалъ къ публикѣ жену объявить, чтобы шли обѣдать, потому что онъ будетъ еще очень долго думать. Тѣ сходили домой, пообѣдали и опять вернулись, а Схарія еще думалъ. И наконецъ уже въ сумерки, когда уже ни у кого болѣе и терпѣнія не оставалось ждать изреченія Схаріи, Хава выглянула въ окно и дала рукой знакъ, чтобы все было тихо. Все и затихло, а тогда она сообщила имъ шопотомъ и подъ большимъ секретомъ, что Схарія такъ сильно задумался, что ничего не слышитъ. Она ему уже и кричала, и пантофлю съ него сняла, но онъ ничего не слышитъ.

Призадумались евреи и разошлись.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Во всякомъ дѣлѣ, господа, не исключая и нашего теперешняго боевого поля, если откуда ждутъ извѣстій, а ихъ долго нѣтъ, это не хорошо. Хотя худое извѣстіе, да поданное въ-время и съ искренностью, все лучше, — истема хуже смерти. Такъ и тутъ, когда Схарія позамышкался изнестъ глаголь, это не хорошо повѣяло.

Зачѣмъ онъ медлитъ? *Не заколодило ли ему?*

А Схаріи, дѣйствительно, заколодило и притомъ по всѣмъ правиламъ, съ чѣмъ-то таинственнымъ, съ какою-то кабалой.

Я не смѣю допытываться, кто изъ васъ вѣрующій, кто невѣрующій. Разумѣется, я говорю про вѣру въ тѣ вещи, которыя еще мудрецамъ не снились, а если и снились, то не объяснились. Смѣйтесь надо мною, если вамъ угодно, я человекъ малообразованный и обижаться не стану, ну а

только по-мосму этакія вещи не только сунществуютъ, а вотъ одна изъ нихъ — это сны. Чтò вы мнѣ ни говорите, а я спамъ вѣрю и не перестану вѣрить, и основаніе къ тому имѣю.

Схарія, вѣроятно, прозябъ и усталъ, а потому какъ сѣлъ обдумывать, чтò сдѣлать съ казакомъ, чтобы онъ непрежнему издиль, но никого не трогаль, такъ и самъ не замѣтилъ какъ заснулъ. Но чтò онъ за тяжкія претерпѣвалъ при этомъ мученія. Видитъ онъ предъ собою книгу Закона и уже быстро разогнулъ ее и хочетъ читать завітное мѣсто у Данила, какъ вдругъ откуда ни возьмись кто-то рыжий закрылъ книгу рукой и говоритъ: «Я ее запечатлѣваю». Сказать такое слово благочестивому еврею, это дѣло ужасное. Послѣ этого онъ не можетъ молиться до тѣхъ поръ, пока признаетъ себя нарушившимъ заповѣдь противъ ближняго и выпросить себѣ у него прощенія. Схарія остолбѣнѣлъ отъ такой наглости! Кто могъ быть этотъ дерзкій, который удралъ ему такую штуку? Никто иной, какъ Коганъ Шліома, которому давно хочется быть святѣе Схаріи и перекунить у него Геліу. Схарія видитъ его дерзкую руку, обернулся, но Шліома уже исчезъ. Схарія въ синагогѣ; поднялъ книгу Закона вверхъ обѣими руками, такъ высоко, чтобы всѣ ее видѣли, и, прохаживаясь съ нею при общемъ одобреніи, громко выкрикаетъ: «Вотъ законъ, который Моисей далъ дѣтямъ Израилевымъ!» но вдругъ ко всеобщему ужасу занатался и уронилъ книгу Закона на полъ, — это второй знакъ почти уже неотвратимаго несчастія.

Не обошлось и безъ третьяго. Схарія дома; собралъ на школьный дворъ множество мальчишекъ, далъ каждому изъ нихъ по грошу и по деревянной пикѣ и заставилъ ихъ какъ можно громче кричать и махать пиками, чтобы прогнать дьявола, явно строящаго ему каверзы. А самъ вошелъ въ комнату, горя желаніемъ узнать: хорошаго или худого долженъ онъ, послѣ такого крайняго употребленнаго имъ средства, ожидать себѣ въ будущемъ, и сталъ съ этою цѣлью разсматривать надъ свѣчой свои руки. Но у нихъ пропала тѣнь! Испуганный Схарія бросилъ свѣчу и поспѣшно выбѣжалъ нагой на крыльцо, чтобы при лунѣ вернуть себѣ тѣнь отъ Авеля, но луна вдругъ вся потемнѣла и какъ будто упала съ неба.

Хуже этого ничего не можетъ быть на свѣтѣ, такъ какъ

самые знаменитые раввины въ одно говорятъ, что исчезнове-
ніе тѣни знаменуетъ неизбежную гибель, и это вѣрно,
потому что основано на Моисеевомъ словѣ «и тѣни своей
не узрите».

Столь быстро, кажется, пикто не падалъ въ своихъ соб-
ственныхъ глазахъ и въ глазахъ всего общества, какъ па-
далъ Схарія. Осталось послѣднее средство: до зари испо-
вѣдывалъ Схарія свои грѣхи, стоя не на землѣ, по кото-
рой ползала райскій змѣй, а въ тазу съ водой, и потомъ
взялъ бѣлаго пѣтуха, а Хавѣ далъ насѣдку, и оба они
долго вертели этихъ птицъ около своей головы. Пѣтухъ и
гурица громко кричали, а Схарія выкрикалъ:

— Пусть этотъ пѣтухъ будетъ жертвой за мой грѣхъ:
пусть онъ заслужитъ мнѣ хорошую награду! Пусть какъ
машетъ этотъ пѣтухъ крыльями, такъ машутъ крыльями и
перелетаютъ вокругъ меня съ мѣста на мѣсто ангелы.
Пусть улетаютъ злые и садятся вокругъ моей головы на
ихъ мѣсто добрые! И пусть этотъ пѣтухъ умретъ за меня
на этотъ годъ, а я буду жить, и Хава будетъ жива и бу-
детъ меня слушать съ одного раза и будетъ у насъ съ
нею всякую недѣлю гуть-шабашъ...

И онъ простираетъ руку и дернулъ Хаву за руку, велѣлъ
ей сварить и пѣтуха, и насѣдку; внутренности жертвен-
ныхъ птицъ завязалъ въ узелокъ и положилъ на крышу
дома, чтобы вороны унесли ихъ съ глазъ. Такъ Схаріей
было сдѣлано все, что можно было сдѣлать для отвращенія
грозной судьбы, и онъ слышалъ уже, какъ, прежде чѣмъ
началась вечерняя молитва, два раввина разомъ въ одинъ
голосъ начали восклицать ему публичное прощеніе. Но въ
это самое время досадительная Хава разбудила мужа.

Небесный сводъ уже алѣлъ; занималась заря, свѣжкая
мартовская заря, предъ днемъ Пурима, торжественнаго
празднества въ память побѣды Мардохея надъ Аманомъ.
Это день, когда каждому благочестивому еврею не только
разрѣшается, но даже вмѣняется въ обязанность нить до
тѣхъ поръ, пока онъ будетъ не въ состояніи отличить
Амана отъ Мардохея.

Это не только день радости, но и день чудесъ, когда
еврею сходить съ рукъ все, что бы онъ ни сдѣлалъ. Пи-
сано, что когда два знаменитыхъ раввина, Раба и Сиро,
сошлись въ этотъ день, чтобы вмѣстѣ уиниться до неспо-

способности различить Амана отъ Мардохея, то раввинъ Рабба принялъ за Амана раввина Сиро и убилъ его, и уложилъ подъ лавку, но и это нимало раввину Сиро не повредило, потому что когда раввинъ Рабба о немъ помолился, то Сиро сію же минуту ожилъ и такъ шибко убѣжалъ изъ-подъ лавки, что Рабба не могъ его догнать и даже совсѣмъ его не видѣлъ.

Въ этотъ день еврей безопасенъ отъ всѣхъ бѣдъ, а потому Схарія не боялся даже своего вѣщаго сна, который до зари пугалъ его цѣлымъ рядомъ послѣдовательно развивающихся злыхъ предзнаменованій.

Схарія всталъ бодро, мастерски выпотрошилъ рыбу, которую долженъ былъ самъ приготовить, и пошелъ въ синагогу, гдѣ долженъ былъ объявить, какъ поступить съ казакомъ, чтобы онъ ѣздилъ, но никого не тревожилъ.

Отвѣтъ этотъ, по своей простотѣ и краткости, отдавалъ чѣмъ-то библейскимъ; онъ весь состоялъ въ томъ, что пусть казакъ ѣздитъ, но пусть онъ оставляетъ лошадь гдѣ-нибудь со вѣзда и ходитъ черезъ мѣстечко пѣшкомъ; а главное, чтобы онъ не смѣлъ ни къ кому обращаться ни съ какимъ словомъ. Тогда ему нельзя будетъ никому грозить, никого пугать, и ничего онъ не уложитъ себѣ подъ сѣдло; а между тѣмъ комиссаръ съ маіоромъ будутъ играть, и дѣла въ трактирѣ Нахмана не остановятся, и всѣмъ будутъ идти добрые геншефты.

Планъ былъ очень хорошъ, и его одобрили всѣ евреи, и комиссаръ, и нашъ маіоръ, который немедленно же отдалъ въ этомъ смыслѣ точный приказъ Анацьеву и затѣмъ закатилъ самъ на ту сторону отыгрываться.

Кажется, даже самъ Анацьевъ, котораго это всѣхъ прямо касалось, и тотъ былъ этимъ доволенъ, и съ великою клятвой присягалъ маіору, что все то исполнить.

— Ей-Богу,—сказалъ онъ:—я, ваше благородіе, даже радъ, что этакъ уже по крайности съ меня вся напраслина снимется. А мнѣ что съ ними говорить? Богъ съ ними соестьмъ; нешто мнѣ, кромѣ ихъ, не съ кѣмъ поговорить? Я и на своей сторонѣ поговорю.

Такъ большимъ и тонкимъ дипломатическимъ умомъ Схарія былъ улаженъ, ко всеобщему удовольствію, этотъ казусный вопросъ, и Схарія, прекрасно проведя канунъ гесселаго праздника, пошелъ держать съ своей Халой опо-

чивъ, который долженъ былъ дать ему силу и крѣпость потрудиться завтра въ честь побѣдительнаго Амана и за столомъ, и за молитвой.

Но какъ въ старенькой пѣсенкѣ поется: «что на счастье прочно всякъ надежду кинь», то этою ночью, когда Схаріи улегся по всемъ правиламъ талмудической науки и спалъ пагашомъ и на лѣвомъ боку, изображая собой Исаака, положеннаго на жертвенникъ, ему опять привидѣлся тотъ же зловѣщій сонъ вчерашней ночи и повторился во всехъ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ.

Это Схарію смутило тѣмъ болѣе, что какъ ни точны на все случаи жизни указанія раввиновъ, но такое буквальное повтореніе сна ими, вѣроятно, не было предвидѣно и во всей обширной наукѣ Схаріи не было рецепта, какъ поправить это дѣло, да и не было уже времени его поправлять; заря Пурима восходила, и Хава, соблюдая свой супружескій долгъ, возвѣщала объ этомъ толчкомъ въ бокъ своему супругу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Начался веселый Пуримъ; какъ подобаетъ по написанному и по переданному дѣдами, все пришли утромъ въ синагогу, мужчины и женщины, причемъ почти каждый захватилъ съ собою ножичекъ, гвоздь и молотокъ или колотушку. Каждый тотчасъ съ прихода спѣшили нацарапать гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ, на стѣнѣ или на чемъ другомъ, имя Амана для того, чтобы потомъ во время чтенія книги Эсэиръ «бить Амана»,—то-есть колотить по его выцарапанному имени, пока оно изгладится. Канторъ проиѣлъ громко исповѣдь, прочитавъ урокъ изъ книги Закона; Схарія, который старался скрыть свое смущеніе, откупилъ право обносить посреди синагоги Законъ, и все сыны Израйля цѣловали на рукахъ его священный свитокъ. Послѣ этого чтець зачиталъ книгу Эсэири, и при первомъ же звукѣ «Аманъ» по синагогѣ раздался оглушительный стукъ молотковъ и колотушекъ, которыми благочестивый народъ усердно изглаживалъ ненавистное ему имя. Схарія, какъ извѣстный законникъ, дѣйствовалъ всехъ ретивѣе. Онъ выгравировалъ предъ собою имя Амана крупнѣе и глубже, чѣмъ все другіе, и съ перваго же раза ударилъ по немъ

такъ жестоично, что случилось самое ужаснѣйшее изъ ужасныхъ происшествій: большая, надежная колотушка Схаріи сломалась въ самой рукояткѣ, и ненавистное имя Амана оставалось во всемъ своемъ очевидномъ значеніи неизглаженнымъ. Рыжій-таки запечаталъ его книгу...

Это былъ скандалъ невѣроятный и примѣта самая скверная; порядокъ моленья нарушился; неизглаженного Схаріей Амана должны были добить другіе, что они и исполнили съ жестоиченіемъ общими силами, но, тѣмъ не менѣе, Схарія былъ страшно униженъ и сконфуженъ. Все обаяніе его сразу пало въ прахъ во мнѣніи мятежнаго народа, который легко бунтовался даже противъ самого Моисея. И Схарія видѣлъ это и не удивлялся; предзнаменованіе было слишкомъ зловѣщее, чтобы строго религіозный человѣкъ не отшатнулся отъ того, надъ кѣмъ такъ видимо тяготѣетъ какое-то ужасное указаніе. Всѣ сказали себѣ, что Схарія вѣрно чѣмъ-нибудь безъ мѣры тяжко согрѣшилъ и что онъ непременно долженъ погибнуть. Всѣ отъ него отшатнулись, и кучки гуляющихъ въ праздничномъ уборѣ удалялись отъ его дома, какъ отъ зачумленного.

Положеніе было псаломское: Господь удалялъ отъ Схаріи и друга, и искренняго, и приуготовлялъ его быть въ мерзость себѣ самому и въ поношеніе людямъ.

Если изъ васъ кто-нибудь такъ счастливъ, что уже переходитъ въ жизни полосу, когда человѣкъ весь видитъ себя въ рукѣ какой-то неодолимой власти, которая его мнетъ и тяготитъ, то вы можете понять это положеніе, а если вы еще сыры и не научены доброму смыслу и вѣдѣнію, то вы и не поймете, какъ въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ удивительно одурѣваетъ и начинаетъ самъ лѣзть на свою гибель. Все это и продѣлалъ надъ собою въ совершенствѣ Схарія.

Мучительное сознаніе отверженія терзало его, но онъ отправлялъ праздникъ по установленію и усердно старался привести себя въ такое состояніе, когда благочестивый еврей перестаетъ отличать Амана отъ Мардохея. Доспѣвая къ этому, Схарія частенько подходилъ къ укрѣпленному въ углѣ поставцу и послѣ каждаго стаканчика отходилъ къ огню, растопыривалъ предъ собою обѣ руки и считалъ пальцы; но хмель былъ не разымчивъ и число пальцевъ все оставалось одно и то же: на двухъ рукахъ и теперь,

въ Пуримъ, все было десять пальцевъ, какъ будто въ самый простой день.

Съ коихъ поръ Схарія себя помнилъ, съ нимъ этого еще никогда не случалось. Не худо ли было вино въ баклажкѣ, по каждый Пуримъ онъ припасалъ себѣ одно и то же вино, которое чортъ его знаетъ почему называется «розенвейнъ», хотя состоитъ просто изъ смѣси коньяку и воды. Проще сказать, по-нашему это ополоски, которыми ополаскиваютъ бочки изъ-подъ красныхъ французскихъ винъ, подправляютъ коньякомъ и продаютъ жидамъ, а тѣ пьютъ и дурѣютъ. Въ былые годы Схарія отъ этого розенвейна видѣлъ у себя на двухъ рукахъ пальцевъ по двадцати, и теперь чѣмъ туже это давалось, тѣмъ онъ сильнѣе этого добивался. Онъ выпивалъ и, выпивая, расхаживалъ по комнатамъ и размышлялъ: за что такъ разгнѣвался на него Всесильный и въ самый Пуримъ отдалъ его въ посмѣяніе невѣждамъ? Если онъ, Схарія, чѣмъ-нибудь и согрѣшилъ болѣе или менѣе тяжело, если онъ даже когда-нибудь, сядя за столъ, позабылъ вымыть руки, то вѣдь и это можетъ быть изглажено въ такой праздникъ. Но сколько же у него, Схарія, есть зато заслугъ и святыхъ дѣлъ? Не онъ ли, Схарія, всю свою жизнь подстерегалъ всѣ грѣхи христіанъ, выставлялъ ихъ на видъ своимъ старцамъ и дѣтямъ и лучше всѣхъ успокоивалъ ихъ совѣсть въ разрѣшеніи всякихъ присягъ, клятвъ и обѣщаній, данныхъ христіанину? Не онъ ли вредилъ христіанамъ неуничиительно всегда и чѣмъ только могъ? Не онъ ли доказывалъ, какъ бѣдна и ничтожна христіанская вѣра, какъ она ничего не даетъ своимъ на землѣ, гдѣ они до сихъ поръ еще не научились, чтобы другъ друга поддерживать, а въ будущемъ даже и не обѣщаютъ имъ ничего такого, чтѣ бы могло согрѣть внутренность? Какъ осязательно онъ умѣлъ представить награды, которыя ждуть вѣрныхъ евреевъ. Онъ умѣлъ научать всѣхъ вотъ именно въ этотъ веселый праздникъ Пуримъ забывать всѣ притѣсненія и бѣдствія, которыя они несутъ отъ ненавистныхъ христіанъ. Самого несчастнаго и бѣднаго онъ приводилъ въ расположеіе мечтать теперь о хорошемъ нивѣ, о крѣпкомъ винѣ, о рыбѣ Левіаанѣ и о большомъ быкѣ, котораго пасутъ ангелы и даютъ ему въ день траву съ тысячи горъ.

Сердце Схарія сохло и внутренность его требовала ро-

зевейна: отъ подошелъ къ поставцу и сразу палилъ два заповѣдные сосуда: узкодонный бокаль, изъ котораго онъ пилъ, когда женился на первой женѣ, бывшей дѣвушкой, и стаканъ, изъ котораго поила его Хава, выходявшая за него замужь вдовой.

— Жены мои, развеселите меня хмелемъ винограда и воспоминаніемъ того, что было, когда мы въ первый разъ пили вмѣстѣ изъ этихъ стакановъ!

Проговоривъ это, Схарія духомъ проглотилъ узкодонный бокаль и стаканъ и, отойдя къ окну, опять растопырилъ и пересчиталъ всѣ свои пальцы.

Дѣло не подвигалось: на рукахъ у Схаріи продолжало оставаться десять пальцевъ. Было очевидно, чтобы выбиться изъ этого гнуснаго положенія, надо было прибѣгнуть къ послѣднимъ, самымъ дѣйствительнымъ средствамъ и уже ничего не жалѣть.

Схарія такъ и сдѣлалъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—пусть это не будетъ такъ! Нѣтъ; если ужъ на то пошло, то я уже ничего не пожалѣю и такъ и быть я обновлю Законъ въ синагогѣ.

У этихъ суевѣровъ «обновить», то-есть пожертвовать въ синагогу новый свитокъ, все равно, что у игроковъ смарать старыя записи. Но это стѣитъ дорого, потому что «обновить» иначе нельзя, какъ чтобы новый свитокъ былъ на раднѣе того, который уже находится въ употребленіи.

Но Схарія рѣшилъ «обновить» и притомъ «безъ обмана», и объявилъ это Хавѣ.

— Жена моя, встань и слушай, слушай, что будетъ говорить твой мужъ, потому что я буду давать обѣтъ Богу и безъ всякой хитрости, и что я Ему обѣщаю, ты, Хава, будешь тому свидѣтельница.

— Только не надо обѣщать грошей,—отозвалась Хава.

— Нѣтъ, ты молчи и слушай. Это не твое дѣло: я обѣщаю, Хава, что если надъ нами не будетъ ничего худого и если я и ты, Хава, и всѣ дѣти мои, и весь домъ мой проживемъ этотъ годъ здорово до другого Пурима, то я, Хава, буду дѣлать большія жертвы: я выпишу, Хава, изъ Вильны самаго лучшаго писаря и прикажу ему списать весь Законъ на телячьемъ пергаменѣ большими, ровными, какъ одна, литерами. И это будутъ, Хава, такія книги, какихъ у насъ еще не было: всѣ онѣ будутъ списаны безъ

одной ошибки и кусокъ пергамена будетъ пришитъ къ другому куску воловьими жилами изъ быка, котораго я самъ заколю на это. И приколочу я пергамень къ крашенымъ палкамъ съ золотыми цвѣшками... И это будетъ *мой Законъ*... О-о-о-й, не мѣшай, не мѣшай мнѣ общаться, Хава: я знаю, что ты хочешь говорить, а ты только слушай. Тебѣ, Хава, не надо говорить, потому что я все знаю, и даю обѣтъ Богу за то, чтобы Онъ меня хорошо охранилъ до другого Пурима... Да; и тебѣ зато со мною хорошо будетъ, Хава. И когда все будетъ готово, Хава, ты приготовишь тогда гугель и перцу съ медомъ и всякихъ пряниковъ, только такъ, чтобы отъ нихъ не болѣлъ крѣпко животъ и никто, ихъ поѣвши, не умеръ. Я куплю намоченныхъ яблоковъ и всякихъ хорошихъ плодовъ, и состроимъ балдахинъ... О-о-о-й, не мѣшай, Хава, не мѣшай, мнѣ это надо все громче кричать, чтобы всѣ ангелы слышали, что я обещаю! Построимъ балдахинъ съ золотомъ, Хава, и съ серебромъ... да, Хава,— съ настоящимъ яснымъ золотомъ, какъ Соломонъ дѣлалъ, и будетъ балдахинъ на двадцати четырехъ высокихъ крашенныхъ палкахъ, и всѣ будутъ за тѣ палки цѣпляться, а возьмутъ ихъ мои сыны и друзья, и мы одни понесемъ его по серединѣ всей улицы и впереди всѣхъ войдемъ въ синагогу, а книги будутъ нести раввины. Каждый раввинъ все будетъ нести всего по пяти шаговъ и перемѣняться,— да... по пяти...

— И за то имъ всѣмъ надо платить? — рѣшительно перебила Хава.

— Да, Хава, да; всѣмъ надо будетъ платить,—отвѣчалъ Схарія:—и мы всѣмъ заплатимъ, Хава. Что же такое: мы заплатимъ, но потомъ Богъ отдастъ намъ всемеро... Ты, вѣрно, забываешь, Хава, что Богъ долженъ отдать намъ все всемеро, и даже больше какъ всемеро.

— Еще отдастъ ли, и когда Онъ отдастъ!

— Хава, развѣ такъ можно говорить? Развѣ я не ученый человекъ, развѣ я не весь Законъ знаю; развѣ это не я тебѣ говорю? И какъ ты можешь мнѣ не вѣрить съ одного слова, когда я могу тебя за это отпустить.

— А если ты умрешь прежде, чѣмъ получишь отъ Бога всемеро, какой тогда будетъ намъ гешефтъ?

— Ага! вотъ ты опять не хорошо говоришь, Хава: право, ты не хорошо говоришь, для чего же я умру: я за то обѣтъ

дѣлаю, чтобы я не умеръ и былъ цѣль до другого Пурима, а ты говоришь, что я умру. Знаешь, я опять теперь боюсь, Хава, что твоя бабка была не Ева, а глупая Лались, которая докучала Адаму тѣмъ, что все спорила. Смотри, Хава, чтобы я за это не далъ тебѣ разводъ.

Но Хава, относительно еще молодая жена Схаріи, которая была маловѣрна и довольно скупа, а къ тому же знала себѣ цѣну, рѣшительно возстала противъ цѣнныхъ обѣтовъ и, указывая на преклонные годы Схаріи и на свою относительно молодость и на кучу здѣсь же шнырявшихъ и валявшихся по перинамъ дѣтей, съ совершенно несвойственной еврейкѣ самостоятельностью, рѣшительно протестовала противъ такъ торжественно принесеннаго ей мужемъ обѣта.

Схарія, какъ ни былъ преисполненъ самой основательной ученой солидностью, не могъ снести этой дерзости: онъ сталъ сердиться, кричать, а наконецъ, видя, что не можетъ побѣдить строптивой жены, сказалъ ей:

— Штиль! я завтра же напишу тебѣ разводное письмо, да непременно! и велю писарю написать его ровными, одна къ одной буквами и безъ всякой ошибки, и ты его возьми и ступай вошь, и пусть имя твое изгладится въ потомствѣ.

И Схарія въ гнѣвѣ подошелъ опять къ шкапу и налилъ себѣ розенвейна, а Хава, которая не очень боялась изгладенія своего имени, но очень боялась остаться безъ денегъ, спокойно отвернулась къ окну, но вдругъ пронзительно вскрикнула:

— Что тамъ?—спросилъ Схарія.

— Казакъ,—прошентала Хава и указала на свои ворота, въ которые Ананьевъ тянулъ за поводъ свою длинноногую поджарую лошадь.

Схарія уронилъ стаканъ и, взглянувъ торопливо на свои пальцы, увидалъ, что ихъ ни одного нѣтъ... Да, совсѣмъ ни одного не было, а предъ глазами только какой-то огромный трясущійся паукъ косилъ во всѣ стороны кривыми ногами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Схарія паладилъ свое дѣло! Его обѣтъ уже несомнѣнно принесъ свои плоды: исчезновеніе пальцевъ возвѣщало при-

ближеніе того воздѣлѣннаго состоянїя, когда онъ не стаетъ отличать Амана отъ Мардохея, а тогда по его молитвѣ будутъ твориться чудеса, какія творились по молитвѣ Рабба, убившаго и воскресившаго раввина Сиро. Меламедъ сообразилъ это и быстро поправился: казакъ ему пересталъ быть страшень.

— Не смѣй кричать!—сказалъ онъ женѣ:—ты увидишь, что я съ нимъ сдѣлаю.

— Нѣтъ, ты смотри, что онъ дѣлаетъ,—и Хава указала на Ананьева, который въ это время щелкнулъ нагайкой по боку хозяйскую корову, что меланхолически жевала сѣно у обрѣза, и, отогнавъ ее, поставилъ къ сѣну свою донскую клячу.

— Это ничего,—отвѣчалъ Схарія.

— А коровѣ больно: она не дастъ молока, и когда у нея заболитъ печенка, она будетъ трефъ.

— Если у нея заболитъ печенка, мы ее продадимъ христіанамъ и намъ не будетъ никакого убытка.

— А когда онъ придетъ и будетъ просить ѣсть.

— Онъ не можетъ, Хава, просить, онъ ничего *съ нами* говорить не смѣетъ.

— А когда онъ станетъ пугать?

— Онъ не будетъ пугать!

— Почему не будетъ?

— Молчи: я знаю: онъ *съ нами* ничего дѣлать не смѣетъ.

— А какъ онъ украдетъ мою серебряную ложку?

— Ты сидь, Хава, на ложку; сидь на нее хорошенько, какъ Рахиль, и онъ ея не украдетъ, а мнѣ скорѣ подай изъ шкапа листъ бумаги и чернила, и смотри и понимай, что умно-преумно буду дѣлать. Теперь смирно: онъ входитъ.

— И онъ съ кѣмъ-то говоритъ, Схарія,—робко прошептала Хава.

— Молчи; пусть съ кѣмъ хочетъ говорить, а съ нами онъ говорить не будетъ. Тутъ я буду говорить; ты замѣчай, Хава, что я буду говорить. Я буду очень умно говорить.

Въ это время сильный толчокъ изъ сѣней отворилъ дверь и на порогѣ показался во весь свой огромный ростъ казакъ Ананьевъ. По дипломатическимъ условїямъ своей поѣздки онъ былъ безо всякаго оружія, но съ нагайкой, увѣсительность которой уже испытала на себѣ Схарїина корова.

Дѣти, видя казака, сначала-было все сразу заплакали,

по когда Хава загребла ихъ кучкой въ уголь и покрыла своею ватною юбкой, они сейчасъ же стихли. Въ покоѣ водворилось мертвое молчаніе.

Казакъ немножко покачивался: опъ, очевидно, былъ пьянъ. Это такъ и слѣдовало. Пуримъ справлялся не на одной австрійской сторонѣ, а и на нашей, гдѣ благочестивыхъ евреевъ еще болѣе, чѣмъ въ Австріи, и всѣ они не менѣе австрійскихъ крѣпки въ отеческихъ преданіяхъ.

Моментъ былъ тягостный и острый, который, повидимому, ни одна, ни другая сторона не знали какъ прервать; но это длилось не долго, и меламедъ первый далъ починокъ къ еживленію сцены.

Схарія, какъ будто не обращая на казака вниманія, взялъ въ руку перо и, глядя на него, заговорилъ по-русски:

— Ой, перо мое, перо! ой, кабы ты могло знать, мое перо, что я съ тобою буду дѣлать? А я съ тобою сейчасъ буду писать все, что здѣсь будетъ говорить чужой человѣкъ, которому ничего по сей бокъ ни съ какимъ цезарскимъ человѣкомъ говорить не велѣно. И какъ, что онъ скажетъ, я все сейчасъ запишу и пошлю то къ комиссару, а комиссаръ отошлетъ московскому маіору, а московскій маіоръ выбьетъ тѣ слова кому надо по-московски на спину, и будетъ тогда отъ этого чужому человѣку совсѣмъ очень грескверно. Тенерь слушай, мое перо, и пиши хорошенько.

Проговоривъ это, Схарія обмакнулъ перо, положилъ руку на бумагу и приготовился писать; но писать было нечего. Апаньевъ не обращался ни съ однимъ словомъ ни къ Схаріи, ни къ его Хава, ни къ ихъ дѣтямъ, а, выслушавъ политичную рѣчь меламеда, повелъ противъ него свою политику.

Стоя посреди горницы, казакъ прежде всего вынулъ изъ шароваръ трубку и началъ ее молча набивать. Потомъ закурилъ трубку собственною свичкой, спряталъ въ шаровары кисеть и, усѣвшись на скамьѣ за столомъ, вытащилъ изъ кармана маленькій бѣлый миткалевый платочекъ и престо-осторожно-осторожно началъ его разворачивать.

Казакъ раскрывалъ свой платокъ, точно въ немъ былъ завернуть какой-то драгоценный перстень, но, разумѣется, ни перстня, ни какой другой драгоценности въ платкѣ не было. Это досконально видѣлъ и Схарія, и его жена, и ихъ дѣти, и баба Оксана. Похоже было, что это кака-то хит-

рость, и эта хитрость начинала всёхъ занимать. Казакъ же продолжалъ свое дѣло необыкновенно серьезно: онъ развернулъ платочекъ, сравнялъ всё уголки вдвое, вчетверо, потомъ крестъ-на-крестъ и будто разсердился, что не такъ вышло, и опять сталъ его встряхивать и на-ново складывать. Опять долго и много онъ его встряхивалъ, переворачивалъ, смотрѣлъ на свѣтъ и, замѣтивъ гдѣ-то пылинку на столѣ, сдуть ее и началъ разстилать и разглаживать лапами на этомъ мѣстѣ свой платокъ, а потомъ, положивъ на него свою нагайку, поласкалъ ее рукой, какъ будто какого любимаго кота, и повелъ *съ нею* такое слово:

— Ой, нагайка моя, нагайка! Распреумная ты, моя дружина, казачья кормилица. Много ты мнѣ, государыня, сослужила всякихъ службъ и еще сослужи, что я *тебѣ* буду теперь сказывать. Не сердись, что я строго съ тобой сейчасъ обошелся, что долженъ былъ тебя объ жидовскую корову хлопнуть; въ этомъ ты сама виновата: зачѣмъ службу забываешь: не припасла коню на дворѣ гарчникъ овса и корову раньше не отогнала. Вотъ за то тебѣ и досталось, что ты свою донскую присягу забыла, за это я тебя и впередъ не помилую. Не хочешь бита быть — сама себя оберегай, — носи службу вѣрную: я сейчасъ теперь пойду къ командиру и самую короткою дорогою, нибко побѣгу, а тебѣ приказываю, чтобы мнѣ здѣсь къ моему приходу, вотъ на самомъ этомъ платочкѣ, стояла цѣлая бутылка водки и тарелка перну съ жидовской рыбой, и ты это непременно достань, а если не достанешь, то я тебя схвачу тогда за ухо, да начну обо всёхъ жидовъ хлопать, пока у тебя ухо оторвется. Вотъ тебѣ въ томъ и задатокъ, чтобы знала, какъ тебѣ достанется!

При этомъ онъ взялъ нагайку въ руки и, вставъ съ мѣста, такъ ударилъ ею по скамейкѣ, что та сразу же развалилась надвое, а самъ опять положилъ нагайку на платокъ и вышелъ, не сказавъ хозяевамъ ни одного слова.

Впечатлѣніе было полное. Казакъ успѣлъ уже обогнуть уголъ дома, а семья достопочтеннаго Схаринъ еще пристально смотрѣла на мастерски разрѣзанную плетью скамью, которая служила прообразованіемъ того, что въ самомъ недалекомъ будущемъ должно случиться съ ними самими, если только умъ и ученость Схаринъ не найдутъ средства

отклонить жестокаго наказанія, угрожавшаго несчастной нагайкѣ.

Первая обнаружила признаки этой заботливости Хава: она выпустила изъ-подъ юбки дѣтей и сказала мужу:

— Что ты себѣ думаешь, что онъ говорилъ съ этой богавкой?

— Я думаю, что онъ совсѣмъ глупый.

— А что изъ этого, что онъ глупый, когда ей отъ этого ничего, а намъ очень больно будетъ.

— Это правда.

— Видишь, что онъ сдѣлалъ съ нашей скамейкой.

— Онъ ее совсѣмъ испортилъ, Хава.

— Я не хочу, чтобы съ нами такъ было, Схарія.

— Да, лучше я буду думать, чтобъ этого не было, — отвѣчалъ онъ.

— Ты станешь думать и опять устроишь.

— Нѣтъ, Хава, я теперь не усну, теперь нельзя спать, Хава.

— Нельзя спать, надо скорѣе послать Оксану за Шмилемъ и Шліомой, чтобъ они шли съ этимъ москалемъ биться.

— Нѣтъ, Хава, нѣтъ. Что такое биться? Изъ-за чего биться? И они не придутъ, Хава, биться... Нѣтъ!.. Я сейчасъ выдумаю; я сейчасъ выдумаю такое, что ты никогда не слыхала, да; я не пошлю Оксану ни за Шмилемъ, ни за Шліомой, потому что они будутъ потомъ на насъ смѣяться, а я пошлю Оксану совсѣмъ въ другое мѣсто. Оксана! что ты стоишь? Ты ходи смѣло, совсѣмъ смѣло ходи. Ты иди въ кладовую и возьми все, что онъ говорилъ, — ты возьми рыбу и ты водку возьми, и ты поставь все это сейчасъ на столъ. Да, да, да, нечего тебѣ такъ на меня смотрѣть: я умный человекъ, я знаю, что я говорю, потому что я не хочу, чтобъ онъ билъ о меня и о моихъ дѣтей свою знагайку. А онъ дуракъ. Если онъ можетъ думать, что эта знагайка можетъ ему водку и рыбу поставить — онъ дуракъ, и Коганъ Шліома дуракъ. Мы поставимъ водку и рыбу, и этотъ казакъ завтра заѣдетъ до Шліома и опять все этакъ сдѣлаетъ, а Шліомъ глупый человекъ, онъ разсердится и не поставитъ всего на столъ и они оба будутъ одинъ съ другимъ биться и оба друга друга убьютъ и ихъ за это обоихъ повѣсятъ на высокомъ

столбѣ, и поганая птица съ большимъ посомъ садеть на нихъ и будетъ ихъ ѣсть. А мы дадимъ этому дураку водки и рыбы и больше ничего, потому что у меня есть настоящий умъ, который все злое можетъ переѣдать. Пусть онъ думаетъ, что ему все это принесла сюда его знайка, и пусть сдѣлаетъ этакъ же завтра съ Шліомою. Вотъ что я выдумалъ!

И Схарія отъ петерифіа самъ помогаль скорѣ выставить на указанное казакомъ мѣсто бутылку вина и полмисокъ съ рыбой, и былъ очень радъ, что въ эту же самую минуту въ окнѣ мелькнула фигура Ананьева и чрезъ секунду находчивый плутъ самъ появился.

Одно, что не было приготовлено Ананьеву, это не поставили ему другой скамейки, по походный человекъ за этимъ не гонится; нашъ же казакъ теперь былъ особенно скоръ и рѣшителенъ: онъ даже выпилъ всего одну рюмку водки, а всю остальную бутылку спустилъ за голенище; а кушанье только попробовалъ и замѣтилъ, что жиды очень мало рыбы въ перецъ кладутъ. А затѣмъ собрали все въ платокъ и прочелъ казачью молитву:

— Богъ напнталь — чертъ не видалъ, а если видѣлъ — не обидѣлъ. И тебѣ, нагайка, спасибо: хорошо спроворила, за то и не будешь о жидовъ бита; а теперь хочешь здѣсь оставайся, хочешь вели бабѣ, чтобъ она несла тебя за мной съ почестью.

— Песи ее! — шепнулъ грозно Оксанѣ Схарія.

И та понесла нагайку за Ананьевымъ, который, войдя на дворъ, отвязалъ отъ обрѣза свою клячу и сталъ подтягивать подруги, но вдругъ слышитъ — баба говоритъ ему:

— Господа Москалю, а господа Москалю!

Казакъ посмотрѣлъ на нее и отвѣчаетъ:

— Молчи, тетка, мнѣ въ вашемъ царствѣ съ вами говорить нельзя.

— Да мени отъ васъ только одно слово треба.

— Какое одно слово: худое или доброе?

— Скажите мени, чи вы чего у насъ не вкрали?

— Чтѣ ты, чтѣ ты, дура! Развѣ мы не крещены?

— Да що съ того, що вы крещены, да крадете, а мени потомъ хозяева битъ будутъ.

— Бить будутъ! Вотъ видишь жизнь-то у васъ какаа горькаа!

— Отдайте же що вы вкралы?

— Да отвязжись ты отъ меня, сдѣлай милость, съ такими пустяками. Ты лучше молись Царицѣ Небесной, чтобы мы васъ поскорѣй побѣдили и за себя взяли, тогда тебя жидь не посмѣетъ бить.

— Да що молиться, я и такъ молюсь, щобъ и вы побидыли и щобъ васъ побидыли, а яки не побидятся, тихъ щобы сила Бога побидыла, тылько скажите, що вы у меня вкралы?

Казакъ и разсердился.

— Тьфу ты, дура, говоритъ: — съ тобой и словъ тра-
тить нечего!

Вскочилъ на коня и говорить:

— Подай мою нагайку.

По Оксана, что бы вы думали:

— Эге, — говоритъ — пѣть, вы мени отдайте що вы вкралы.

Тутъ Оомка Анапьевъ уже совсѣмъ взбѣсился, да къ ней, а она отъ него, да въ сѣни заперлась, а нагайка у нея въ рукахъ осталась. А казакъ туда-сюда, ломиться не смѣетъ — и былъ таковъ — ускакалъ на свою сторону. И вышла всѣхъ дальновиднѣе баба Оксана, а всѣхъ глуше мудрый Схарія, который тутъ только и понять, какъ онъ просто могъ отдѣлаться. Съ этой поры мой Схарія и сталъ у всѣхъ въ посмѣшищѣ и доживаетъ вѣкъ въ дуракахъ, ожидая, пока придетъ часъ обмазать ему голову сырмъ яйцомъ и зарыть его въ землю. Вотъ вамъ и «страшный жидь» съ расчетомъ. Конечно, можетъ-быть это къ другимъ въ примѣръ не идетъ, ну да я вѣдь это такъ рассказалъ, къ тому, что и расчетливый просчитывается. Не зыщите. А теперь спать бы! да если ночью тревога, по-жалуйста вставать — не копаться.

БѢЛЫЙ ОРЕЛЬ.

(ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ).

«Собака спитъ хлѣбъ, а рыба — рыбаку».
Феофрантъ (Идиллія).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Есть вещи на свѣтѣ. Съ этого обыкновенно у насъ принято начинать подобные рассказы, чтобы прикрыться Шекспиромъ отъ стрѣль остроумія, которому нѣтъ ничего неизвѣстнаго. Я, впрочемъ, все-таки думаю, что «есть вещи» очень странныя и непонятныя, которыя иногда называютъ сверхъестественными, и потому я охотно слушаю такіе рассказы. Поэтому же самому, два-три года тому назадъ, когда мы, умалаясь до дѣтства, начали играть въ духовидство, я охотно присоединился къ одному изъ такихъ кружковъ, уставомъ котораго требовалось, чтобы въ нашихъ собраніяхъ по вечерамъ не произносилъ ни одного слова ни о властяхъ, ни о началахъ міра земнаго, а говорить единственно о безплотныхъ духахъ — объ ихъ появленіи и участіи въ судьбахъ людей живущихъ. Даже «консервировать и спасать Россію» не дозволялось, потому что и въ этомъ случаѣ многіе, «начиная за здравіе, все сводили за упокой».

На этомъ же основаніи строго преслѣдовалось всякое упоминаніе всеу какихъ бы то ни было «большихъ именъ», кромѣ единственнаго имени Божія, которое, какъ извѣстно, по крайней мѣрѣ употребляется для красоты слога. Бывали, конечно, нарушенія, но и то съ большою осторожностью. Развѣ какіе-нибудь два нетерпѣливѣйшіе изъ политиковъ отобьются

къ окну или къ камину и что-то пошепнуть, но и то одинъ другого предостерегаетъ: «pas si haut!» А хозяинъ ихъ уже пазираетъ, и шутя грозить имъ штрафомъ.

Каждый долженъ былъ по очереди рассказывать что-нибудь фантастическое *изъ своей жизни*, а какъ умѣнье рассказывать дается не всякому, то къ рассказамъ съ художественной стороны не придирались. Не требовали также и доказательствъ. Если рассказчикъ говорилъ, что рассказываемое имъ событіе, дѣйствительно, происходило съ нимъ, ему вѣрили, или, по крайней мѣрѣ, притворялись, будто вѣрятъ. Такой былъ этикетъ.

Меня это больше всего занимало со стороны субъективности. Въ томъ, что «есть вещи, которыя не снились мудрецамъ», я не сомнѣваюсь, но какъ такія вещи кому представляются — это меня чрезвычайно занимало. И въ самомъ дѣлѣ, субъективность тутъ достойна большого вниманія. Какъ, бывало, ни старается рассказчикъ, чтобы стать въ высшую сферу безилотнаго міра, а все непремѣнно замѣтишь, какъ замогильный гость приходитъ на землю окрашиваясь, точно свѣтовой лучъ, проходящій черезъ цвѣтное стекло. И тутъ уже не разберешь, что ложь, что истина, а между тѣмъ слѣдить за этимъ интересно, и я хочу рассказать такой случай.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

«Дежурнымъ мученикомъ», т. е. очереднымъ рассказчикомъ было довольно высокопоставленное и притомъ очень оригинальное лицо, Галактіонъ Ильичъ, котораго въ шутку звали «худородный вельможа». Въ кличкѣ этой скрывался каламбуръ: онъ, дѣйствительно, былъ немножко вельможа и притомъ былъ страшно худъ, а вдобавокъ имѣлъ очень незнатное происхожденіе. Отецъ Галактіона Ильича былъ крѣпостнымъ буфетчикомъ въ именитомъ домѣ; потомъ откупщикомъ и, наконецъ, благотворителемъ и храмоздателемъ, за что получилъ въ сей брэнной жизни орденъ, а въ будущей мѣсто въ царствѣ небесномъ. Сына онъ обучалъ въ университетѣ и вывелъ въ люди, но «вѣчная память», которую пѣли ему надъ могилой въ Невской лаврѣ, сохранилась и тяготѣла надъ его наслѣдникомъ. Сынъ «человѣка» достигъ извѣстныхъ степеней и допускался въ

общество, по шутка все-таки волокла за нимъ титулъ «худороднаго».

Объ умѣ и способностяхъ Галактіона Ильича едва ли у кого-нибудь были ясныя представленія. Что онъ могъ сдѣлать и чего не могъ,—этого тоже навѣрно никто не зналъ. Кондуть его былъ коротокъ и простъ: онъ въ началѣ службы, по заботамъ отца, попалъ къ графу Виктору Никитичу Панину, который любилъ старика за какія-то извѣстныя ему достоинства и, принявъ сына подъ свое крыло, довольно скоро выдвинулъ его за тотъ предѣлъ, съ котораго начинаются «ходы».

Во всякомъ случаѣ надо думать, что онъ имѣлъ какія-нибудь достоинства, за которыя Викторъ Никитичъ могъ его повышать. Но въ свѣтъ, въ обществѣ Галактіонъ Ильичъ успѣха не имѣлъ и вообще не былъ избалованъ насчетъ житейскихъ радостей. Онъ имѣлъ самое плохое, хлипкое здоровье и фатальную наружность. Такой же долгій, какъ его усошій патронъ, графъ Викторъ Никитичъ, — онъ не имѣлъ, однако, вишняго величія графа. Напротивъ, Галактіонъ Ильичъ внушалъ ужасъ, смѣшанный съ нѣкоторымъ отвращеніемъ. Онъ въ одно и то же время былъ типическій деревенскій лакей и типическій живой мертвецъ. Длинный, худой его остовъ былъ едва обтянутъ сѣровой кожей, непомѣрно высокій лобъ былъ сухъ и желтъ, а на вискахъ отливала блѣдная трупная зелень, носъ широкій и короткій, какъ у черепа; бровей ни признака, всегда полуоткрытый ротъ съ сверкающими длинными зубами, а глаза темные, мутные, совершенно безцвѣтные и въ совершенно черныхъ глубокихъ яминахъ.

Встрѣтить его—значило испугаться.

Особенностью наружности Галактіона Ильича было то, что въ молодости онъ былъ гораздо страннѣе, а къ старости становился лучше, такъ что его можно было переносить безъ ужаса.

Характера онъ былъ мягкаго и имѣлъ доброе, чувствительное и даже, какъ сейчасъ увидимъ, — сентиментальное сердце. Онъ любилъ мечтать и, какъ большинство дурно-рожихъ людей, глубоко таялъ свои мечтанія. Въ душѣ онъ былъ поэтъ больше чѣмъ чиновникъ и очень жадно любилъ жизнь, которую никогда во все удовольствіе не пользовался.

Несчастіе свое онъ несъ на себѣ и зналъ, что оно вѣчно

и неотступно съ нимъ до гроба. Въ самомъ его возвышеніи по службѣ для него была глубокая чаша горечи: онъ подозревалъ, что графъ Викторъ Пикитичъ держалъ его при себѣ докладчикомъ больше всего въ тѣхъ соображеніяхъ, что онъ производилъ на людей подавляющее впечатлѣніе. Галактіонъ Ильичъ видѣлъ, что когда люди, ожидающіе у графа приѣма, должны были изложить ему цѣль своего прихода,—у нихъ меркъ взоръ и подгибались колѣна... Этимъ Галактіонъ Ильичъ много содѣйствовалъ тому, что послѣ него личная бесѣда съ самимъ графомъ каждому была уже легка и отрадна.

Съ годами Галактіонъ Ильичъ изъ чиновника докладывающаго сталъ самъ лицомъ, которому докладываютъ, и ему дано было очень серьезное и щекотливое порученіе въ отдаленной мѣстности, гдѣ съ нимъ и случилось сверхъестественное событіе, о которомъ ниже слѣдуетъ его собственныи разсказъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Не съ большимъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, началъ худородный сановникъ, до Петербурга стали доходить слухи о многихъ злоупотребленіяхъ власти губернатора П—ва. Злоупотребленія эти были обширны и касались почти всѣхъ частей управленія. Писали, будто губернаторъ собственноручно билъ и сѣкъ людей; забиралъ вмѣстѣ съ предводителемъ для своихъ заводовъ всю мѣстную поставку вина; бралъ произвольныя ссуды изъ приказа; требовалъ къ себѣ для пересмотра всю почтовую корреспонденцію—подходящее стравлялъ, а неподходящее рвалъ и металъ въ огонь, а потомъ метилъ тѣмъ, кто писалъ; томилъ людей въ невольѣ. А при этомъ онъ былъ, однако, артистъ, содержалъ большой, очень хорошій оркестръ, любилъ классическую музыку и самъ превосходно игралъ на віолончели.

Долго о его безчинствахъ доносились только слухи, но потомъ взялся тамъ одинъ маленькій чиновникъ, который притащился сюда въ Петербургъ, очень обстоятельно и въ подробности описалъ всю эпопею, и подаль ее самъ въ надлежащія руки.

Исторія выходила такая, что хоть сейчасъ сенаторскую ревізію назначать. По-настоящему оно такъ бы и слѣдо-

вало, но и губернаторъ, и предводитель были на лучшемъ счетѣ у покойнаго государя, а потому взяты за нихъ было не совсѣмъ просто. Викторъ Никитичъ хотѣлъ прежде обо всемъ удостовѣриться поточнѣе черезъ *своего* человека и выборъ его палъ на меня.

Призываетъ онъ меня и говоритъ:

— Такъ и такъ, доходить вотъ такія и такія печальныя вѣсти и, къ сожалѣнію, кажется, въ нихъ какъ будто есть статочность; но прежде чѣмъ дать дѣлу какое-нибудь движеніе, я желаю въ этомъ поближе удостовѣриться и рѣшилъ употребить на это васъ.

Я кланяюсь и говорю:

— Если могу, буду очень счастливъ.

— Я увѣренъ,—отвѣчаетъ графъ:—что вы можете, и я на васъ полагаюсь. У васъ есть такой талантъ, что вамъ вздоръ говорить не стануть, а всю правду выложить.

— Талантъ этотъ,—пояснилъ, тихо улыбувшись, рассказчикъ:—это моя печальная фигура, наводящая уныніе на фронтъ; но кому что дано, тотъ съ тѣмъ и мыкайся.

— Бумаги всѣ для васъ уже готовы,—продолжалъ графъ:—и деньги тоже. Но вы ѣдете *только* по одному нашему вѣдомству... Понимаете *только!*

— Понимаю, говорю.

— Ни до какихъ злоупотребленій по другимъ вѣдомствамъ вамъ какъ будто дѣла нѣтъ. Но это только такъ должно казаться, что *нѣтъ*, а на самомъ дѣлѣ вы должны узнать *все*. Съ вами побѣдутъ два способныхъ къ дѣлу чиновника. Пріѣзжайте, засядьте за дѣло и винкайте будто всего внимательнѣе въ канцелярскій порядокъ и формы судопроизводства, а сами смотрите во все... Призывайте мѣстныхъ чиновниковъ для объясненій и... смотрите *поостроже*. А назадъ не торопитесь. Я вамъ дамъ знать, когда вернуться. Какая у васъ послѣдняя награда?

Я отвѣчаю:

— Владиміръ второй степени съ короной.

Графъ снялъ своей огромной рукою его извѣстный тяжелый бронзовый прессъ-палецъ «убитую птичку», досталъ изъ-подъ него столовую памятную тетрадь, а правою рукою всѣми пятью пальцами взялъ толстый исполнѣе-карандашъ чернаго дерева и, нисколько отъ меня не скрывая, написалъ мою фамилію и противъ нея «*бѣлый орелъ*».

Такимъ образомъ я зналъ даже награду, которая ожидала меня за исполненіе возложеннаго на меня порученія, и съ тѣмъ совершенно спокойный уѣхалъ на другой же день изъ Петербурга.

Со мною былъ мой слуга Егоръ и два чиновника изъ сената—оба люди ловкіе и свѣтскіе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Доѣхали мы, разумѣется, благополучно; прибывъ въ городъ, наняли квартиру и расположились всѣ: я, мои два чиновника и слуга.

Помѣщеніе было такое удобное, что я вполнѣ могъ отказаться отъ удобнѣйшаго, которое мнѣ предупредительно предлагалъ губернаторъ.

Я, разумѣется, не хотѣлъ быть ему обязанъ ни малѣйшей услугой, хотя мы съ нимъ, конечно, не только размѣнялись визитами, но даже я разъ или два былъ у него на его гайденовскихъ квартетахъ. Но, впрочемъ, я до музыки не большой охотникъ и не знатокъ, да и вообще, понятно, старался не сближаться болѣе, чѣмъ мнѣ нужно, а нужно мнѣ было видѣть не его галантность, а его темныя дѣянія.

Впрочемъ, губернаторъ былъ человѣкъ умный и ловкій и своимъ вниманіемъ мнѣ не докучалъ. Онъ какъ будто оставилъ меня въ покоѣ возиться съ входящими и исходящими регистрами и протоколами, но тѣмъ не менѣе я все-таки чувствовалъ, что вокругъ меня что-то копошится, что люди выщупываютъ, съ какой бы стороны меня уловить и потомъ, вѣроятно, запутать.

Къ стыду рода человѣческаго долженъ упомянуть, что не считаю въ этомъ совсѣмъ безучастными даже и прекрасный полъ. Но мнѣ стали являться дамы то съ жалобами, то съ просьбами, но при всемъ этомъ всегда еще съ такими планами, которымъ я могъ только подивиться.

Однако, я вспомнилъ совѣтъ Виктора Някитича, — «посмотрѣлъ построже», и граціозныя видѣнія сникли съ моего, неподходящаго для нихъ горизонта. Но мои чиновники имѣли въ этомъ родѣ успѣхи. Я это зналъ и не пренебрегалъ имъ ни волочиться, ни выдавать себя за очень большихъ людей, за какихъ ихъ охотно принимали. Мнѣ было даже полезно, что они тамъ кое-гдѣ вращаются и преусушиваютъ въ сердцахъ. Я требовалъ только, чтобы не

случилось никакого скандала, и чтобы мнѣ было извѣстно: на какіе пункты ихъ общительности сильнѣе налагаетъ провинціальная политика.

Они были ребята добросовѣстные и все мнѣ открывали. Отъ нихъ все хотѣли узнать мою слабость и что я особенно люблю.

Имъ бы поистинѣ этого никогда не добаться, потому что, благодаря Бога, особенныхъ слабостей у меня нѣтъ, да и самыя вкусы мои, съ коихъ поръ себя помню, всегда были весьма простые. Имъ я всю жизнь стою простой, пью обыкновенно одну рюмку простого хересу, даже и въ лакомствахъ, до которыхъ смолodu былъ охотникъ, — всякимъ тонкимъ желе и ананасамъ предпочитаю астраханскій арбузъ, курскую грушу или, по дѣтской привычкѣ, медовый паношикъ. Не завидовать я никогда ничему богатству, ни знаменитости, ни красотѣ, ни счастью, а если чему завидовать, то можно сказать развѣ одному *здоровью*. Но и то слово завясть не идетъ къ опредѣленію моего чувства. Видь цвѣтущаго здоровьемъ челоуѣка не возбуждалъ во мнѣ досадливой мысли: зачѣмъ онъ таковъ, а я не таковъ. Напротивъ, я глядѣлъ на него только радуясь, какое море счастья и благъ для него доступно, и тутъ, бывало, развѣ иногда помечтаю на разные лады о невозможномъ для меня счастьи пользоваться здоровьемъ, котораго мнѣ не дано.

Пріятность, которую доставлялъ мнѣ видъ здороваго челоуѣка, развила во мнѣ такую же странность въ эстетическомъ моемъ вкусѣ: я не гонялся ни за Тальони, ни за Бозіо, и вообще былъ равнодушенъ какъ къ оперѣ, такъ и къ балету, гдѣ все такое искусственное, а больше любилъ послушать цыганъ на Крестовскомъ. Ихъ этотъ огонь и пылъ, эта ихъ страстная сила движеній мнѣ лучше всего нравились. Иной даже не красивъ, корявый какой-нибудь, а поидеть точно самъ сатана его дергаетъ, ногами пляшетъ, руками машетъ, головой вертитъ, талией крутитъ — весь и колотить, и молотить. А тутъ въ себѣ знаешь только одинъ немощи, и поневолѣ заглядишься и замечтаешься. Что съ этимъ можно вкусить на ширu жизни?

Вотъ я и сказалъ моему чиновнику:

— Если васъ, другъ мой, будутъ еще разспрашивать: что мнѣ болѣе всего нравится, скажите, что здоровье, что и

Больше всего люблю людей бодрыхъ, счастливыхъ и веселыхъ.

— Кажется, тутъ нѣтъ большой неосторожности?—пріостановясь спросилъ рассказчикъ.

Слушатели подумали, и нѣсколько голосовъ отвѣчали:

— Конечно, нѣтъ.

— Ну, и прекрасно, и я тоже думалъ, что нѣтъ, а теперь вы извольте дальше слушать.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ко мнѣ изъ палаты присылали въ мое распоряженіе на дежурство чиновника. Такъ, онъ докладывалъ мнѣ о приходившихъ, отмѣчалъ кое-что и, въ случаѣ надобности, сообщалъ адреса за кѣмъ надо было послать или о чемъ-нибудь сходить справиться. Чиновникъ данъ былъ подъ стать мнѣ, — пожилой, сухой и печальный. Впечатлѣніе производилъ пехорское, но я мало обращалъ на него вниманія, а звали его, какъ я помню, Орнатскій. Фамилія прекрасная, точно герой изъ стариннаго романа. Но вдругъ въ одинъ день говорятъ: Орнатскій занемогъ и вмѣсто его экзекуторъ прислалъ другого чиновника.

— Какой-какой? спрашиваю. — Можетъ-быть я лучше бы подождать, пока Орнатскій выздоровѣетъ.

— Нѣтъ-съ, — отвѣчаетъ экзекуторъ:—Орнатскій теперь же скоро, — онъ занялъ-съ и запой у него продолжится, пока Ивана Петровича мать его выпользуетъ, а о новомъ чиновникѣ не извольте беспокоиться: вамъ вмѣсто Орнатскаго самого Ивана Петровича назначили.

Я на него смотрю и немножечко не понимаю: про какого это онъ мнѣ про *самого* Ивана Петровича говорить, и въ двухъ строкахъ два раза его проименовалъ.

— Чтò это, говорю, — за Иванъ Петровичъ?

— Иванъ Петровичъ!.. это, который у регистратуры сидитъ, — помощникъ. Я думалъ, что вы его изволили замѣтить: самый красивый, его всѣ замѣчаютъ.

— Нѣтъ, говорю, — я не замѣтилъ, а какъ его зовутъ?

— Иванъ Петровичъ.

— А фамилія?

— Фамилія...

Экзекуторъ сконфузился, взялся тремя пальцами за лобъ

и сиделся припомнить, но вмѣсто того, почтительно улыбаясь, добавилъ:

— Простите, ваше превосходительство, вдругъ какъ столбнякъ напелъ и не могу вспомнить. Фамилія его Аквилильбовъ, но мы всѣ его называемъ просто Иванъ Петровичъ или иногда въ шутку «Бѣлый орелъ» за его красоту. Человѣкъ прекрасный, на счету у начальства, жалованья по должности помощника получаетъ четырнадцать рублей пятнадцать копеекъ, живетъ съ матушкой, которая нѣкоторымъ гадаетъ и пользуется. Позвольте представить: Иванъ Петровичъ дожидается.

— Да, ужъ если такъ нужно, то попросите, пожалуйста, сюда этого Ивана Петровича.

— Бѣлый орелъ!.. думаю себѣ: — что это за страпность. Мнѣ орденъ слѣдуетъ бѣлый орелъ, а не Иванъ Петровичъ.

А эзекюторъ пріотворилъ дверь и крикнулъ:

— Иванъ Петровичъ, пожалуйста.

Я не могу вамъ его описывать безъ того, чтобы не впадать въ нѣкоторый шаржъ и не дѣлать сравненій, которыя вы можете счесть за преувеличенія, но я вамъ ручаюсь, что какъ бы я ни старался расписать вамъ Ивана Петровича — живопись моя не можетъ передать и половины красоту оригинала.

Передо мною стоялъ настоящій «Бѣлый орелъ», форменный *Aquila alba*, какъ его изображаютъ на полныхъ парадныхъ приемахъ у Зевса. Высокій, крупный, по чрезвычайно пропорціональный мужчина и такого здороваго вида, будто онъ никогда не горѣлъ и не болѣлъ, и не зналъ ни скуки, ни усталости. Отъ него пышило здоровьемъ, но не грубо, а какъ-то гармонично и привлекательно. Цвѣтъ лица у Ивана Петровича былъ весь нѣжно-розовый съ широкимъ румянцемъ, щеки обрамлены свѣлорусымъ пушкомъ, который, однако, уже переходилъ въ зрѣлую растительность. Лѣтъ ему было какъ разъ двадцать пять; волосы свѣтлые, слегка волнистые blonde и такая же бородка съ нѣжной подпалиной и синіе глаза подъ темными бровями и въ темныхъ рѣсницахъ. Словомъ, сказочный богатырь Чурило Аплениковичъ не могъ быть лучше. Но прибавьте къ этому смѣлый, очень осмысленный и весело открытый взглядъ, и вы имѣете передъ собою

настоящего красавца. Одеть онъ въ вицмундиръ, который сидѣлъ отлично, и темно-гранатнаго цвѣта шарфъ съ пыльнымъ бантомъ.

Тогда носили шарфы.

Я и залюбовался Иваномъ Петровичемъ, и зная, что произвожу на людей, первый разъ меня видающихъ, впечатлѣніе не легкое, сказалъ запросто:

— Здравствуйте, Иванъ Петровичъ!

— Здравія желаю, ваше превосходительство, — отвѣчалъ онъ очень задумчивымъ голосомъ, который тоже показался мнѣ чрезвычайно симпатичнымъ.

Говоря отвѣтную фразу въ солдатской редакціи, онъ, однако, мастерски умѣлъ дать своему тону отъѣнокъ простой и вполне позволительной шутливости, и въ то же время одинъ этотъ отвѣтъ устанавливалъ для всей бесѣды характеръ своего рода семейной простоты.

Мнѣ становилось понятнымъ, почему этого человѣка «все любятъ».

Не видя никакой причины мѣшать Ивану Петровичу держать его тонъ, я сказалъ ему, что я радъ съ нимъ познакомиться.

— И я съ своей стороны тоже считаю это для себя за честь и за удовольствіе, — отвѣчалъ онъ стоя, но выставивъ шагъ впередъ своего эзекютора.

Мы раскланялись, — эзекюторъ ушелъ на службу, а Иванъ Петровичъ остался у меня въ пріемной.

Черезъ часъ я попросилъ его къ себѣ и спросилъ:

— У васъ хорошій почеркъ?

— У меня характеръ письма твердый, — отвѣчалъ онъ и сейчасъ же добавилъ: — вамъ угодно, чтобы я что-нибудь написалъ.

— Да, потрудитесь.

Онъ сѣлъ за мой рабочій столъ и черезъ минуту подаль мнѣ листъ, посерединѣ котораго четкою скорописью «твердаго характера» было написано: «Жизнь на радость намъ дана. — Иванъ Петровъ Аквиліяльбовъ».

Я прочелъ и неудержимо разсмѣялся: лучше того, что онъ написалъ, не могло къ нему идти никакое выраженіе. «Жизнь на радость»; *вся* жизнь для него сплошная радость!

Совесть въ моемъ вкусѣ человѣкъ!..

Я далъ ему переписать на моемъ же столѣ малозначительную бумагу, и онъ сдѣлалъ это очень скоро и безъ малѣйшей ошибки.

Потомъ мы разстались. Иванъ Петровичъ ушелъ, а я остался одинъ дома и предался своей болѣзненной хандрѣ, и признаюсь,—чортъ знаетъ почему нѣсколько разъ перепосилъ мыслию къ *нему*, т. е. къ Ивану Петровичу. Вѣдь вотъ онъ, небось, не охаетъ и не хандритъ. Ему жизнь на радость дана. И гдѣ это онъ проживаетъ ее съ такой радостью на свои четырнадцать рублей... Поди, пожалуй, въ карты счастливо играетъ, или тоже взяточники перепедаютъ... А можетъ-быть купчихи... Педаромъ у него этотъ такой свѣжій гранатный галстукъ...

Сижу за раскрытыми передо мною во множествѣ дѣлами и протоколами, а думаю о такихъ безцѣльныхъ, вовсе до меня не относящихся пустякахъ, а въ это самое время человекъ докладываетъ, что пріѣхалъ губернаторъ.

Прошу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Губернаторъ говоритъ: «у меня послѣзавтра квинтетъ,—надѣюсь, будетъ недурно сыграно, и дамы будутъ, а вы, я слышала, захандрили у насъ въ глуши, и пріѣхалъ васъ навѣстить и попросить на чашку чаю, — можетъ-быть, не лишнее будетъ немножко развлечься».

— Покорно васъ благодарю, но отчего вамъ кажется, что я хандрю?

— По Ивана Петровича замѣчанію.

— Ахъ, Иванъ Петровичъ! Это который у меня дежурить? И вы его знаете?

— Какъ же, какъ же. Это нашъ студентъ, артистъ, хористъ, но только не аферистъ.

— Не аферистъ?

— Нѣтъ, онъ такъ счастливъ, какъ Поликрать, ему не надо быть аферистомъ. Онъ всеобщій любимецъ въ городѣ и непремѣнный членъ по части всякихъ веселостей.

— Онъ музыкантъ?

— Мастеръ на всѣ руки: спѣть, сыграть, протанцовать, веселые фанты устроить — все Иванъ Петровичъ. Гдѣ пиръ, тамъ и Иванъ Петровичъ; затѣвается аллегри или спектакль съ благотворительною цѣлью — опять Иванъ

Петровичъ. Онъ и выгрыши распредѣлитъ, и веницы всѣхъ красивѣе разставитъ; самъ декорациі нарисуетъ, а потомъ сейчасъ изъ маляра въ актера на любую роль готовъ. Какъ онъ играетъ королей, дядюшекъ, пылкихъ любовниковъ, — это загляднѣе, но особенно хорошо онъ старухъ представляетъ.

— Будто и старухъ!

— Да, удивительно! Вотъ я къ послѣзавтрашнему вечеру, признаться, и готовлю съ помощью Ивана Петровича маленькій сюрпризъ. Будутъ живыя картины. Иванъ Петровичъ ихъ поставитъ. Разумѣется, будутъ и такія, что ставятся для дамъ, желающихъ себя показать, но три будутъ имѣть кое-что и для настоящаго художника.

— Это сдѣлаетъ Иванъ Петровичъ?

— Да, Иванъ Петровичъ. Картины представляютъ «Саула у волшебницы андорской». Сюжетъ, какъ извѣстно, библейскій, а расположеніе фигуръ нѣсколько дутое, что называется, «академическое», но тутъ все дѣло въ Иванѣ Петровичѣ. На одного его всѣ и будутъ смотрѣть, — особенно когда при второмъ открытіи картины обнаружится нашъ сюрпризъ. Вамъ я могу сказать этотъ секретъ. Картина открывается, и вы увидите Саула: это царь, — царь съ головы до ногъ! Онъ будетъ одѣтъ, какъ всѣ. Ни малѣйшаго отличія, потому что по сюжету Саулъ приходилъ къ волшебницѣ переодеваться, такъ, чтобы она его не узнала, по его *нельзя не узнать*. Онъ царь, и притомъ настоящій библейскій царь-пастухъ. Но завѣсь упадетъ, фигура быстро измѣняетъ свое положеніе: Саулъ лежитъ ницъ передъ лжившейся тѣнью Самуила. Саула теперь все равно что нѣтъ, но зато какого видите Самуила въ саванѣ!.. Это вдохновеннѣйшій пророкъ, на раменахъ котораго почиетъ сила въ лицѣ, величіе и мудрость. *Этотъ могъ «повѣстовать царю»* явиться и въ Веоилѣ, и въ Галгалахъ?

— И это будетъ опять Иванъ Петровичъ?

— Иванъ Петровичъ! Но вѣдь это не конецъ. Если попросить повторенія, — въ чемъ я увѣренъ и самъ о томъ позабочусь, — то мы васъ не станемъ томить задами, а вы увидите продолженіе эппеи. Новая сцена изъ жизни Саула будетъ совсѣмъ безъ Саула. Тѣнь исчезла, царь и сопровождавшіе его вышли; въ двери можно замѣтить только кусокъ плаща на синѣ послѣдней удаляющейся фигуры, а на сценѣ одна волшебница...

— И это опять Иванъ Петровичъ?

— Разумѣется! Но вѣдь вы передъ собою увидите не то, какъ изображаютъ вѣдьмъ въ «Макбетъ»... Никакого столбняковаго ужаса, ни ломки, ни кривляній, но вы увидите лицо, которое знаетъ то, что не снилось мудрецамъ. Вы увидите какъ страшно говорить съ выходцемъ изъ могилы.

— Воображаю,—отвѣчалъ я, будучи всемирно далекъ отъ мысли, что не пройдетъ трехъ дней, какъ мнѣ придется не воображать, а на самомъ себѣ испытывать такую пытку.

Но это пришло послѣ, а теперь все было полно однимъ Иваномъ Петровичемъ,—этимъ веселымъ, живымъ человекомъ, который вдругъ, какъ боровичокъ послѣ грибного дождика, изъ муравы выскочилъ, не великъ еще, а отовсюду его видно,—всѣ на него поглядываютъ и улыбаются:—«Вотъ-де какой крѣпенькій, да хорошенькій».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Я вамъ передавалъ, что говорилъ о немъ его экзекуторъ и губернаторъ, а когда я полюбопытствовалъ, не слыхалъ ли чего-нибудь о немъ одинъ изъ моихъ чиновниковъ свѣтскаго направленія, такъ они оба въ разъ заговорили, что встрѣчали его, и что онъ въ самомъ дѣлѣ очень милъ и хорошо поетъ съ гитарой и съ фортепиано. Имъ онъ тоже нравился. На другой день заходитъ протопопъ. Онъ, какъ я побывалъ у него въ церкви, всякій праздникъ приносить мнѣ просфору и на всѣхъ священно-ябедничалъ. Онъ ни о комъ хорошо не говорилъ и въ этомъ отношеніи не дѣлалъ исключенія и для Ивана Петровича, но зато священно-ябедникъ зналъ не только природу всякой вещи, но и ея происхожденіе. Про Ивана Петровича онъ самъ началъ:

— Вамъ чинца обмѣнили. Это все съ умысломъ...

— Да, говорю,—какого-то Ивана Петровича дали.

— Вѣдомъ намъ, какъ же, довольно вѣдомъ. Мой своякъ, на котораго мѣсто я сюда переведенъ съ обязательствомъ воспитать сиротъ, онъ его и крестилъ... Отецъ-то тоже былъ изъ колокольныхъ дворянъ... въ приказные вышелъ, а мать... Кира Ишполитовна... Такое у неѣ имячко,—она по страстной любви къ его родителю уходомъ за него ушла... Скоро, однако, вкусила и горечи любовнаго зелья, а потомъ и овдовѣла.

— Она сама сына воспитывала?

— Да какое его воспитаніе: въ гимназій классовъ пять проучился, да и пошелъ въ писатели въ уголовную палату... современемъ помощникомъ сдѣлалъ... А счастливъ очень: въ прошломъ году кони съ сѣдломъ въ лотерею выигралъ и съ губернаторомъ на охоту нынче за зайцами ѣздилъ... Фортепианъ,—полковые выходили такъ разыгрывали,—онъ тоже ему достался. Я пять билетовъ взялъ и не выигралъ, а онъ всего одинъ, да и на тотъ получилъ. Самъ музычить и Татьяну учить.

— Это кто же,—Татьяна?

— Сиротку они взяли,—ничего себѣ... черномазенькая. Онъ ее обучаетъ.

Весь день проговорили объ Иванѣ Петровичѣ, а вечеромъ, слышу, у моего Егора въ комнаткѣ что-то жужжать. Зову его и спрашиваю: «что это у тебя такое?»

— Это, отвѣчаетъ,—я пропиленъ дѣлаю.

— Что еще за пропиленъ?

Иванъ Петровичъ, обративъ вниманіе, что Егоръ скучаетъ отъ бездѣйствія, принесъ ему пилочку и дощечку отъ сигарныхъ ящичковъ съ наклеенными узорами и научилъ его подставочки выпиливать. Заказъ далъ къ лотерей.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Утромъ въ тотъ день, когда Иванъ Петровичъ вечеромъ долженъ былъ и играть, и всѣхъ удивлять въ картинахъ на пиру у губернатора, я не хотѣлъ его задерживать, но онъ оставался при мнѣ до обѣда и даже очень насмѣшилъ меня. Я пошутилъ, что ему надо бы жениться, а онъ отвѣчалъ, что предпочитаетъ остаться «въ дѣвушкахъ». Въ Петербургъ его звалъ.

— Нѣтъ, говорить,—ваше превосходительство, меня здѣсь всѣ любятъ, да и мать, и сиротка Тая у насъ есть, я ихъ люблю, а онѣ для Петербурга не годятся.

Удивительно, какой гармоничный молодой человекъ! Я его даже обнялъ за эту любовь къ матери и сироткѣ, и мы разстались за три часа до картинъ.

На прощанье я сказалъ:

— Нетерпѣливо жду васъ видѣть въ разныхъ видахъ.

— Надоѣмъ,—отвѣчалъ Иванъ Петровичъ.

Онъ ушелъ, а я пообедалъ одинъ и прикорнулъ въ креслѣ, чтобы быть бодрѣе, но Иванъ Петровичъ не далъ мнѣ за-

снуть, онъ меня скоро и немножко странно потревожилъ. Вдругъ вошелъ очень снѣжной походкой, шумно оттолкнулъ ногою стоявшіе посрединѣ комнаты стулья и говоритъ:

— Вотъ можете меня видѣть; но только покорно васъ благодарю,—вы меня сглазили. Я вамъ за это отомшу.

Я проснулся, позвонилъ челоѵка и велѣлъ подавать одѣваться, и самъ себѣ подивился: какъ ясно привидѣлся мнѣ во снѣ Иванъ Петровичъ!

Пріѣзжаю къ губернатору — все освѣщено и гостей уже много, но самъ губернаторъ, встрѣчая меня, шепчетъ:

— Разстроилась самая лучшая часть программы; картины не могутъ состояться.

— А что случилось?

— Тсссъ... я не хочу говорить громко, чтобы не портить общаго впечатлѣнія. Иванъ Петровичъ умеръ.

— Какъ!.. Иванъ Петровичъ!.. умеръ?

— Да, да, да,—умеръ.

— Помилуйте, онъ три часа тому назадъ былъ у меня здоровъ-здоровешенекъ.

— Ну и вотъ, придя отъ васъ, прилежъ на диванъ да и умеръ... И вы знаете... я долженъ вамъ сказать на тотъ случай, чтобы его мать... она въ такомъ безуміи, что можетъ прибѣжать къ вамъ... Она, несчастная, убѣждена, что вы и есть виновникъ смерти сына.

— Какимъ образомъ? Отравили его у меня, что ли?

— Этого она не говорить.

— Что же она говорить?

— Что вы Ивана Петровича *сглазили!*

— Позвольте, говорю,—что за пустяки!

— Да, да, да,—отвѣчаетъ губернаторъ: — все это, разумѣется, глупости, но вѣдь здѣсь провинція,—здѣсь глупостямъ охотнѣе вѣрять, чѣмъ умностямъ. Разумѣется, не стѣдуетъ обращать вниманія.

Въ это время губернаторша предложила мнѣ карту.

Я сѣлъ, но что я только выносилъ за этою мучительною игрою, — и сказать вамъ не могу. Во-первыхъ, мучить сознаніе, что этотъ милый молодой челоѵкъ, которымъ я такъ любовался, лежитъ теперь на столѣ, а во-вторыхъ, мнѣ безпрестанно кажется, что всѣ о немъ шепчутъ и на меня указываютъ «сглазили». Даже слышу это глупое слово «сглазили, сглазили», а въ-третьихъ, позвольте вамъ за

истину сказать,—я вижу вездѣ самого Ивана Петровича!.. Такъ глазъ, что ли, наметался, — куда ни взгляну — все Иванъ Петровичъ... То онъ ходитъ, прогуливается по пустой залѣ, въ которую открыты двери; то стоятъ двое, разговариваютъ,—и онъ возлѣ нихъ, слушаетъ. Потомъ вдругъ около самого меня является и въ карты смотритъ... Тутъ я, разумѣется, и понесу съ рукъ чтѣ попало, а мой *vis-à-vis* обижается. Наконецъ даже другіе стали это замѣчать и губернаторъ шепнулъ мнѣ на ухо:

— Это вамъ Иванъ Петровичъ портить: онъ вамъ мститъ за себя.

— Да, говорю,—я дѣйствительно разстроенъ и мнѣ очень нездоровится. Я прошу позволенія расписать игру и меня уволить.

Это одолженіе мнѣ сдѣлали, и я сейчасъ же поѣхалъ домой. Но я ѣду на саняхъ и Иванъ Петровичъ со мною,—то рядомъ сидитъ, то на облучкѣ съ кучеромъ явится, а лицомъ ко мнѣ.

Думаю: не горячка ли у меня начинается?

Приѣхавъ домой—еще хуже. Чуть легъ въ постель и погасилъ огонь,—Иванъ Петровичъ сидитъ на краю кровати и даже говоритъ:

— Вы, говоритъ,—меня вѣдь въ самомъ дѣлѣ слгзали, я и умеръ, а мнѣ никакой надобности не было такъ рано умирать. Въ томъ-то и дѣло!.. Меня всѣ такъ любили, и тоже матушка, и Танюша—она еще недоучена. Какое имъ отъ этого ужасное горе.

Я позвалъ челоѣка и, какъ это ни было неловко, велѣлъ ему лечь у себя на коврѣ, но Иванъ Петровичъ не бонтсся, куда ни оборочусь—онъ торчитъ передо мною да и баста.

Насилу я утра дождался, и первымъ дѣломъ послалъ одного изъ своихъ чиновниковъ къ матери покойнаго, чтобы отвезъ и какъ можно деликатнѣе передалъ ей триста рублей на похороны.

Тотъ возвращается и привозитъ деньги назадъ: говорить—не приняли.

— Что же, спрашиваю,—сказали?

— Сказали, что «не надо: его *добрыя* люди похоронять».

Я, значить, быть на счету *злыхъ*.

А Иванъ-то Петровичъ, какъ только я про него вспомню, сейчасъ тутъ и есть.

Въ сумерки не могъ оставаться спокойно: взялъ извозчика и самъ поѣхалъ, чтобы взглянуть на Ивана Петровича и поклониться. Это вѣдь въ обычаѣ, и я думалъ, что никого не обезпкою. А въ карманъ взялъ все что могъ— семьсотъ рублей, чтобы упробить ихъ принять хоть для Тани.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Видѣлъ Ивана Петровича: лежитъ «Вѣлый орелъ» какъ подстрѣленный.

Таня тутъ же ходитъ. Такая, дѣйствительно, черномазенькая, лѣтъ пятнадцати, въ коленкоровомъ траурѣ и все покойника оправляетъ. По головѣ его поправитъ и поцѣлуетъ.

Какое терзаніе это видѣть!

Попросилъ ее: нельзя ли мнѣ поговорить съ матерью Ивана Петровича.

Дѣвушка отвѣчала «хорошо» и пошла въ другую комнату, а черезъ минуту отвораетъ дверь и приглашаетъ взойти, но только-что я вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣла старушка, та сейчасъ встала и извиняется:

— Нѣтъ, простите меня,—я напрасно па себя понадѣялась, я не могу васъ видѣть,—и съ этимъ ушла.

Я былъ не обиженъ и не сконфуженъ, а просто подавленъ и обратился къ Танѣ:

— Ну, хоть вы, молодое существо, можете-быть, вы можете быть ко мнѣ добры. Вѣдь я же, повѣрьте, не желалъ и не имѣлъ причины желать Ивану Петровичу какого-нибудь несчастія, а тѣмъ меньше смерти.

— Вѣрю,—уронила она.—Ему никто не могъ желать ничего дурного,—его всѣ любили.

— Повѣрьте, что въ два-три дня, которые я его видѣлъ, и я полюбилъ его.

— Да, да,—сказала она.—О, эти ужасные «два-три дня»,—зачѣмъ они были? Но тетя это въ горѣ такъ обошлась съ вами; а мнѣ васъ жалко.

И она протянула мнѣ обѣ ручки.

Я взялъ ихъ и сказалъ:

— Благодарю васъ, милое дитя, за эти чувства; они дѣлаютъ честь и вашему сердцу, и благородію. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, вѣрить такому вздору, будто я его сглазилъ!

— Знаю,—отвѣчала она.

— Такъ явите же мнѣ ласку... сдѣлайте мнѣ одолженіе *во имя его!*

— Какое одолженіе?

— Возьмите вотъ этотъ конвертъ... тутъ немножко денегъ... это на домашнія надобности... для тети.

— Она не приметъ.

— Ну, для васъ... для вашего образованія, о которомъ заботился Иванъ Петровичъ. Я глубоко увѣренъ, что онъ бы это оправдалъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я не возьму. Онъ никогда ни у кого ничего не бралъ даромъ. Онъ былъ очень, очень благородный.

— Но вы меня этимъ огорчаете... вы, значить, на меня сердитесь.

— Нѣтъ, не сержусь. Я вамъ дамъ доказательство.

Она раскрыла лежавшій на столѣ французскій учебникъ Олендорфа, торопливо достала лежавшую тамъ между страницъ фотографическую карточку Ивана Петровича и, подавая ее мнѣ, сказала:

— Вотъ это онъ положилъ. До сихъ поръ мы вчера доучились. Возьмите это отъ меня на память.

Тѣмъ свиданіе и кончилось. На другой день Ивана Петровича хоронили, а потомъ я еще дней восемь оставался въ городѣ и все въ той же мучительности. Ночью нѣтъ сна; прислушиваюсь къ каждому шороху; открываю фортки въ окнахъ, чтобы хоть съ улицы долеталъ какой-нибудь свѣжій человѣческій голосъ. Но мало пользы: идутъ два человѣка, разговариваютъ, — прислушиваюсь, — про Ивана Петровича и про меня.

— Вотъ здѣсь, говорятъ, — живетъ этотъ чортъ, что Ивана Петровича сглазилъ.

Поетъ кто-то, возвращаясь въ тишинѣ ночи домой, слышу какъ у него снѣгъ подъ ногами хруститъ, разбираю слова: «Ахъ, бывалъ я удалъ», — жду, когда пѣвецъ поровняется съ моимъ окномъ, гляжу—это самъ Иванъ Петровичъ. А тутъ еще и отецъ-протоіерей жалуется и шепчетъ:

— Сглазъ и приурокъ есть, да вѣдь это цыплятъ глazierъ а Ивана Петровича отравили...

Мучительно!

— Для чего и кто могъ его отравить?

— Опасались, чтобы онъ вамъ всего не рассказалъ..

Его бы непременно надо было распотрошить. Жаль, что не распотрошили. Ядь бы нашли.

Господи! избавь меня хотя отъ этой подозрительности!

Наконецъ, вдругъ совершенно неожиданно получаю конфиденціальное письмо отъ директора канцеляріи, что графъ предписываетъ мнѣ ограничиться тѣмъ, что я успѣлъ сдѣлать, и нимало не медля вернуться въ Петербургъ.

Я былъ очень этому радъ, въ два дня собрался и уѣхалъ.

Дорогою Иванъ Петровичъ не отставалъ,—нѣтъ-нѣтъ, да и покажется, но теперь отъ переменны ли мѣста, или отъ того, что человѣкъ ко всему привыкаетъ, я осмѣлялъ и даже привыкъ къ нему. Мотается онъ у меня въ глазахъ, а я уже ничего; даже иногда въ дремотѣ какъ будто другъ съ другомъ шутимъ. Онъ грозитъ:—«пробралъ я тебя!»

А я отвѣчаю:

— А ты все-таки по-французски не выучился!

А онъ отвѣчаетъ:

— На что мнѣ учиться: я теперь отлично самоучкой жарю.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ Петербургѣ я почувствовалъ, что мною не то что недовольны, а хуже, какъ-то сожалительно, какъ-то странно на меня смотрятъ.

Самъ Викторъ Никитичъ видѣлъ меня всего одну минуту и не сказалъ ни слова, но директору, который былъ женатъ на моей родственницѣ, онъ говорилъ, что ему кажется, будто я *нездоровъ*...

Разъясненій не было. Черезъ недѣлю подошло Рождество, а потомъ Новый годъ. Разумѣется, праздничная суетолока—ожиданіе наградъ. Меня это не сильно озабочивало, тѣмъ болѣе, что я зналъ мою награду—«Бѣлый орелъ». Родственница моя, что за директоромъ, еще наканунѣ мнѣ и орденъ съ лентой въ подарокъ прислала, и я положилъ въ бюро и орденъ, и конвертъ со ста рублями для курьеровъ, которые принесутъ приказъ.

Но ночью вдругъ толкъ меня въ бокъ Иванъ Петровичъ и подъ самый подъ носъ мнѣ *шишъ*. При жизни онъ былъ гораздо деликатнѣе, и это совсѣмъ не отвѣчало его гармонической натурѣ, а теперь, какъ сорванецъ, ткнуть шишъ и говорить:

— Съ тебя пока вотъ этого довольно. Мнѣ надо къ бѣдной Танѣ,—и сникъ.

Встаю утромъ—курьеровъ съ приказомъ пить. Спѣшу къ зятю узнать: что это значить?

— Ума, говоритъ,—не приложу. Было, стояло и вдругъ точно въ печати вышло. Графъ вычеркнулъ и сказалъ, что это онъ лично доложить... Тебѣ, знаешь, вредить какая-то исторія... Какой-то чиновникъ, выйдя отъ тебя, какъ-то подозрительно умеръ... Что это такое было?

— Оставь, говорю,—сдѣлай милость.

— Пить, въ самомъ дѣлѣ... графъ даже не разъ спрашивалъ: какъ ты въ своемъ здоровьѣ... Оттуда разные лица писали и въ томъ числѣ обидій духовникъ, протопопъ... Какъ ты могъ позволить вмѣшатель себя въ такое странное дѣло?

Я слушаю, а самъ,—какъ Иванъ Петровичъ изъ-за могилы сталъ дѣлать,—чувствую одно желаніе ему языкъ или пишгъ показать.

А Иванъ Петровичъ, по награжденіи меня пишмомъ вмѣсто «Благо орла», исчезъ и не показывался ровно три года, когда сдѣлалъ мнѣ заключительный и притомъ есѣхъ болѣе осязательный визитъ.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Было опять Рождество и Новый годъ и также ожидалась награды. Меня уже давно обходили, и я объ этомъ не заботился. Не даютъ и не надо. Встрѣчали Новый годъ у сестры,—очень весело,—гостей много. Здоровые люди ужинали, а я передъ ужиномъ посматриваю какъ бы улизнуть и подвигаюсь къ двери, но вдругъ слышу въ общемъ говорѣ такія слова:

— Теперь мои скитальчества кончены: мама со мною. Танюша устроена за хорошаго человѣка; послѣднюю шутку сдѣлаю и же манъ въ! И потомъ вдругъ протяжно запеть:

Прощай, моя родная,
Прощай, моя земля.

«Э-ге, думаю,—опять показался, да еще и французить началь... Ну, я лучше кого-нибудь подожду, одинъ по лѣтницѣ не пойду».

А онъ мимо меня изволить проходить, все въ томъ же вицмундирѣ съ пышнымъ гранатаго цвѣта галстукомъ, и только минулъ, вдругъ парадная дверь такъ хлопнула, что весь домъ затрясся.

Хозяинъ и люди бросились посмотрѣть: не добрался ли

кто до гостиныхъ шубъ, по все было на мѣстѣ и дверь на ключъ... Я молчалъ, чтобы опять не сказали «галлюцинатъ» и не стали освѣдомляться о здоровьѣ. Хлопнуло и шабангъ,— мало ли что можетъ хлопнуть...

Я досидѣлъ случая, чтобы не одному идти, и благополучно возвращаюсь домой. Человѣкъ у меня былъ уже не тотъ, который со мною ѣздилъ и которому Иванъ Петровичъ пропилейные уроки давалъ, а другой; встрѣчаетъ онъ меня немножко заспанъ и свѣтитъ. Проходимъ мимо конторки, и я вижу что-то лежитъ бѣлой бумагой прикрыто... Смотрю—мой орденъ Бѣлаго орла, который тогда, помните, сестра подарила... Онъ всегда запертъ былъ. Какъ онъ могъ ваяться! Конечно, скажутъ: «самъ вѣрно въ забывчивости вынулъ». Такъ не стану объ этомъ спорить, но а вотъ это что такое: на столикъ у моего изголовья небольшой конвертикъ на мое имя и рука какъ будто знакомая... Та самая рука, которою было написано «жизнь на радость намъ дана».

— Кто принесъ?—спрашиваю.

А человѣкъ прямо показываетъ мнѣ на фотографію Ивана Петровича, которую я берегу, память отъ Танюши, и говоритъ:

— Вотъ этотъ господинъ.

— Ты вѣрно ошибся.

— Никакъ нѣтъ, говоритъ, — я его съ перваго взгляда узналъ.

Въ конвертѣ оказался на почтовой бумажкѣ экземпляръ приказа: мнѣ дали «Бѣлаго орла». И что еще лучше, всю остальную ночь я спалъ, хотя слышалъ, какъ что-то гдѣ-то пѣло самыя глупыя слова: «до свидансь, до свидансь,—же але о контрадансь».

По преподанной мнѣ Иваномъ Петровичемъ опытности въ жизни духовъ, я понималъ, что это Иванъ Петровичъ «по-французски жарить самоучкою», отлетая, и что онъ больше меня уже никогда не побезпокоитъ. Такъ и вышло: онъ мнѣ отмстилъ и помиловалъ. Это понятно. А вотъ почему у нихъ, въ мірѣ духовъ, все такъ спутано и смѣшано, что жизнь человѣческая, которая всего дороже стѣбитъ, отомщевается пустымъ пуганьемъ да орденомъ, а прилетъ изъ высшихъ сферъ сопровождается глупѣйшимъ цѣньемъ «до свидансь, же але о контрадансь»,—этого я не понимаю.

ЧЕРТОГОНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Это обрядъ, который можно видѣть только въ одной Москвѣ и притомъ не иначе какъ при особомъ счастьи и протекціи.

Я видѣлъ чертогонъ съ начала до конца, благодаря одному счастливому стеченію обстоятельствъ, и хочу это записать для настоящихъ знатоковъ и любителей серьезнаго и величественнаго въ національномъ вкусѣ.

Хотя я съ одного бока дворянинъ, но съ другого близокъ къ «народу»: мать моя изъ купческаго званія. Она выходила замужъ изъ очень богатаго дома, но вышла уходить, по любви къ моему родителю. Покойникъ былъ молодецъ по женской части и что намѣчалъ, того и достигалъ. Такъ ему удалось и съ мамашей, но только за эту ловкость матушкины старики ничего ей не дали, кромѣ, разумеется, гардеробу, постелей и Божьяго милосердія, которые были получены вмѣстѣ съ прощеніемъ и родительскимъ благословеніемъ навѣки нерушимымъ. Жили мои старики въ Орлѣ, жили нужно, но гордо, у богатыхъ материнныхъ родныхъ ничего не просили, да и сношеній съ ними не имѣли. Однако, когда мнѣ пришлось ѣхать въ университетъ, матушка стала говорить:

— Пожалуйста сходи къ дядѣ Ильѣ Федосѣвичу и отъ меня ему поклонись. Это не униженіе, а старшихъ родныхъ уважать должно,—а онъ мой братъ, и къ тому благочестивъ и большой вѣсъ въ Москвѣ имѣеть. Онъ при всѣхъ встрѣчахъ всегда хлѣбъ-соль подаетъ... всегда вне-

реди прочихъ стоять съ блюдомъ, или съ образомъ... и у генераль-губернатора съ митрополитомъ принять... Онъ тебя можетъ хорошему наставить.

А я хотя въ то время, изучивъ Филаретовъ катехизисъ, въ Бога не вѣрилъ, но матушку любилъ, и думаю себѣ разъ: «вотъ я уже около года въ Москвѣ и до сихъ поръ материной воли не исполнилъ; пойду-ка я немедленно къ дядѣ Ильѣ Федосѣичу, повидаясь,—снесу ему материны поклоны и взаправду погляжу, чему онъ меня научить».

По привычкѣ дѣтства, я былъ къ старшимъ почтительнѣе,—особенно къ такимъ, которые извѣстны и митрополиту, и губернаторамъ.

Возставъ, почистился щеточкой и пошелъ къ дядѣ Ильѣ Федосѣичу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Было такъ часовъ около шести вечера. Погода стояла теплая, мягкая и сѣрватая,—словомъ, очень хороша. Домъ дяди извѣстенъ,—одинъ изъ первыхъ домовъ въ Москвѣ,—все его знаютъ. Только я никогда въ немъ не былъ и дядю никогда не видалъ, даже издали.

Иду, однако, смѣло, разсуждая: приметъ—хорошо, а не приметъ—не надо.

Прихожу на дворъ; у подъѣзда стоятъ кони-львы, сами вороные, а гривы разсыпныя, шерсть какъ дорогой атласъ лоснится, а заложены въ коляску.

Я взошелъ на крыльцо и говорю: «такъ и такъ—я племянникъ, студентъ, прошу доложить Ильѣ Федосѣичу». А люди отвѣчаютъ:

— Они сами сейчасъ сходятъ,—ѣдутъ кататься.

Показывается очень простая фигура, русская, но довольно величественная,—въ глазахъ съ матушкою есть сходство, но выраженіе иное,—что называется—солидный мужчина.

Отрекомендовался ему; онъ выслушалъ молча, тихо руку подавъ и говорить:

— Садись, пройдемся.

Я было хотѣлъ отказаться, но какъ-то замялся и сѣлъ.

— Въ паркъ!—велѣлъ онъ.

Львы сразу приняли и понеслись, только задомъ коляски

подпрыгиваетъ, а какъ за городъ выѣхали—еще шибче помчали.

Сидимъ ни слова не говоримъ, только вижу, какъ дядя себѣ цилиндръ краемъ въ самый лобъ вѣзаль и на лицѣ у него этакая, что называется, плюмса, какъ бываетъ отъ скуки.

Туда-сюда глядитъ и одинъ разъ на меня метнулъ взглядомъ и ни съ того, ни съ сего проговорилъ:

— Совсѣмъ жисти пѣтъ.

Я не зналъ, что отвѣчать, и промолчалъ.

Опять ѣдемъ, ѣдемъ; думаю: куда это онъ меня завозить? и начинаетъ мнѣ сдаваться, что я какъ будто попалъ въ какую-то статью.

А дядя вдругъ словно повернулъ что-то въ умѣ и начиняетъ отдавать кучеру одно за другимъ приказанія:

— Направо, налѣво. У «Яра» — стой!

Вижу изъ ресторана много прислуги высыпало къ намъ и всѣ передъ дядею чуть не въ три погибели гнутея, а онъ изъ коляски не шевелится и велѣлъ позвать хозяина. Побѣжали. Является французъ,—тоже съ большимъ почтеніемъ, а дядя не шевелится: костью набалдашника палки о зубы постукиваетъ и говорить:

— Сколько лишнихъ людей есть?

— Человѣкъ до тридцати въ гостинныхъ,—отвѣчаетъ французъ:—да три кабинета заняты.

— Всѣхъ вошь!

— Очень хорошо.

— Теперь семь часовъ,—говоритъ, посмотрѣвъ на часы, дядя:—я въ восемь заѣду. Будетъ готово?

— Штъ, отвѣчаетъ,—въ восемь трудно... у многихъ заказано... а къ девяти часамъ пожалуйста, во всемъ ресторанѣ ни одного сторонняго человѣка не будетъ.

— Хорошо.

— А что приготовить?

— Разумѣется, эѳюповъ.

— А еще?

— Оркестръ.

— Одинъ?

— Нѣтъ, два лучше.

— За Рыбкой послать?

— Разумѣется.

— Французскихъ дамъ?

— Не надо ихъ!

— Погребъ?

— Вполнѣ.

— По кухнѣ?

— Карту.

Подали дневное меню.

Дядя посмотрѣлъ и, кажется, ничего не разобралъ, а можетъ-быть, и не хотѣлъ разбирать; пощелкалъ по бумажкѣ палькою и говорить:

— Вотъ это все на сто особъ.

И съ этимъ свернулъ карточку и положилъ въ кафтанъ. Французъ и радъ, и жметса:

— Я, говорить,—не могу все подать на сто особъ. Здѣсь есть вещи очень дорогія, которыхъ во всемъ ресторанахъ всего только на пять-шесть порцій.

— А я какъ же могу моихъ гостей разсортировать? Кто что захочетъ, всякому чтобъ было. Понимаешь?

— Понимаю.

— А то, братъ, тогда и Рябыка не подѣйствуетъ. Пошелъ!

Оставили рестораника съ его лакеями у подъезда и покатали.

Тутъ я уже совершенно убѣдился, что попалъ не на свои рельсы и попробовалъ-было попроситься, но дядя не слышалъ. Онъ былъ очень озабоченъ. Ѣдемъ и только то одного, то другого останавливаемъ.

— Въ девять часовъ къ Яру!—говорить коротко каждому дядя.

А люди, которымъ онъ это сказываетъ, все почтенные такіе старцы, и всѣ снимаютъ шляпы и также коротко отвѣчаютъ дядѣ:

— Твои гости, твои гости, Ѳедосѣичъ.

Такимъ порядкомъ не помню, сколько мы остановили, но я думаю человѣкъ двадцать, и какъ разъ пришло девять часовъ, мы опять подкатали къ Яру. Слугъ цѣлая толпа высыпала навстрѣчу и берутъ дядю подъ руки, а самъ французъ на крыльцѣ салфеткою пылъ у него съ нанталонъ обиль.

— Чисто?—спрашиваетъ дядя.

— Одинъ генераль, говорить,—запоздалъ, очень просился въ кабинетъ кончить...

— Сейчас вонь его!

— Онъ очень скоро кончить.

— Не хочу,—довольно я ему далъ времени—теперь пусть идетъ на траву дождать.

Не знаю, чѣмъ бы это кончилось, но въ эту минуту генераль съ двумя дамами вышелъ, сѣлъ въ коляску и увѣхалъ, а къ подъезду одинъ за другимъ разомъ начали прибывать гости, приглашенные дядею въ паркѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ресторанъ былъ убранъ, чистъ и свободенъ отъ посетителей. Только въ одной залѣ сидѣлъ одинъ великанъ, который встрѣтилъ дядю молча и, ни слова ему не говоря, взялъ у него изъ рукъ палку и куда-то ее спряталъ.

Дядя отдалъ палку нисколько не противорѣча и тутъ же передалъ великану бумажникъ и портмонэ.

Этотъ полусѣдой, массивный великанъ былъ тотъ самый Рябыка, о которомъ при мнѣ дано было ресторатору непонятное приказаніе. Онъ былъ какой-то «дѣтскій учитель», но и тутъ онъ тоже, очевидно, находился при какой-то особой должности. Онъ былъ здѣсь столь же необходимъ, какъ цыгане, оркестръ и весь туалетъ, мгновенно явившійся въ полномъ сборѣ. Я только не понималъ: въ чемъ роль учителя, но это было еще рано для моей неопытности.

Ярко освѣщенный ресторанъ работалъ: музыка гремѣла, а цыгане расхаживали и закусывали у буфета, дядя обзрѣвалъ комнаты, садъ, гротъ и галлерей. Онъ вездѣ смотрѣлъ «нѣтъ ли непринлежащихъ», и рядомъ съ нимъ безотлучно ходилъ учитель, но когда они возвратились въ главную гостиную, гдѣ всѣ были въ сборѣ, между ними замѣчалась большая разница: походъ на нихъ дѣйствовалъ не одинаково: учитель былъ трезвъ, какъ вышелъ, а дядя совершенно пьянъ.

Какъ это могло столь скоро произойти—не знаю, но онъ былъ въ отличномъ настроеніи; сѣлъ на предсѣдательское мѣсто и пошла писать столица.

Двери были заперты и о всемъ мірѣ сказано такъ: «что ни отъ нихъ къ намъ, ни отъ насъ къ нимъ перейти нельзя». Насъ разлучала пропасть,—пропасть всего вина, яствъ, а главное—пропасть разгула, не хочу сказать безобразнаго,—но дикаго, неистоваго, такого, что и передать

не умѣю. И отъ меня этого не падо и требовать потому, что, видя себя закатымъ здѣсь и отдѣленнымъ отъ міра, я оробѣлъ и самъ почувшилъ скорѣе нанитися. А потому и не буду излагать, какъ шла эта ночь, потому что *все* это описать дано не моему перу, я помню только два выдающіеся батальные эпизода и финаль, но въ нихъ-то и заключалось главнымъ образомъ *страшное*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Доложили о какомъ-то Иванѣ Степановичѣ, какъ впоследствии оказалось важнѣйшемъ московскомъ фабрикантѣ и коммерсантѣ.

Это произвело паузу.

— Вѣдь сказано: никого не пускать, — отвѣчалъ дядя.

— Очень просятся.

— А гдѣ онъ прежде былъ, пусть туда и убирается.

Человѣкъ пошелъ, но робко идетъ назадъ.

— Иванъ Степанычъ, говорить, — приказали сказать, что они очень покорно просятъ.

— Не надо, я не хочу.

Другіе говорятъ: «пусть штрафъ заплатитъ».

— Нѣтъ! гнать прочь, и штрафу не падо.

По человѣкъ является и еще робче заявляетъ:

— Они, говорить, — всякій штрафъ согласны, — только въ ихъ годы, отъ своей компаніи отстать, говорить, — имъ очень грустно.

Дядя всталъ и сверкнулъ глазами, но въ это же время между нимъ и лакеемъ всталъ во весь ростъ Рыбыка: лѣвой рукой, какъ-то однимъ щипкомъ, какъ цыпленка, онъ отшвырнулъ слугу, а правою посадилъ на мѣсто дядю.

Изъ среды гостей послышались голоса за Ивана Степановича: просили пустить его, — взять сто рублей штрафу на музыкантовъ и пустить.

— Свой братъ, старикъ, благочестивый, — куда ему теперь дѣваться? Отобьется, пожалуй еще скандалъ сдѣлаетъ на виду у мелкой публики. Пожалѣть его надо.

Дядя вялъ и говорить:

— Если бытъ не по-моему, такъ и не по-вашему, а по-Божью: Ивану Степанову впускъ разрѣшаю, но только онъ долженъ битъ на литаврѣ.

Пошелъ пересказчикъ и возвращается.

— Просятъ, говорятъ, — лучше съ нихъ штрафъ взять.

— Къ чорту! — не хочеть барабанить — не надо, — пусть его куда хочеть ѣдетъ.

Черезъ малое время Иванъ Степановичъ не выдержалъ и присылаетъ сказать, что *согласенъ* въ литавры бить.

— Пусть придетъ.

Входитъ мужъ нарочито великъ и видомъ почтененъ: обликомъ строгъ, очи угасли, хребетъ согбенъ, а брада комовата и празелень. Хочеть шутить и здороваться, но его степеняють.

— Послѣ, послѣ, это все послѣ, — кричить ему дядя: — теперь бей въ барабанъ.

— Бей въ барабанъ! — подхватываютъ другіе.

— Музыка! подлитаврную.

Оркестръ начинаетъ громкую пьесу, солидный старецъ беретъ деревянныя колотилки и начинаетъ въ тактъ и не въ тактъ стучать по литаврамъ.

Шумъ и крикъ адскій: всѣ довольны и кричатъ:

— Громче!

Иванъ Степановичъ старается сильнѣе.

— Громче, громче, еще громче!

Старецъ колотить во всю мочь, какъ Черный царь у Фрейлиграта, и, наконецъ, цѣль достигнута: литавра издаетъ отчаянный трескъ, кожа лопається, всѣ хохочуть, шумъ становится невообразимый, и Ивана Степановича облегчаютъ, за прорванные литавры, штрафомъ въ пятьсотъ рублей въ пользу музыкантовъ.

Онъ платитъ, отираетъ потъ, усаживается и въ то время, какъ всѣ пьютъ его здоровье, онъ, къ немалому своему ужасу, замѣчаетъ между гостями своего зятя.

Опять хохотъ, опять шумъ и такъ до потери моего сознанія. Въ рѣдкіе просвѣты памяти вижу, какъ пляшутъ цыганки, какъ дрыгаетъ ногами, сидя на одномъ мѣстѣ, дядя; потомъ, какъ онъ передъ кѣмъ-то встаетъ, но тутъ же между ними появляется Рыбка, и кто-то отлетѣлъ и дядя садится, а передъ нимъ, въ столѣ, торчатъ двѣ воткнутыя вилки. Я теперь понимаю роль Рыбки.

Но вотъ въ окне дохнула свѣжесть московскаго утра, я снова что-то созналъ, чо какъ будто только для того, чтобы усомниться въ разсудкѣ. Было сраженіе и рубка лѣсовъ: слышался трескъ, громъ, колыхались деревья, дѣвственныя,

экзотическія деревья, за ними кучею жались въ углу какія-то смуглыя лица, а здѣсь, у корней, сверкали страшныя топоры и рубилъ мой дядя, рубилъ старецъ Иванъ Степановичъ... Просто средневѣковая картина.

Это «брали въ плѣнь» спрятавшихся въ гротѣ за деревьями цыганокъ, цыгане ихъ не защищали и предоставили собственной энергіи. Шутку и серьезъ тутъ не разобратъ: въ воздухѣ летѣли тарелки, стулья, камни изъ грота, а тѣ всѣ врубались въ дѣсь и всѣхъ отважнѣе дѣйствовали Иванъ Степановичъ и дядя.

Наконецъ, твердыня была взята: цыганки схвачены, обняты, расцѣлованы, каждый — каждой сунулъ по сторублей за «корсажъ», и дѣло кончено...

Да; сразу вдругъ все стихло... все кончено. Никто не помѣшалъ, но этого было довольно. Чувствовалось, что какъ безъ этого «жисти не было», такъ зато теперь довольно.

Всѣмъ было довольно и всѣ были довольны. Можетъ-быть, имѣло значеніе и то, что учитель сказалъ, что ему «пора въ классы», но, впрочемъ, все равно: вальпургіева ночь прошла, и «жисть» опять начиналась.

Публика не развѣжалась, не прощалась, а просто исчезла; ни оркестра, ни цыганъ уже не было. Ресторанъ представлялъ полнѣйшее разореніе: ни одной драпировки, ни одного цѣлаго зеркала, — даже потолочная люстра — и та лежала на полу вся въ кускахъ, и хрустальныя призмы ея ломались подъ ногами еле бродившей, утомленной прислуги. Дядя сидѣлъ одинъ посреди дивана и пилъ квасъ; онъ по временамъ что-то вспоминалъ и дрыгалъ ногами. Возлѣ него стоялъ поспѣшавшій въ классы Рябыка.

Имъ подали счетъ, — короткій: «гуртомъ писанный».

Рябыка читалъ счетъ внимательно и потребовалъ полторы тысячи скидки. Съ нимъ мало спорили и подвели итогъ: онъ составлялъ семнадцать тысячъ, и просматривавшій его Рябыка объявилъ, что это добросовѣстно. Дядя произнесъ односложно: «плати», и затѣмъ надѣлъ шляпу и кивнулъ мнѣ за нимъ слѣдовать.

Я, къ ужасу моему, видѣлъ, что онъ ничего не забылъ и что мнѣ невозможно отъ него скрыться. Онъ мнѣ былъ чрезвычайно страшень, и я не могъ себѣ представить, какъ я останусь въ этомъ его ударѣ съ глазу-на-глазъ. Прихва-

тилъ онъ меня съ собою, даже двухъ словъ резонныхъ не сказалъ, и вотъ таскаетъ, и нельзя отъ него отстать. Что со мною будетъ? у меня весь и хмель пропасть. Я просто только боялся этого страшнаго, дикаго звѣря, съ его невѣроятною фантазіею и ужаснымъ размахомъ. А между тѣмъ мы уже уходили: въ передней насъ окружила масса лакеевъ. Дядя диктовалъ: «по пяти» — и Рябыка расплачивался; ниже платили дворникамъ, сторожамъ, городовымъ, жандармамъ, которые всѣ оказывали намъ какія-то службы. Все это было удовлетворено. Но все это составляло суммы, а тутъ еще на всемъ видимомъ пространствѣ парка стояли извозчики. Ихъ было видимо-невидимо, и всѣ они тоже ждали насъ, — ждали батюшку Илью Ѳедосѣича, «не понадобится ли зачѣмъ послать его милости».

Узнали сколько ихъ и выдали всѣмъ по три рубля, и мы съ дядей сѣли въ коляску, а Рябыка подаль ему бумажникъ.

Илья Ѳедосѣичъ вынулъ изъ бумажника сто рублей и подаль Рябыкѣ.

Тотъ повернулъ билетъ въ рукахъ и грубо сказалъ:
— Мало.

Дядя накинулъ еще двѣ четвертки.

— Да и это недостаточно: — вѣдь ни одного скандала не было.

Дядя прибавилъ третью четвертную, послѣ чего учитель подаль ему палку и откланялся.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мы остались вдвоемъ, съ глазу-на-глазъ, и мчались назадъ въ Москву, а за нами, съ гикомъ и дребезжаніемъ, неслась во всю скачь вся эта извозничья рвань. Я не понималъ, что имъ хотѣлось, но дядя понялъ. Это было возмутительно: имъ хотѣлось еще сорвать отступного и вотъ они, подъ видомъ оказанія особой чести Ильѣ Ѳедосѣичу, предавали его почетное высокостепенство всесвѣтному позору.

Москва была предъ носомъ и вся въ виду, — вся въ прекрасномъ утреннемъ освѣщеніи, въ легкомъ дымкѣ очаговъ и мирномъ благовѣстѣ, зовущемъ къ молитвѣ.

Вправо и влѣво къ заставѣ шли лабазы. Дядя всталъ у

крайняго изъ нихъ, подошелъ къ стоявшей у порога липовой кадкѣ, и спросилъ:

— Медь?

— Медь.

— Что стѣбитъ кадка?

— На мелочь, по фунтамъ, продаемъ.

— Продай на крупное: смекни, что стѣбитъ.

Не помню, кажется, семьдесятъ или восемьдесятъ рублей онъ смекнулъ.

Дядя выбросилъ деньги.

А кортежъ нашъ надвинулся.

— Любите меня, молодцы, городскіе извозчики?

— Какъ же, — мы всегда къ вашему степенству...

— Привязанность чувствуете?

— Очень привязаны.

— Снимай колеса.

Тѣ недоумѣваютъ.

— Скорѣй, скорѣй! — командуетъ дядя.

Кто попрыгче, человекъ двадцать, слезили подъ козла, достали ключи и стали развертывать гайки.

— Хорошо, — говоритъ дядя: — теперь мажь медомъ.

— Батюшка!

— Мажь!

— Этакое добро... въ ротъ любопытнѣе.

— Мажь!

И не настая болѣе, дядя снова сѣлъ въ коляску, и мы понеслись, а тѣ, сколько ихъ было, всѣ остались съ снятыми колесами надъ медомъ, которымъ они колесъ вѣрно не мазали, а растащили по карманамъ, или перепродали лабазнику. Во всякомъ случаѣ, они насъ оставили, и мы очутились въ баняхъ. Тутъ я себѣ ожидалъ кончину вѣка, и ни живъ, ни мертвъ сидѣлъ въ мраморной ваннѣ, а дядя растянулся на полъ, но не просто, не въ обыкновенной позѣ, а какъ-то апокалипсически. Вся огромная масса его тучнаго тѣла упиралась объ полъ только самыми кончиками ножныхъ и ручныхъ пальцевъ и на этихъ тонкихъ точкахъ опоры красное тѣло его трепетало подъ брызгами пущеннаго на него холоднаго дождя и ревѣлъ онъ сдержаннымъ ревомъ медвѣдя, вырывающаго у себя больничку. Это продолжалось съ полчаса и онъ все одинаково весь трепеталъ какъ желе на тряскомъ столѣ, пока, наконецъ, сразу

вспрыгнувъ, спросилъ квасу, и мы одѣлись и поѣхали на Кузнецкій «къ французу».

Здѣсь насъ обоихъ слегка подстригли и слегка завили и причесали, и мы пѣшкомъ перешли въ городъ — въ лавку.

Со мной все нѣтъ ни разговора, ни отпуска. Только разъ сказалъ:

— Погоди, не все вдругъ;—чего не понимаешь—съ лѣтамъ поймешь.

Въ лавкѣ онъ помолился, взглянувъ на всѣхъ хозяйскимъ окомъ, и сталъ у конторки. Внѣшность сосуда была очищена, но внутри еще ходила глубокая скверна и искала своего очищенія.

Я это видѣлъ и теперь пересталъ бояться. Это меня занимало,—я хотѣлъ видѣть, какъ онъ съ собою раздѣляется: воздержаніемъ, или какой благодатию?

Часовъ въ десять онъ сталъ больно нудиться, все ждалъ и высматривалъ сосѣда, чтобы идти втроемъ чай пить, — троимъ собираютъ на цѣлый пятакъ дешевле. Сосѣдъ не вышелъ: померъ скорописною смертью.

Дядя перекрестился и сказалъ:

— Всѣ померъ.

Это его не смутило, несмотря на то, что они сорокъ лѣтъ вмѣстѣ ходили въ Новотроицкій чай пить.

Мы позвали сосѣда съ другой стороны и не разъ сходили, того-сего отвѣдали, но все на-трезво. Весь день я просидѣлъ и проходилъ съ нимъ, а передъ вечеромъ дядя послалъ взять коляску ко Всецѣтой.

Тамъ его тоже знали и встрѣтили съ такимъ же почетомъ, какъ у Яра.

— Хочу пасть передъ Всецѣтой и о грѣхахъ поплакать. А это, рекомендую, мой племянъ, сестры сынъ.

— Пожалуйте,—говорятъ инокини:—пожалуйте, отъ кого же Всецѣтой, какъ не отъ васъ, и покаянье принять, — всегда Ея обители благодѣтели. Теперь къ Ней самое расположеніе... всенощная.

— Пусть кончится,—я люблю безъ людей и чтобъ мнѣ благодатный сумракъ сдѣлать.

Ему сдѣлали сумракъ: погасили все, кромѣ одной или двухъ лампадъ и большой глубокой лампы, съ зеленымъ стаканомъ, передъ Самою Всецѣтою.

Дядя не упалъ, а рухнулъ на колѣни, потомъ ударилъ лбомъ объ цѣль ницъ, всхлинулъ и точно замеръ.

Я и двѣ инокини сѣли въ темномъ углу, за дверью. Шла долгая пауза. Дядя все лежалъ, не подавая ни гласа, ни послушанія. Мнѣ казалось, что онъ будто уснулъ, и я даже сообщилъ объ этомъ монахинямъ. Опытная сестра подумала, покачала головою и, возжегши тоненькую свѣчку, зажала ее въ горсть и тихо-тихонько направилась къ кающемуся. Тихо обойдя его на цыпочкахъ, она возмутилась и шепнула:

— Дѣйствуетъ... и съ оборотомъ.

— Почему вы замѣчаете?

Она пригнулась, давъ знакъ и мнѣ сдѣлать то же, и сказала:

— Смотри прямо черезъ огонекъ,—гдѣ его ножки.

— Вижу.

— Смотрите, какое бореніе!

Всматриваюсь и, дѣйствительно, замѣчаю какое-то движеніе: дядя благоговѣнно лежитъ въ молитвенномъ положеніи, а въ ногахъ у него словно два кота дерутся, — то одинъ, то другой другъ друга борются, и такъ частенько, такъ и прыгаютъ.

— Матушка, говорю,—откуда же эти коты?

— Это, отвѣчаетъ,—вамъ только показываются коты, а это не коты, а искушеніе: видите, онъ духомъ къ небу горитъ, а ножками-то еще къ аду перебираетъ.

Вижу, что и дѣйствительно это дядя ножками вчерашняго трепака доплясываетъ, но точно ли онъ и духомъ теперь къ небу горитъ?

А онъ, словно въ отвѣтъ на это, вдругъ какъ вздохнетъ, да какъ крикнетъ:

— Не поднимусь, пока не простишь меня! Ты бо одинъ святъ, а мы всѣ черти окаянныя,—и зарыдалъ.

Да вѣдь такъ такъ зарыдалъ, что всѣ мы трое съ нимъ навзрыдъ плакать начали: Господи, сотвори ему по его моленію.

И не замѣтили, какъ онъ уже стоитъ рядомъ съ нами и тихимъ благочестивымъ голосомъ говорить мнѣ:

— Пойдемъ—справимся.

Монахини спрашиваютъ:

— Сподобились ли, батюшка, отблескъ видѣть?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, — отолеска не сподобился, а вотъ...
этакъ вотъ было.

Онъ сжалъ кулакъ и поднялъ, какъ поднимають за вихорь мальчишекъ.

— Подняло?

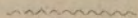
— Да.

Монахины стали креститься и я тоже, а дядя пояснилъ:

— Теперь мнѣ, говоритъ, — прощено! Прямо съ самаго сверху, изъ-подъ кумпола, разверстой десницей сжало мнѣ всѣ власы вкупѣ и прямо на ноги поставило...

И вотъ онъ не отверженъ, и счастливъ; онъ щедро одарилъ обитель, гдѣ вымолилъ себѣ это чудо, и опять почувствовалъ «жисть» и послалъ моей матери всю ея приданую долю, а меня ввелъ въ добрую вѣру народную.

Съ этихъ поръ я вкупѣ народный позналъ въ паденіи и въ возстаніи... Это вотъ и называется *чертогонъ* «ниже бѣса чужеумія изпраздняеть». Только сподобиться этого, повторяю, можно въ одной Москвѣ, и то при особомъ счастиі, или при большой протекціи отъ самыхъ степенныхъ старцевъ.

Оглавление

XIV ТОМА.

	стр.
Овцебыкъ. Разсказъ	3
Колыванскій мужъ. (Изъ остзейскихъ наблюдений)	70
Ракушанскій меламень. Разсказъ на бивуакъ	130
Бѣлый орель. Фантастическій разсказъ	166
Чертогонъ	187

**INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA**
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

При кандомъ № „Нивы“, независимо отъ другихъ приложений, подписчики получаютъ по одной книгѣ, а новые подписчики могутъ получить (за 1 р. 50 к., съ пересылкой за 2 р.) и первые 12 томовъ сочиненія Лѣскова за 1902 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1903 ГОДЪ

(34-й годъ изданія)

на еженедѣльный иллюстрированный

ЖУРНАЛЬ

со многими приложениями

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1903 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1100 гравюръ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ.

40 **ТОМОВЪ** „Журнала Нивы“ (каждый отъ 10—15 листовъ, въ общемъ около 9.0 страницъ), со держащихъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

въ **16** то- махъ **Ант. П. ЧЕХОВА**

(цѣна въ отдѣльной продажѣ **17 р. 50 к.**), которое будетъ отпечатано четкимъ шрифтомъ на хорошо глазированной бумагѣ и будетъ выдано въ теченіе одного 1903 года, и

ПОЛНАГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНІЙ

24 осталь- ныхъ тома **Н. С. ЛѢСКОВА**

(цѣна въ отдѣльной продажѣ **17 р.**), значительно дополненное многими произведеніями, не вошедшими въ прежнія изданія, въ томъ числѣ: **По поводу „Крейцеровой сонаты“**, **„Мелочи архіерейской жизни“**, **„Расточитель“** и друг.

12 **КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРН. И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“**, содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отѣлы библиографіи, музыки, смѣси, шахматовъ и шашекъ, спорта, забавъ и разныхъ игръ. До 2000 столбцовъ текста съ иллюстраціями.

12 №№ **„ПАРИЖОНИХЪ МОДЪ“**, выходящихъ ежемѣсячно. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отговѣтовъ на разнообразныя вопросы подписчиковъ.

12 **ЛИСТОВЪ** рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

1 „ОТЪННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1903 годъ, отпечатанный въ 9 красокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годовое изданіе со всѣми приложениями: **безъ доставки:** 1) въ С.-ПЕТЕРБУРГЪ—**6 р. 50 коп.**; 2) въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ (Петровскія линіи)—**7 руб. 25 коп.**; 3) въ ОДЕССѢ въ книжн. магаз. «ОБРАЗОВАНИЕ» (Ришельевск., № 12)—**7 р. 50 к.** **Съ доставкой въ С.-Петербургъ—7 р. 50 коп. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСѢ ГОРОДА И МѢСТНОСТИ РОССІИ — 8 р.** За границу — **12 р.**

Допускается разерочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1903 г. со всѣми приложениями,—еще приложенные при „Нивѣ“ за 1902 г. **ПЕРВЫЕ**

12 **ТОМОВЪ** полнаго собранія сочин. ЛѢСКОВА, доплачиваютъ единовременно при подпискѣ: безъ доставки въ С.-Петербургъ 1 р. 50 к., безъ доставки въ Москвѣ и Одессѣ 1 р. 75 к.; съ дост. въ СПБ. и съ перес. инороднымъ и за границу—2 руб., такъ что для новыхъ подписчиковъ **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА**

составитъ: безъ доставки: 1) въ СПБ.—**8 руб.**, 2) въ Москвѣ у Н. Печковской—**9 руб.**, 3) въ Одессѣ въ книжн. магаз. „Образование“—**9 р. 25 коп.** Съ доставк. въ С.-Петерб. **9 р. 50 к.** **Съ перес. во всѣ мѣста Россіи — 10 руб.** и за границу—14 руб.

Требованія просить адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРВСУ), улица Погода (бывш. М. Морская), № 22.

Только-что вышла изъ печати и поступила въ продажу

24.12/17

ВОСПОМИНАНІЯ БУРСКАГО ГЕНЕРАЛА

ХР. ДЕВЕТА.

БОРЬБА БУРОВЪ СЪ АНГЛЕЮ.

Переводъ съ голландскаго оригинала **Е. Н. Половцовой**, съ введеніемъ, примѣчаніями и дополнен. голландскаго пастора **Гиллота**.

Съ 128 иллюстраціями и 2 картами.

Исключительное право перевода на русскій языкъ, а также на всѣ, помѣщенные въ книгѣ, рисунки приобрѣтено нами по матеріальному контракту отъ издательской фирмы Гёвенеръ и Вормсеръ въ Амстердамѣ, утвержденному русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Амстердамѣ.

Половина чистаго дохода съ этого изданія поступаетъ въ пользу буровъ и будетъ передана самому Хр. Девету.

Весь образованный міръ съ нетерпѣніемъ ждалъ появленія въ свѣтъ истиннаго описанія англо-бурской войны, составленнаго самимъ генераломъ Деветомъ. Вся міровая литература съ каждымъ днемъ обогащается воспоминаніями объ этой войнѣ, но ни одно изъ нихъ не можетъ соперничать съ книгой генерала Девета по полнотѣ, яркости и, главное, необыкновенной объективности, съ которой Деветъ описываетъ жестокіе поступки, совершенные англійскими войсками въ культурной странѣ буровъ, превращенной варварскою рукою англійской арміи изъ цвѣтущаго государства въ необозримое кладбище. Смѣлый боецъ, выказавшій чудеса храбрости, наводившій панику на стотысячную армію англичанъ, взялся за перо и составилъ книгу воспоминаній, рисующую всѣ главнѣйшія событія войны съ такой пластичностью, такою искренней, непритворной правдой, что отъ нея нельзя оторваться. И по своему захватывающему содержанию, и по безыскусственному характеру изложенія книга Девета близка всѣмъ, всѣмъ доступна и будитъ въ каждомъ изъ насъ тѣ высокія чувства справедливости и состраданія, которыми были полны всѣ русскіе люди во все время этой небывалой по жестокости и несправедливости войны.

Иллюстраціи книги исполнены по оригинальнымъ фотографіямъ, снятымъ на мѣстѣ военныхъ дѣйствій офицеромъ штаба генерала Девета.

Изящное изданіе, отпечатан. на хорошей бумагѣ, красив. шрифтомъ, in 8°. Цѣна: 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.; въ коленкор. переплетѣ 3 руб. 50 коп., съ перес. 4 руб.

ПОВАРЕННАЯ КНИГА.

Руководство для приготовленія простыхъ, тонкихъ и вегетаріанскихъ обѣдовъ. Съ 66 рисунками.

Составила **Ю. А. ЮГАНСОНЪ.**

Книга Ю. А. Югансонъ представляетъ собою результаты ея 35-лѣтней дѣятельности въ поваренномъ искусствѣ и по хозяйству и даетъ разнообразнѣйшіе и превосходнѣйшіе, усовершенствованные за многіе годы, рецепты для приготовленія кушаній, какъ скоромныхъ и постныхъ, такъ и вегетаріанскихъ, при чемъ авторъ стремился придать кушаньямъ, кромѣ наилучшаго вкуса, удобоваримость и питательность. На ряду съ огромнымъ количествомъ рецептовъ для кухни, около 1900, въ книгѣ имѣется масса разнообразныхъ хозяйственныхъ свѣдѣній, а также обстоятельныхъ указаній относительно заготовки плодовъ и овощей, приготовленія вареній, наливковъ и др. напитковъ, изготовленія печеній, конфетъ и т. д.

Изящная, объемистая книга, 946 стр., въ 8-ю д. л., съ 66 превосходными рисунками. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; въ переплетѣ 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Требованія и деньги просятъ адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, ул. Голая (бывш. М. Морская), № 22.—Изданія эти имѣются также въ продажѣ въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ книжн. магаз. „Образованіе“ въ Одессѣ (Ришельевская, № 12) и во всѣхъ большихъ книжн. магазинахъ.

24124